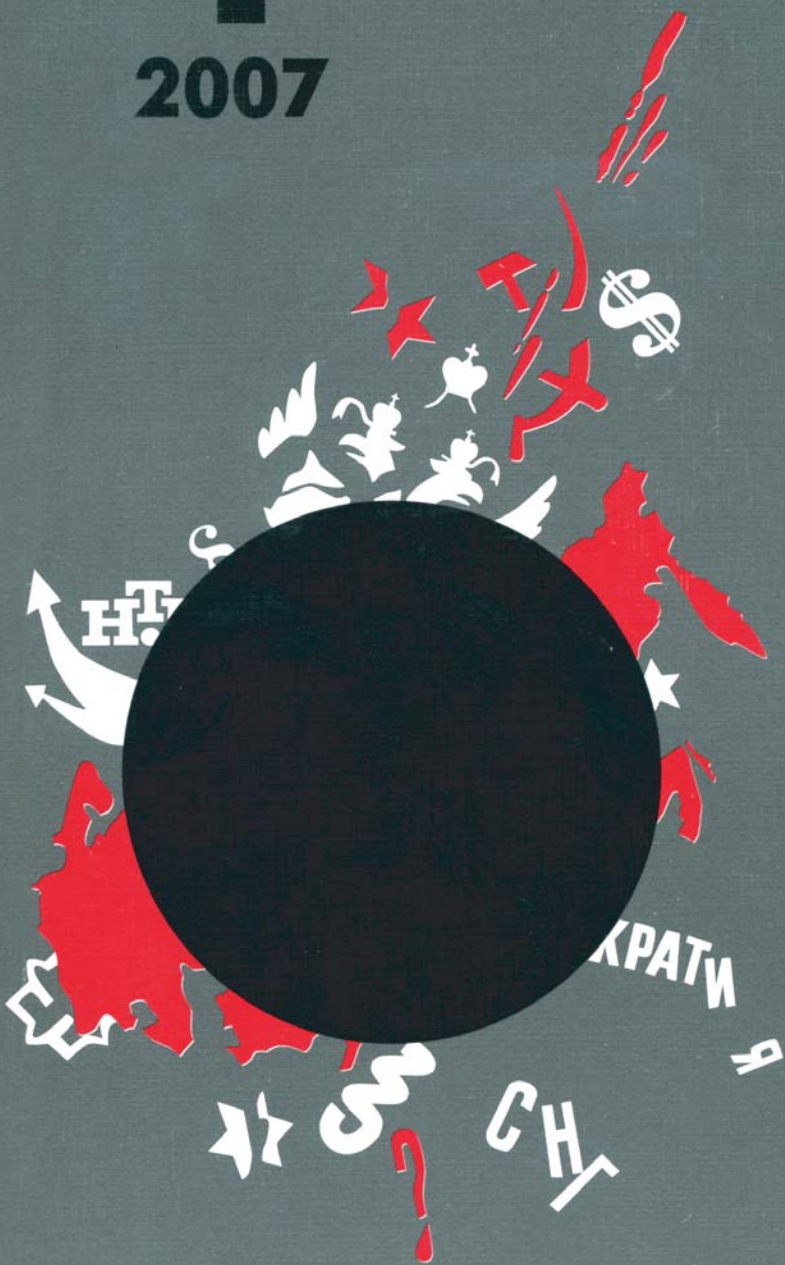

1

2007

РОСССНЯ XXI

1.2007 январь-февраль

Общественно-политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Дети унтер-офицерской вдовы _____ 4

Геоглобалистика

Леонид Фридман

Китай, Россия и США.
Разные расчеты — разные результаты
(окончание) _____ 52

Современные утопии

Андрей Горохов

Человеческая жизнь: самостоятельная
ценность или экономическая категория? _ 84

Россия в мире

Ксения Мяло

На круги своя: перед вызовом
глобализации (окончание) ___ 112

Ярлыки и мифы

Вячеслав Найдых

Предмет философии мифологии
и ее становление в России
(окончание) _____ 134

Страницы истории

Оксана Киянская

П.И.Пестель на следствии ___ 162

Contents in English look at the page 200

Мы не можем видеть реальность «здесь» и оставаться закрытыми ей «там». Это ослабляет наше зрение и делает поиск правды неэффективным. Мы можем правильно оценить себя только в контексте социальных обстоятельств, которые мы можем заметить, если будем пристально и критично следить за тем, что происходит в мире. Это то, что требует от нас любовь. И если мы любим наших ближних, мы не можем ограничить понимание и любовь чем-то одним. Это неизбежно ведет к ошибке. Мы должны быть политизированными, я бы даже сказал, страстно вовлеченными в политику людьми. <...> У интеллектуала

есть одна, первая и главная, задача. Он должен искать истину и проповедовать ее. Для интеллектуала не является главным составление политических платформ. И это не противоречит тому, что я говорил раньше о политической активности. Это особая задача интеллектуала – она определяет или должна определять его роль: преследовать истину без компромиссов и без оглядки на свои или другие интересы.

Эрих Фромм

Сергей Кургинян

ДЕТИ УНТЕР-ОФИЦЕРСКОЙ ВДОВЫ¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The article is a rejoinder to the boisterous reaction of the CPRF elite to the author's works that had been published earlier and contained criticism of the CPRF leaders. The author notes that the text published and disseminated by the CPRF press service cannot be perceived as a discussion material because it omits discussion of the principal issue: the political results of activities the CPRF carried on from its inception onwards, i.e. for 15 years. Persons who concocted this text also skirt topics that the author suggests to discuss for a long time. Collision of regress in Russia and forms of struggle under conditions of growing regress are among these topics. Instead of restoring the Soviet positive notions in the public conscience and developing ideas without which the country cannot survive the CPRF elite propagates extremely dangerous politically and ideologically topics, i.e. «sustainable growth concept» and «limits to revolution». Thereby the CPRF elite reveal the ultra-comprador nature of their ideology.

¹ Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 30 ноября 2006 г.

Дети унтер-офицерской вдовы сильно отличаются от «детей Вдовы», но почти не отличаются от «детей лейтенанта Шмидта».

Из неизданной Энциклопедии нравов

Часть I. **Вводные обстоятельства**

О публикованные мною в газетах «Завтра» и «Слово» аналитические статьи «Аналитика пораженчества» и «Профессия – пораженец», посвященные критике верхушки КПРФ (и являющиеся продолжением беседы с А.Карауловым в передаче «Момент истины»), достигли цели.

Они вызвали, наконец, бурную реакцию в различных сегментах элиты КПРФ. Как на федеральном, так и на региональном уровнях. Очень странно, что этой реакции не было раньше, когда я те же мысли излагал в патриотической печати, так сказать, по горячим следам тех или иных событий.

Но лучше поздно, чем никогда.

В деле, которым я занимаюсь, нельзя предаваться длинным лирическим отступлениям. Скажу лишь, что мне не привыкать быть объектом «разоблачительных кампаний» в прессе. В конце 80-х годов мне пришлось достаточно резко рвать отношения с так называемым «реформистским лагерем», заявившим о своей приверженности распаду СССР. Травля, развернутая против меня в те годы, уже не может быть повторена заново, поскольку не достигнет цели. Нет той социальной целомудренности, того доверия к прессе (тем более к прессе «независимой, прогрессивной, реформистской»). Вообще нет возможности сконцентрировать эмоции общества на каком бы то ни было образе – благостном или демоническом.

Причины этой невозможности носят очень глубокий характер, и их подробный анализ увел бы нас от существа дела. Хотя, видимо, такой анализ нужен сегодня обществу ничуть не меньше, чем подробное «выяснение отношений» с маргинализирующейся структурой, стремительно идущей путем регресса по своей псевдолевой политической траектории.

Короче: настоящую травлю можно было развернуть только в советском обществе. И только в условиях, когда некто, еще обладая полнотой власти, хотел подавить всех, кто пытался воспрепятствовать применению этой власти в однозначно деструктивных целях.

Да и проблему исполнителей нельзя скидывать со счетов. В той травле был задействован другой актив с другими способностями. Там иначе было отточено искусство лжи. Там был другой подход к современности. Там миф творили настоящие специалисты по провокациям.

И еще один фактор. В первый раз такая травля может вызывать острое чувство. Но когда это происходит во второй, третий, четвертый раз, с тупо искаженными перепевами предыдущих провокационных тем, норма реагирования не может не измениться.

Если во мне и остается какой-то след эмоционального реагирования, то он связан с жалостью к одним и... как бы помягче выразиться... со специфической иронией к другим.

Сначала – о жалости. Это не риторический оборот. Я действительно испытываю искреннюю жалость к тем, кто так надрывно пытается меня разоблачать, копируя гораздо более профессиональные провокационные наезды своих демократических предшественников и двойников.

Эти люди могут быть добровольцами или работать по найму. Стилиевые особенности позволяют выявить обе категории исполнителей. Эти люди могут подписывать то, что им подсовывают, или искренне водить пером по бумаге. В любом случае, они пребывают в состоянии глубокого невроза.

На первой фазе невроза такие люди пожимали плечами и говорили, что «вот сейчас наш Зюганов придет к власти и расправится со злопыхателями». На этой фазе они вообще не реагировали на критику КПРФ. Им так задурили голову, что они, вопреки всему, были убеждены в победе Зюганова, с которым связывали разные надежды – кто подлинно человеческие, а кто и мелкокарьерные.

Теперь эта фаза позади. Все, кто сейчас подписывается под «антикургиняновскими воззваниями», прекрасно знают, что Зюганов: а) никогда не будет президентом РФ, б) никогда не возглавит парламентского большинства, в) возможно, вообще ничего не возглавит, а если и возглавит, то нечто сугубо карманное и периферийное.

Но когда я обращаюсь к этим людям и спрашиваю: «Люди, вы понимаете, что это так? Вы ведь не можете не понимать, что это так! Тогда давайте разберемся, почему это так! Я вот считаю, что потому-то и потому-то. А вы как думаете?», – то эти люди не отвечают на вопрос. Они начинают, когда ернически-надрывно, а когда и просто истерично, обсуждать мою личность и мотивы моих высказываний. Что это значит?

Что началась вторая фаза невроза.

Женщина знала, что муж ей изменяет, но думала, что все рассосется, муж отбесится. И с иронической ухмылкой отмахивалась от робких намеков: «Мол, ты гляди, твой Вася-то чего-то... того!» Это была первая фаза. На второй фазе женщина знает наверняка, что дело – швах. И потому громко вопит на каждого, кто ей на это тактично и мягко указывает.

На третьей фазе женщина сломается. Она сама начнет говорить нечто такое, что ее придется останавливать и убеждать несчастную, что муж не так плох, да и ситуация не такая уж «свинцово-мерзостная».

На этом коммунистическое движение в России и кончится. Останутся совсем уж плохонькие и надуманные структуры. Что-то экстремистское с антигосударственным привкусом. Плюс какой-то, уже совсем очевидный, пиаровский «самоострок».

Советская история, с ее трагическим размахом и трагическими же ошибками, будет оскорблена вторично. На этот раз не разнузданной демократической клеветой, а мелкой самопародией. Она и вправду повторится в виде фарса. И этот фарс может лечь страшной оскорбительной тенью на ту трагедию, которую он пародирует.

Можно ли было спасти Советский Союз или нет? Я до сих пор убежден, что можно было. Но, даже если нельзя, нужно было хотя бы сказать что-то не совсем плоское и банальное в его защиту перед его концом.

Это было не только политической и аналитической обязанностью. Это было еще и экзистенциальным долгом. Потому что есть разные подходы к ответу на вопрос, что такое твоя страна. Если страна – это всего лишь совокупность ныне живущих, то твоя задача – сначала в чем-то убеждать этих ныне живущих. А потом, если они движутся в неверном направлении (а вектор их движения ясен по историческому результату, тут всегда определяет исторический результат, и ничто другое), либо двигаться вместе с ними, либо уходить из политики.

Но если страна – это единство живых и мертвых, то существуют и мертвые как метафизическая (а значит, и политическая) реальность. Кто-то может отрицать метафизическую реальность вообще. Кто-то – считать, что метафизика оторвана от политики. Но если ты считаешь, что метафизика существует и от политики не оторвана, то ты будешь говорить, даже если кажется, что тебя не слушают.

В этом случае у тебя есть свой путь, так сказать, свой вектор, несводимый к собственно политическому. Есть другое отношение к словам. К их весу, роли, предназначению.

Это по вопросу о жалости к неврозам и ответственности перед теми, кто отделен от нас метафизической чертой и сам уже ничего сказать не

может. Но есть и еще одно чувство, которое мне хотелось бы выразить перед тем, как приступить к совсем другому типу полемики.

Второе мое чувство – глубокое изумление по поводу того, в какой степени «думающее меньшинство» нашего общества лишено какой-либо, даже слабой и остаточной, способности к автономному социальному поведению. С этим всегда было плохо. А сейчас – хуже, чем когда бы то ни было.

Я знаю многих, кто оценивает Зюганова гораздо резче, чем я, но никогда не скажет этого публично. Я не хочу обвинять этих многих в трусости, слабости и так далее. Тут, скорее, срабатывают более сложные мотивы. Люди вообще хотят (а интеллектуалы-индивидуалы, видимо, более, чем другие) быть в каком-то лагере, в какой-то солидарной социальной среде, прибиться к какому-то берегу. Словом, как-то преодолеть удел одиночества, который ощущается сейчас, видимо, особенно остро.

Я с этим сталкивался и на других переломных моментах истории. И видел, как люди, смелые и решительные в иных ситуациях, боялись порвать со своей национальной или корпоративной средой, боялись мнения референтных групп и так далее.

Это вызывало и вызывает во мне ироническое сожаление, но никоим образом не корректирует мое поведение. Я буду делать то, что считаю для себя должным. И ни с чем, кроме этого долженствования, соотноситься не намерен. Единственное, что мне тут постоянно приходится оговаривать, это, оглянувшись через плечо на осторожничающих, лишний раз подчеркнуть: «Я, и только я, так считаю. Это моя, и именно моя, позиция».

Оговорив указанные «вводные обстоятельства» в адекватном этим обстоятельствам тоне, я приступаю к своей тягостной основной обязанности. С одной – последней – оговоркой: я надеюсь, что меня поймут, если я буду реагировать не на каждый «чих» моих критиков, а на некий высокопоставленный «насморг», инициирующий подобные «чихи».

Это не является моим неуважением к трудящимся и их письмам. Как индивидуальным, так и коллективным. Тем более, что за бурными реакциями стоят не только распоряжения свыше, но и неврозы, которые я описал.

Но потакать неврозам – вовсе не значит помогать их преодолеть. Все, кто когда-то преодолевал невроз или помогал делать это кому бы то ни было, знают, что главная рекомендация тут одна: «Не цацкаться!»

Я и не буду.

Часть II.

Кое-что о важных деталях

17 ноября 2006 года пресс-служба ЦК КПРФ опубликовала на своем Интернет-сайте материал под названием «Momento de verdad для политолога "На досках"». В этом шедевре пресс-служба, наконец-то, уходит с суконной лингвистической территории, на которой она доселе размещалась, и начинает демонстрировать свои способности в том, что касается современного политического языка.

Демонстрация этих способностей говорит сама за себя. Для каждого, кто обладает интеллектуальным и семантическим слухом, все ясно без комментариев. Но поскольку этот слух есть не у всех, то нужно кое-что дополнительно прокомментировать. Потому что отсутствие слуха – это ведь не фатум. Слух можно развить, было бы желание.

И я убежден, что кое у кого это желание есть. Есть и левая молодежь, которая проникнута (просто знаю это) стремлением во многом разобраться. Есть и вполне классический советский левый контингент, уже достаточно встревоженный происходящим в своей партии и тоже не лишенный желания по-настоящему разобраться. Его, этот совокупный «ищущий контингент», можно, конечно, отдать на откуп конспирологам и прочим шизеющим окормителям. Но это равносильно интеллектуальной капитуляции левых сил.

То, что КПРФ уже подписала акт о такой капитуляции, для меня ясно (об этом мои статьи «Аналитика поражения» и «Профессия – пораженец»). Вопрос: когда это произошло с КПРФ? Может быть, КПРФ изначально и была задумана как исполнитель капитулянтского «политического танца»... Может быть, это произошло «по ходу дела»...

Главное не в этом. Главное в том, что Россия входит в очередной системный кризис.

Одно дело, если она входит в него с адекватной левой идеологией, а также с созвучными этой идеологии (государственническими и подлинно левыми) политическими структурами.

Другое дело, если нет ни подобной идеологии, ни подобных структур, а их место занимают муляжи или карикатуры (на современном постмодернистском языке – симулякры). Тогда веер возможностей, вытекающих из самой ситуации системного кризиса, резко сужается.

Мог бы подробно описать, как именно он сужается и к чему это приведет. Кто выигрывает, какой ценой оплатит этот выигрыш народ. Но об этом надо или подробно, или никак. Конспективная вводная не предназна-

цена для раскрытия темы. Она отвечает на другой вопрос, который мне все время задают: «Зачем Вы с ними возитесь? Зачем полемизируете? Зачем что-то растолковываете, когда и так уже все ясно?»

Во-первых, не все ясно. В том числе неясно кое-что из того, что следует прояснить ради серьезных будущих целей.

Во-вторых, даже если тебе что-то ясно, то это не значит, что ты не должен разъяснять другим. Тут весь вопрос, какова профессия. Если она требует борьбы за умы, то само это определение («борьба за умы») предполагает колебания в сознании тех, за кого ты борешься.

Если сознания нет или оно дремуче-непоколебимо, действительно, за что бороться? За что и за кого? А если это сознание находится в плену у норм понимания, способов понимания (кто-то скажет – «когнитивных матриц»), не позволяющих, так сказать, «работать в реальности», то существуют методы извлечения такого сознания из опасного плена. И я намерен эти методы применять. Для этого мне нужны своего рода учебные пособия. Не знаю, как еще назвать. Экспонаты. Образцы.

Новый текст пресс-службы ЦК КПРФ вполне тянет сразу и на экспонат, и на пособие, и на «показательный семантический экземпляр». Как этим не воспользоваться? Вот я и пользуюсь.

Аппарат содержательной дискуссии здесь не сработает. Потому что весь текст этой самой пресс-службы пронизан желанием уйти от содержательной дискуссии. Возможен ли тогда хоть какой-то аппарат? Возможен. И я постараюсь его продемонстрировать.

Но, прежде всего, в чем состоит уход от дискуссии по существу?

Он состоит в отказе рассматривать главное предлагаемое к дискуссии обстоятельство. Это обстоятельство – политический результат деятельности КПРФ за 15 лет с момента ее создания. Деятельности элиты КПРФ и ее лидера. По этому поводу я ставлю один вопрос: УСТРАИВАЕТ ЛИ ЦК КПРФ, ПРЕСС-СЛУЖБУ ЭТОГО ЦК И ТУ ПАРТИЮ, ЧЬИМ ЦК ЭТО ЦК ЯВЛЯЕТСЯ, ДОСТИГНУТЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ? ДА ИЛИ НЕТ? В ЧЕМ СОСТОИТ ЭТОТ РЕЗУЛЬТАТ? КАК БУДЕТ ДАЛЬШЕ ВЕСТИ СЕБЯ, ТАК СКАЗАТЬ, КРИВАЯ УСПЕШНОСТИ? НА ЧТО ДЕЛАЕТСЯ СТАВКА? КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЕЩАНИЯ СООТНОСЯТСЯ С ДОСТИГНУТЫМ? И ТАК ДАЛЕЕ.

Совершенно не надо обсуждать ни меня, ни мои суждения по этому поводу. КПРФ – самой – надо обсудить результат. И не только обсудить, а и объяснить. В этом задача любого политика.

Сначала надо сказать: «Да, результат нас устраивает» или «Нет, результат нас не устраивает».

Сказать, что «результат нас устраивает», – значит плюнуть в лицо тому электрорату, который обеспечивал поддержку партии, веря, что эта партия спасет его от социального и экзистенциального ужаса, гордо именовавшегося «шоковыми реформами». То есть этого сказать нельзя.

Но и сказать, что «результат нас не устраивает», тоже невозможно. Потому что тогда нужно давать объяснения. Анализировать причины. Нельзя же без конца ссылаться на козни режима. Потому что эти козни – безальтернативная рамка, внутри которой приходится решать проблему.

Нельзя просто жаловаться на режим, да еще много раз. Это все равно, что жаловаться на дождь. Вот я вышел на улицу и промок. И заболел. А почему промок? Потому что шел дождь? А зонт-то чего не взял? Не тот был прогноз погоды? А у кого ты его спрашивал? И так далее.

Нет мужества, чтобы признать свое поражение. Нет развитого политического сознания для того, чтобы определить и объяснить причины своего поражения. И нет желания что-либо менять. Поскольку что-либо менять – это значит кого-либо менять. Тут одно без другого невозможно.

Таким образом, нет ни победных реляций, ни «разбора полетов». А что есть? Есть некая «серая политическая зона», в которой все забалтывается, запутывается, топится в мелочах, в пресловутой стратегии фиктивных «малых дел». Вот, видите, фракция КПРФ требует пересмотра законодательства о недрах, о природной ренте. Правильное ведь дело-то? Правильное! Хорошее!

А то, что фракция уже 10 лет всего этого требует? А караван идет в совершенно другом направлении. То, что эта фракция не увеличивается, а уменьшается в размерах? То, что роль КПРФ в президентских выборах чисто номинальная? Так это все из разряда политических табу. «В доме повешенного не говорят о веревке». А те, кто говорит, – негодяи. Причем системные. Они и неумные, и трусливые, и корыстные. Да и вообще. Не слушайте их, люди!

Люди, к которым это обращено, очень послушные, очень дисциплинированные. Им сказали «негодяи» – они верят. Им сказали «не слушайте» – они и не слушают. Но самим себе они же не могут не задавать стратегические политические вопросы. Те самые, которые я привел выше. Потому что они-то не верхушечные члены «корпорации»! Они жертвы, им спасение нужно, а не пустые разговоры! Им политические результаты нужны!

Если же они им уже не нужны, тогда совсем другое дело. Это за чертой обсуждения. Это то самое, чего и добивались настоящие стратеги так называемых «шоковых реформ».

Добивались они вовсе не либерализма, не рынка, не вестернизации. Они добивались создания на нашей территории некоей архаической резервации, которую называли «обезьянник». Стратегией было именно это. Все остальное носило оперативный характер. Главное было создать обезьянник. А уж кто будет его политически окормлять, дело второе.

Конечно, за это шла, идет – и будет идти – беспощадная борьба. Ибо цена такого окормления очень велика. Если даже говорить только о деньгах – как минимум, 50 млрд. долларов в год (считаю в цифрах предъявляемого и непредъявляемого вывоза капитала). И кто и как его будет вывозить, конечно, для интересантов очень важно: какие-то там «инородческие монстры» или же «свои, коренные». Борьба за место капо в создаваемом концлагере ведется очень и очень жесткая. Ибо место, повторяю, вкусное.

Но главное – создать концлагерь, организовать обезьянник. Потом его хозяева могут даже допустить в нем конкурентную борьбу. Ведь чем острее эта конкуренция, тем меньше шанс, что кто-то из борющихся оторвется, так сказать, от «наличной реальности» и, понимаете ли, начнет против обезьянника выступать. Так пусть ему другие шилом в бок... чтобы не заносился. Он и опомнится.

Таков смысл сегодняшней регрессивной политики. В ней есть разные участники. В ней, по определению, должны быть разные участники. Но все они действуют на поле регресса, в рамках условий регресса, в парадигме этого самого обезьянника.

Метафорически я это называю «вместе хрюкают». Кому-то не нравится «хрюкают»? А как пресс-службе ЦК КПРФ нравится? Извините, я исправлюсь, я найду другое определение. Какое вас больше устроит? Я даже боюсь их перебирать. А то вы мне опять скажете, что я засоряю текст плохими словами.

Вы же обрывочно цитируете меня с этих позиций. Я пишу: «Людей считают за дегенератов, за беспамятных дураков, и это омерзительно». А вашему читателю (который, конечно, не должен прочитать мой текст – куда ему!) говорится, что я использую перлы «дегенераты», «беспамятные дураки». Я воспроизвожу чужую оценку из уст мерзавца (какого, даже повторять не хочу): «Быдло виновато, что не вышло на улицы». А вы утверждаете, что я якобы много раз кого-то назвал быдлом.

Но главное даже не в этом. И не в том, с какой старательностью высчитывается количество «я» в моих текстах. Вы у Зюганова посчитайте. Людей-то не смешите! Дело, повторяю, отнюдь не в этом. Предположим, что слова я использую плохие. Ведь не это главное! И не то, какую

я проявляю «лояльность органам». И не то, что мне что-то – за что-то и кем-то – дано.

Хотите, я за вас придумаю более сокрушительный «аргумент»? И долбану им по самому себе, если вы не умеете?

Аргумент этот такой: «А может, он тоже строит обезьянник вместе с другими, а нам просто мозги пудрит?» А дальше, с этой отправной точки, – пошло-поехало: «А кто ему что дал и за что? А как он сам живет и чем занимается? А каков его моральный облик и классовый статус?»

Сразу же отвечаю. У меня мог бы быть ужасный моральный облик. И совершенно безобразный классовый статус. Я мог бы работать на разные «органы». В том числе на самые что ни на есть бесстыдные. Но это все, в лучшем случае, вопрос о квазиполитической анатомии и физиологии. А политический вопрос совершенно другой.

Он состоит в том, что я предлагаю ОБСУДИТЬ САМУ КОЛЛИЗИЮ РЕГРЕССА В РОССИИ. Я предлагаю ПОСТАВИТЬ В ПОВЕСТКУ ДНЯ ВОПРОС О ФОРМАХ БОРЬБЫ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕГО РЕГРЕССА. А ТАКЖЕ О РЕГРЕССЕ С РАЗНОЙ ОКРАСКОЙ. И так далее.

Я это настойчиво и давно предлагаю. А вы говорите: «Он уже десять лет жалуется на КПРФ во все пишущие инстанции». Почему «жалуется»? В какие такие «инстанции»? В ваши любимые газеты? И почему в тот момент, когда говоримое вас устраивает, я являюсь «выдающимся политологом» (это из ваших же газет), а в противоположных случаях – «неучем и невеждой»?

Однако и это оставим за скобками. Хотя это все и есть политическая семантика, которая позволяет восстановить портрет. Не мой, а того, кто мой портрет пытается нарисовать. Таково свойство политических систем. Они обладают обратной связью. Это вам не ньютоновская, а квантовая механика.

Но пока, повторяю, поговорим о другом. О главном. Допустим, я бяка и средоточие всех зол. Но регресс-то в России идет или не идет? Если вы ведете политическую борьбу, игнорируя фактор регресса, а он идет, то чем вы занимаетесь? Вы поинтересуйтесь, что такое регресс. Украдите у меня его определение. Раскройте его с помощью достойных статусных людей – с необходимой глубиной. И действуйте!

Ан нет. Вы этого не делаете. А почему вы этого не делаете?

Давайте рассмотрим объяснения этого обстоятельства с позиции моей концепции обезьянника. Если стратегия в том, чтобы построить обезьянник, то какая тема табуируется, ась? Может, вы и этого не по-

нимаєте? Табуируется всегда подлинная цель, а обсуждаются фигуры и темы «прикрытия». Если я растабуирую подлинную цель (а я этим и занимаюсь), то я не могу работать «на обезьянника». А если вы жестко соблюдаете табу архитекторов обезьянника на обсуждение их прелестного замысла, то вы строите обезьянник вместе с этими архитекторами.

Вот стратегически важный вопрос! Начните обсуждать регресс и принимать адекватные меры. И при этом продолжайте меня шельмовать и усильте это шельмование – и я вам даже отвечать не буду. Потому что мне это после всего, что вы сотворили (и что не стесняетесь из моих текстов цитировать: «блуд на крови» и прочее), поразительным образом безразлично. Я даже сам удивлен, насколько.

Но вы не ставите этот вопрос в повестку дня левого движения. В политическую повестку вообще. Между тем именно постановка подобного рода стратегических вопросов в национальную повестку дня – основополагающая обязанность любого оппозиционного движения. Поскольку оппозиционное движение эту задачу не выполняет, это за него делают те или иные интеллектуалы, я в том числе (вот оно опять, пожалуйста, «я»!).

А поскольку ставить данный вопрос нельзя в отрыве от другого вопроса, а именно от вопроса о том, **ПОЧЕМУ ВЫ ИЗБЕГАЕТЕ ПОДОБНЫХ ОБСУЖДЕНИЙ**, то приходится обсуждать и вас. Как это ни противно.

Но почему это особо противно? Потому что кто-то обижает? Или, упаси бог, не привечает (вот уж кошмар-то, если бы начали привечать!)? Нет, дорогие мои! Дело-то совсем в другом. И вы даже не можете понять, в чем именно. Так я объясню. В порядке саморазоблачительной исповеди.

Дело в том, что в условиях регресса крайне важно выдвигать в качестве позитива советские нерегрессивные стандарты, каноны и образцы. Даже понимая, насколько неабсолютный характер носила советская действительность, это нужно и должно делать. Потому что нет других реальных контррегрессивных опор в сознании постсоветского общества, брошенного в регресс и превращаемого в обезьянник.

А вы – самими собой! – демонстрируете изнанку советской эпохи. Вы каким-то странным образом (странным ли?) сберегли весь советский номенклатурный негатив, весь гной неумности, плебейской заносчивости, всего того, что Ленин называл «комчванством» и что стало вашей второй природой.

Это было всегда. Но это сочеталось с чем-то другим, позитивным. Теперь позитивное ушло вместе с эпохой. А это осталось. И приобрело какие-то гротесковые черты.

Вам-то кажется, что все дело во мне. А дело – в вас.

Вы пишете (сами-то почитайте!): *«Завсегдатай карауловских посиделок в "Моменте лжи", идущем на низкорейтинговом телеканале ТВЦ...»*

С вами о регрессе говорят, о мегатенденциях. А вы про какого-то завсегдатая. Я что, только у Караулова выступаю? И при чем тут рейтинг? При чем тут ТВЦ? Вы что, рейтингом избалованы? У вас много своих телеканалов? Откуда у вас такие данные о рейтинге Караулова? И вообще – при чем тут рейтинг, повторяю? Я вот регулярно на ОРТ выступаю. Тоже низкорейтинговый канал?

Вы уже самими словами, самой семантикой разоблачаете удивительную плебейскую пошлость. Вы стелетесь перед успехом, исчисляемым рейтингом. В чем в этом смысле, простите, разница между Зюгановым и Ксенией Собчак? Вы возмущаетесь моим грубым метафорам о «хрюканьях», но не хотите понять их суть. И говорите своей, убежден, что отчасти думающей, аудитории: «Вот ведь гнусный клеветник! Он говорит, что мы хрюкаем! А мы всего-то делаем "хрю-хрю-хрю"!»

Дальше вы начинаете описывать мою ничтожную личность. Ну, сколько раз уже говорил – «что в имени тебе моем?», – но вам нейдет. И что вы пишете? *«Геофизик по образованию, бывший научный сотрудник Института океанологии, кандидат физико-математических наук, режиссер театра "На досках" и руководитель Экспериментального творческого центра господин Кургиян, ныне аттестующий себя философом и политологом...»*

Аттестовали меня философом и политологом ваши СМИ. А также много кто еще. А также сотни написанных мною работ. Но не в этом дело. А в том, что... Давайте напишем иначе: «Химик по образованию, бывший научный сотрудник...» А дальше поставим имя крупного левого идеолога. Или напишем так: «Юрист, практически не работавший по специальности, лишенный признания и международного статуса, маргинальный журналист, злопыхающий из эмиграции, создатель карманной карликовой партии, вообразивший себя философом и экономистом...» Последнее догадываетесь про кого?

Давайте я вам опишу еще одного персонажа: «Недоучившийся семинарист, человек с проявленными криминальными наклонностями...»

Еще нужно? У вас есть уважение к собственной партии? К собственной истории? И что вы вообще хотите сказать? Что вам мало моих двух высших образований, математического и гуманитарно-творческого? Вам нужно, чтобы оппонент окончил ВПШ? Не люблю антикоммунистические анекдоты, но как тут не вспомнить: «Раньше думал, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс – брат и сестра. А в ВПШ узнал, что это четыре совершенно разных человека!»

Что вы хотите сказать? А если бы у меня вообще было среднее образование? И что?!! Вы на себя-то как наговариваете!

А как вы сами себя... Как бы это мягче выразиться... с унтер-офицерской вдовой сравнить, что ли? Вы постоянно смакуете мой разнуданный тон (извращая текст, вырывая его из контекста – неважно), описываете, как я вас хлещу по щекам, и одновременно пишете, что я... жалуюсь. Так жалуются? У вас политтехнологи тоже заканчивали ВПШ? И журналисты? И спичрайтеры?

Сулловское начетничество, по поводу которого так сетовали антикоммунистические диссиденты, – верх политической честности по отношению к тому, что вы делаете.

Я объясняю, что мотив телеканала не должен интересовать выступающих по этому телеканалу. Потому что в противном случае вообще нельзя выступать на телевидении. Я спрашиваю, не было ли НТВ Гусинского насквозь заказным и мешало ли это Зюганову выступать по НТВ? Я, думая, что у вас есть «высоколобые», говорю о Бобе Вудворде и итальянских профессорах, исследовавших стратегию напряженности. А вы все это выбрасываете, цитируете фантастически искаженным образом и говорите: «Во! Хе! Заказик-то налицо!»

Вы с кем так разговариваете? С себе подобными? А вы уверены, что ваш партактив состоит только из них?

Кто из сегодняшних реальных политтехнологов, «делающих вас всех одной левой», кончил ВПШ или что-нибудь в этом роде? Вы можете прислушаться к ним, а не ко мне. К чему я вас и призываю. А вы все ерничаете: *«Представляете картину! Часть партии на лекциях театральных гуру, другая – у прочих профессионалов-океанографов, третья – у неких геофизиков, посвятивших себя лирике... И все, забыв про реальную политическую борьбу, дискутируют...»*

Для Ленина, который не океанограф и не театральный гуру, дискуссия была нормой политической борьбы. Эта норма была жива до тех пор, пока надо было бороться. Вы ему рассказали бы, что реальная по-

литическая борьба – это одно, а дискуссия о стратегии – это другое. Он бы сразу сказал, что вы – «жалкие опивки умирающего царизма».

Партия, когда была партией? В том числе правящей? Пока она была концептуальным клубом, ведущим политически ответственную дискуссию о путях развития. Когда эта дискуссия кончилась и эта функция отмерла, партия превратилась в хозяйственный аппарат.

Хозяйственный так хозяйственный. Это еще не так плохо. Но – пока есть реальное хозяйство.

Когда секретарь райкома занимается отопительным сезоном, посевной или состоянием жилищного фонда, он подменяет собой райисполком. Это в чем-то плохо, но в чем-то и хорошо. По крайней мере, здесь плюсы и минусы сосуществуют.

А когда этот секретарь уже не занимается хозяйством? Когда он от этого понятного ему живого дела отсечен, а к прошлому, где была политическая борьба и стратегическая дискуссия, ходов не имеет (а, напротив, имеет глубокое отвращение), то он чем занят? Он занят мертвым делом. И все превращает в мертвое дело. Отсюда – перлы, в которых реальная политическая борьба и дискуссия противопоставляются.

«Папа, почини велосипед!» – «Вот брошу все и займусь твоим велосипедом!»

«Дядя, займись дискуссией!» – «Вот брошу все и займусь твоей дискуссией вместо реальной (три зевка и два посапывания) политической, знаете ли, борьбы».

Это все на какую тему? Это на тему «вы и ваше прошлое».

В рамках этой темы у вашего настоящего есть очень точный диагноз. На научном языке он называется «ренегатство». Знаете такую фразу: «Ренегаты не любят своего прошлого»? Вы только не пишите в последующих ваших статьях, что я назвал вас «гадами». Я сказал не «гады», а «ре-не-га-ты».

Меня спрашивали: «Почему это вам кажется, что кто-то там в КПРФ Ленина не любит?» А теперь вы же сами и объясняете, почему я так считаю. Потому что вам нужен не революционер как создатель нового. И не идеи вообще. Вам нужны статусы. Цацки. Почести. Вам нужен действительный статский советник с Анной на шее. Вот уж воистину по анекдоту: «Феликс, приезжай в Женеву. Начинаем все сначала».

Защищаешь советское. Восстанавливаешь в сознании людей его позитивы. Знаешь, что без этого стране не жить. Но ведь и другое знаешь и помнишь! Было ведь и другое, страшное в этом советском. А ну как

именно оно вернется – с вами или без вас? Вернется без идеи, без сверхдержавного величия? Только как норовистая номенклатурная хватка? А ну как это, стерилизовавшись окончательно, соединится с архитекторами обезьянника? Сольется с господином Гором в экстазе «устойчивого развития»?

Гонишь от себя эту мысль. А она приходит к тебе в облики такой псевдокритики. И подмигивает: «Ты защищаешь советское? Так вот оно, нюхай, вкушай, вспоминай райкомы и парткомы, тебе же, кажись, нравится, ты это хочешь постиндустриализировать али как?»

Почему я, а не Зюганов должен отвечать за крах 1991 и 1993 годов, понять не может никто. Я не был работником аппарата ЦК КПСС. А Зюганов был. Я не был сопредседателем ФНС. А Зюганов был.

Кем был я, тоже хорошо известно. И о моей *«лояльности органам при всех перипетиях последних двадцати лет»* может сказать только субъект со «странными» свойствами. В числе этих свойств – полное пренебрежение к тем общественным группам, которым известны я и моя деятельность. А это, повторяю, довольно широкие группы. Игнорировать их более чем глупо.

На каких инопланетян рассчитаны все описания моих материальных и социальных триумфов, вытекающих из моей якобы «лояльности»? Эти инопланетяне вообще ничего не читали и не читают? Но другие-то читали хотя бы демократическую прессу, из которой взяты доносы на меня, возвращенные теперь наизнанку легко опознаваемыми зюгановцами. А ведь в доносах демократической прессы те выдуманные предпочтения, которые мне оказывались, были доказательством страха «тайных ГКЧПистов» внутри ельцинской команды!

Поначалу пресс-служба ЦК КПРФ (ох уж мне это «пресс» и эта «служба»!) изолгала все это одним способом. Теперь она лжет другим способом. Кликушествует. Вопросы: *«Неужто мутант Ельцин в августе 1991 года... решил все же ради спасения красных ценностей дать льготы корпорации Кургиняна?»*

Ельцин не давал мне льгот, милые! Внимательно читайте «демократические первоисточники», из которых вы все это наковыряли. Ельцин раз за разом вызывал меня в прокуратуру, прессовал, как только мог!

Дабы вы впредь не путались в трех соснах, разъясняю. Действительно, в 9 часов утра 19 августа 1991 года Олег Лобов от лица правительства РФ подтвердил льготы, данные моему Центру за несколько лет до того союзным правительством. А сразу после провала ГКЧП «демокра-

тические стукачи» начали обвинять Лобова в том, что он что-то подписал с перепугу «гэкачеписту» Кургиняну. В любом случае, это не могли сделать Ельцин и его присные по техническим (а также иным) причинам.

Если вы этого не знали, вы не читаете газет, не слушаете телевидения, не в курсе думских обсуждений и так далее. Но вы были прекрасно в курсе. А если же у вас была эта бредовая версия, то какого черта ваш лидер относился ко мне в то время столь искренне-дружелюбно? Он что, «был в доле»?

Вы на кого донос пишете? На меня или на себя? Этот вопрос репрезентирует состояние вопрошающего сознания. Аналитический центр мог кому-то мешать, а мог и не мешать. Началась новая фаза политического процесса, в которой мало ли кто с кем и как боролся.

АНАЛИТИКА ИМЕЕТ ПОЛИВАЛЕНТНЫЙ СПРОС. КОМУ И ЗАЧЕМ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ НУЖНЫ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ СИТУАЦИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ ИЛИ ЧЕЧНЕ (ПРИЧЕМ ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ ПУБЛИЧНО, НА КЛУБЕ И В ПРЕССЕ) – ЛЕГКО ПОНЯТЬ.

А ВОТ КАКОЙ ПОЛИВАЛЕНТНЫЙ СПРОС МОЖЕТ ИМЕТЬ ПОЛИТИКА? КОМУ В РАМКАХ ЭТОЙ ЛОГИКИ НУЖНО, ЧТОБЫ ЗЮГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКИ ВЫЖИЛ? ЗЮГАНОВЦАМ, НАРОДУ? ЭТО НАРОД, ЧТО ЛИ, ЗАЩИТИЛ ЗЮГАНОВА ПОСЛЕ ОКТЯБРА 1993 ГОДА? НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ НЕ ДАЛИ ЗАПРЕТИТЬ КПРФ? МУДРОСТЬ ЗЮГАНОВА, НЕ ПОДДАВШЕГОСЯ НА ПРОВОКАЦИЮ?

Такой уровень описания политики на кого рассчитан?

Есть элитная игра. И каждый, кто действует в том процессе, который триумфально шествует по необъятным просторам нашей бывшей советской и нынешней российской родины, так или иначе в нее играет. Вопрос, как, с каким результатом, в каких ролевых рамках и, наконец, по каким правилам.

Пресс-службе ЦК КПРФ очень хочется ограничиться бессмысленными фырканиями во всем, что касается моих описаний «байгушевского сюжета». А зря! Эта пресс-служба могла бы подумать хотя бы о своем будущем. Потому что сюжет-то не из прошлого, а из будущего. А будущее нельзя понять без прошлого.

Пресс-служба ЦК КПРФ упоминает интервью председателя Конституционного суда В.Д.Зорькина, в котором Зорькин говорит о готовности Ельцина на компромисс, предлагавшийся в 1993 году Конституцион-

ным судом и главами регионов. Суть компромисса в том, что было обещано провести 12 декабря одновременные перевыборы и парламента, и президента.

Но под чьей эгидой? По чьим правилам? В рамках какой Конституции? Вы почему все главное прячете? Вы что, считаете, что Ельцин согласился бы на любые выборы, кроме тех, которые дают ему власть?

И что вы дальше пишете? Что некая демонстрация прорвала оцепление Дома Советов – и началось. Так это кто сделал? Это сделал Кургиян? Или вожди оппозиционного движения? Или кто-то третий? Тогда скажите, кто.

Я-то об этом сразу говорил – и оказался выведен под дулами автоматов из Дома Советов. Кого-то не устраивало, что я могу помешать провокации. А что делали вы? Вам не понравилось, что прорвали оцепление? Вы вожди – дайте свою оценку с трибуны. Эта трибуна у вас была. Вам не нравится, что люди идут к Останкино? Дайте свою оценку немедленно! Встаньте поперек толпы!

Повторяю, вы – вожди, вы – лидеры, вас положение обязывает! Когда, кого вы предупредили? Утром 3-го, когда прорвали оцепление? Вы стояли тогда на балконе или нет? Если не стояли, то почему? Если стояли, то почему не призвали к тем типам действий, которые вы считали необходимыми? Если ваша позиция состояла в том, чтобы не идти к Останкино, то почему эта позиция не была выражена со всей страстностью на митинге, где решалось, куда идти? И потом, когда народ двинулся к Останкино, почему не останавливали народ?

Меня из Дома Советов автоматчики предусмотрительно интернировали 30 сентября. Так называемый «высший штаб» пошел на эту экзотическую меру с тем, чтобы моя позиция («Дом Советов – точка мира») не возобладала. А возобладать она могла двумя способами.

Во-первых, если бы я, находясь в Доме Советов, на грубом и понятном языке объяснил бы логику происходящего тем, кто принимал решения и еще не встал на путь провокации (максимальная вероятность успеха).

Во-вторых, если бы я с балкона Дома Советов на таком же языке что-то объяснил массам, что я до того делал неоднократно (минимальная вероятность успеха).

Операция с автоматчиками ликвидировала эти мои шансы повлиять. А шансы Зюганова? Кто мог ему помешать прийти к манипулируемой, по его мнению, толпе и разрушить потуги манипуляторов? Половина толпы состояла из коммунистов. Если бы какие-то злые

силы (скажите, наконец, какие!) попытались заткнуть рот Зюганову – коммунисты не вмешались бы? Тут – либо-либо. Либо они не вмешались бы. И тогда кто такой Зюганов? Либо они вмешались бы. И тогда почему он не выступал? Ведь он не аналитик, не эксперт! Он лидер партии!

Одним словом, никаких попыток Зюганова соединиться в тот день с толпой не было.

Объясните все это, а не пожимайте плечами, бесконечно узнаваемо прячась за анонимным лейблом «пресс-служба ЦК КПРФ» и одновременно жеманно восклицая о чьей-то там ангажированности.

Но восклицать-то тоже надо уметь.

Можно обвинить противника в использовании подзаборной лексики. Или обвинить его в том, что он жалуется. Но если бездарно соединить два обвинения в одном тексте, то получится особый перл под названием «подзаборная жалоба». Это как? Это не курам на смех?

На научном языке это называется «сшибка образов по Камерону» с их обнулением. А на нормальном русском – «унтер-офицерская вдова, которая сама себя сечет».

Далее, с какого-то бодуна (ах, уж эта моя лексика!) другой ваш «торквемада» выкапывает «политологов с неоднозначной ориентацией», агитировавших Коржакова за силовой вариант в 1996 году. Речь, конечно, идет обо мне. Но ваши же перья пишут, что я был автором «Письма 13-ти». То есть идеологом выборного варианта. Вы договоритесь все-таки между собой, кем я был. В противном случае – та же «сшибка по Камерону».

Договоритесь также: все или не все, кого я окормлял, сидели в результате в тюрьме. Вы пишете, что я в 1996 году окормлял Ельцина. Но он тогда, да и после, в тюрьме не сидел. Так как быть? Опять-таки – или-или.

Поскольку мне надоело перечислять эти перлы непрофессионализма, я телеграфно скажу о последнем вашем «открытии». И подведу черту под деталями.

С особым изумлением узнал я о том, что являюсь собственником мемориального дома Блока на Спиридоновке. Пол-Москвы теперь хочется и спрашивает, не являюсь ли я собственником Кремля, «Газпрома» и «Лужников»?

А теперь от ваших мелких пакостей перехожу к крупным. Касающимся совсем не меня.

Часть III. **От деталей – к крупной политике**

Вы очень по-дикарски «отбрехиваетесь» по важнейшему политическому вопросу. А именно по вопросу о том, кто должен был быть поддержан КПрФ в 1996 году как кандидат в президенты от оппозиции.

То, что совещания по этому вопросу проводились у меня в Центре, причем в соответствующем уровню проблемы высоком «оппозиционно-элитном» составе, известно очень многим. Каковы были мои аргументы в пользу некоммунистического кандидата, приемлемого и для «красных», и для «белых», тоже известно. Чем все кончилось, опять же известно.

Сколько именно голосов получил в действительности на выборах 1996 года Зюганов, оставшись один на один с Ельциным и его административным ресурсом, – это отдельный вопрос. Главное – сколько могла бы получить оппозиция при правильной политической игре!

Зюганов, как лидер КПрФ, получал примерно 35% (результат так называемых «триумфально-красных» выборов в Думу в 1995 году). Честь и хвала тем «белым», которые, озверев от Ельцина, на президентских выборах 1996 года перешагнули барьер несовместимости с коммунистами и проголосовали за Зюганова. Но этих было меньшинство. Большинство проголосовало за Ельцина, Лебеда и Жириновского. А во втором туре, когда Лебедь и Жириновский призвали голосовать за Ельцина, это большинство вняло своим антикоммунистическим страстям и призывам «патриотических» вождей. Что было абсолютно предсказуемо. Но Зюганов пошел на выборы. И – на проигрыш оппозиции.

Тут вам уже не дома на Спиридоновке и не подзаборно-жалобная лексика. Тут – большая политика. В ней кривляться и жеманничать не подобает. А вы делаете именно это. И регулярно.

Постепенно возникает жуткая картина: вы каждый раз шли к победе, но тут встречал Кургинян! «Доктор Зло» отдыхает! Жалко, что вы это поздно обнаружили. Но лучше поздно, чем никогда.

Продолжим сюжет. Вы пишете: *«Некоммунистический кандидат был – это генерал Лебедь. Кстати, судя по публикациям в СМИ, господин Кургинян тогда активно сотрудничал с окружением этого самого некоммунистического кандидата. Что же, КПрФ надо было Лебеда поддерживать? Его и Ельцина, которому Лебедь присягнул?»*

В той же степени, в какой вы «рубите фишку» в вопросе о предоставленных мне материальных льготах, вы ее «рубите» и в вопросе о политических позициях. Что уже абсолютно недопустимо. Такое дремучее политическое невежество проявлять нельзя! Или это нечто другое?

Вся страна видела, как я выступал в программе «Время» и сказал, что Лебедь – предатель, который должен быть выкинут с поста секретаря Совета безопасности. Вся широкая политическая общественность (даже с минимальной осведомленностью) знает, что без моего прямого участия Лебедь не был бы снят с этого поста, а стал бы диктатором к началу 1997 года. Сам Лебедь говорил об этом неоднократно.

Уровень конфликтности между мною и Лебедем, начиная с Приднестровья (где Лебедь в 1992–1993 гг. раз за разом планировал предательские перевороты против приднестровского руководства), известен, повторяю, в очень широких кругах. Я уж не буду перечислять статьи и прочие «публицистические мелочи». А также детали «антилебедевских» переговоров, которые велись не только в 1996-м, но и в 1998 году, когда после блокирования назначения Черномырдина на пост премьера определенные круги затевали «чрезвычайное положение» с решающим участием Лебеда как силовой компоненты этого нелегитимного мероприятия.

Кто-то может не понимать какие-то частности. И это его право. Но не понимать, в какой степени был накален конфликт между Лебедем и политическими группами, связавшими тогда судьбу с моей линией (как аналитической, так и политической), не может никто из претендующих на минимальную включенность в политический процесс. Тем более что после снятия Лебеда последовали многочисленные публичные разоблачения моей «демонической» роли в его отставке.

Игнорировать это может либо абсолютный дикарь, либо бесстыдный и неумелый лжец. И текст гениального послания говорит, прежде всего, о его создателях, обладающих такими качествами. Приведу еще один образчик того же стиля.

«По поводу Письма 13-ти олигархов, к которому приложил руку пламенный борец с КПРФ, Кургияну бы и вовсе лучше не вспоминать. Следящие за делами политики люди до сих пор вспоминают кадры телевизионной хроники тех лет о заседании 13-ти. Здесь камера запечатлела бочком протискивающегося в дверь зала Кургияна, с искательно заискивающей полуулыбкой на устах тихонько садящегося на краешек стула в высочайшем присутствии олигархов».

Примерьте на себя это высказывание. Идет телевизионная съемка – чего? Встречи 13-ти так называемых олигархов – с кем? С главными редакторами патриотических газет (Прохановым, Чикиным и другими). После этой встречи главные редактора выпускают письмо на первых полосах своей газеты, как минимум, без негативных комментариев. То, что они потом публикуют чьи-то негативные отзывы, сами сквозь зубы огрызаются, это не в счет. Они приходят по приглашению олигархов в знаменитый дом на Новокузнецкой, проводят общий раут, достигают договоренностей и выполняют эти договоренности. На политическом языке это называется «поддержать». В любом случае, этому посвящен минутный сюжет в новостной программе.

Что показано в течение этой минуты? Олигархи, их патриотические гости – и «Письмо 13-ти». Сколько времени из этой минуты может быть посвящено Кургиняну? Это время исчисляется секундами. Это называется «мелькнуть в кадре». Я был безмерно зол на то, что меня вообще втащили в кадр. Потому что это мешало делу. Нужно было воздействовать на процесс. А не стимулировать демократическую истерику фактом моего интеллектуального спонсорства всей этой затеи. Кто хочет, может интерпретировать мою мимику любым образом. Это его право. Но самим фактом этой интерпретации этот «кто-то» говорит о себе следующее.

1. Из всего происходившего в небольшом новостном сюжете он ухватил только секунды, в которые я молча входил и садился.

2. Он эти секунды помнит 10 лет (письмо было написано в 1996-м, а сейчас 2006-й). У нас столько событий произошло за это время. Все в голове удержать невозможно. Значит, остается главное. И это главное – пластические нюансы того, как мой зад сел на стул в 1996 году.

Сделав два этих признания по своему (а не моему) поводу, этот «кто-то» тем самым рисует свой (а не мой) портрет. Это закон войны образов. Создавая образ кого-либо с помощью каких-то средств, ты тем самым создаешь образ себя. Именно о тебе самом говорят факты, используемые тобой для создания чужого образа, твои способы интерпретации фактов, твоя интонация.

А поскольку в таких случаях используются не все факты, то незримо присутствует еще и то, о чем ты умалчиваешь (твои «фигуры умолчания»). Например, на какой встрече это произошло – ты умалчиваешь. Чему была посвящена встреча, кто на ней присутствовал – ты опять же умалчиваешь. И это идет в копилку твоего образа.

В пиаре, да и вообще в любой сфере, связанной с созданием образов (а особенно в сфере войны образов), это называется «диалектика образа героя и образа автора». Когда создается образ героя (в данном случае, задача в том, чтобы создать из меня антигероя), всегда заодно идет «тестирование» образа автора. В политической эстетике (да и в эстетике вообще) это называется «невозможность вычитания из образа средств создания этого образа, используемых автором». Тот, кто этого не знает, не профессионал.

Используя описанные выше средства для создания моего антиобраза, автор сообщает о себе очень много. О своей мелочности, уязвленности и абсолютной аполитичности. Между тем он говорит: «Следящие за делами политики люди». А в чем политика? Что автор рассказал о «Письме 13-ти», о политическом контексте, о сути события? И даже о роли того, кого он выбрал в качестве антигероя? Он рассказал о себе, что он, автор (увы, коллективный), следит за делами политики как топтун, стукач, официант... В позапрошлом веке это называлось «как ку-чер». Он не за политикой следит – он просто следит. И ни фигя не понимает. О чем сам же смачно рассказывает.

Это об образе автора. А теперь об образе того, кого автор хочет сделать антигероем. Вашего покорного слуги, то есть. Такое агрессивное производство антиобраза – всегда чревато. Но допустимо. Это называется «черный пиар». Весьма служебное и очень неблагодарное занятие. Но и тут есть допустимые и недопустимые технологии «вонючего производства». Обычно для такого производства выдумывается нечто правдоподобное. Особенно если демонизируемый персонаж известен обществу. А если он неизвестен – зачем его демонизировать?

Задача – придумать нечто грязное и одновременно похожее на правду. Но тогда нельзя интерпретировать мое бешенство и нежелание быть в кадре, натягивая на меня маску, совсем уж на меня непохожую. Надо придумать что-то подостовнее! Быть поизобретательнее!

В одной из острых ситуаций, когда меня «полоскал» Гусинский, а я давал ответные интервью, олигархический синклит, испуганный этим интервью, изрек: «Он ведет себя с нами так, будто не мы, а он сидит в Кремле, а мы скоро в тюрьме сидеть будем». И таких ситуаций – не счесть. Про них ходят популярные элитные анекдоты. Так зачем выдумывать поперек сложившегося стереотипа? Надо выдумывать вдоль! Ну, хоть приписать мне какое-то несусветное хамство! Азы профессии состоят в том, чтобы лгать правдоподобно.

Но главный курьез все же то, что люди, горделиво говорящие о себе как о «следящих за делами политики», – это стопроцентная «челядь».

Челядь заявляет, что фраза из «Письма 13-ти»: «Отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия и на слишком беспринципных, и на слишком бескомпромиссных политиков» – адресована Зюганову!

Это даже не мания величия! Это клиника!

На самом деле, в этой фразе речь шла об устроителях лжепутча, собиравшихся в марте 1996 года сорвать грядущие выборы президента РФ. Политика (в отличие от шепотков челяди) состояла в том, что планировался как бы проельцинский ГКЧП. А в рамках этого ГКЧП планировались суровые меры по «зачистке» КПрФ. И от этих мер КПрФ, как очень хорошо знает все ее руководство, как раз и спасало «Письмо 13-ти». Если совсем уж просто – некая тогдашняя «партия силовиков» не хотела выборов Ельцина, а хотела чрезвычайного положения, позволяющего ей укрепить свои позиции.

Такое чрезвычайное положение, по определению, было сопряжено с «зачисткой» КПрФ. Ведь думские выборы 1995 года, на которых КПрФ одержала весьма ограниченную победу, трактовались как триумфальные. Зюганов (вопреки элементарной логике и элементарным расчетам) подавался как безальтернативный победитель на президентских выборах 1996 года, на которых Ельцин якобы должен был сокрушительно проиграть. Все эти сказки тиражировали не зюгановцы, а их непримиримо-кровожадные противники, которым нужно было создать миф о «красном триумфе» для того, чтобы получить санкции на операцию а ля Пиночет.

Мне казалось, что сам Зюганов это хорошо понимает. И участвует в создании мифа о триумфальной для коммунистов ситуации уныло и обреченно.

Возможна ли была судорога а ля Пиночет в России весной 1996 года?

Как судорога она была более чем возможна. Она была предопределена соответствующими инструкциями международного уровня (теперь уже рассекреченными). Она отвечала духу клановой борьбы около Ельцина. И она реально осуществлялась (описанные в печати события марта 1996 года).

Чем была неприемлема эта судорога для коммунистов? Тем же, чем она была неприемлема для Альянде или Корвалана. Пусть судорога была бы недолгой – для жертв акций а ля Пиночет это не носит опреде-

ляющего характера. А без жертв (и именно коммунистических) этот сценарий разворачиваться не мог, исходя из того мифа, который позволял дать санкцию на силовые действия. Те, кто давал санкцию, давали ее в соответствии с инструкцией, гласившей, что в случае победы коммунистов в любой стране (и особенно в стране с ядерным оружием) этой победе можно и должно противостоять любыми, в том числе и силовыми, методами.

Предположим, что отечественному силовому клану не нужны были репрессии против коммунистов (эти самые «стадионы», о которых как раз начали вопить во всю глотку). Но им нужна была международная санкция! А те, кто ее давал, – под аргумент об угрозе прихода коммунистов к власти, – сразу сказали бы: «Так и мочите их, – ведь угроза!»

Кого-то увели бы из-под удара. Однако 1993 год показал, что кого-то выводят, а кого-то нет!

Но наши (мои и группы солидарных со мной людей) аргументы против силовой судороги а ля Пиночет этим не исчерпывались.

Ведь Пиночет – это специфический диктатор! Это не мобилизационная диктатура, не диктатура индустриализации и модернизации. Это диктатура демодернизации, деиндустриализации. Это диктатура, реализующая планы Милтона Фридмана. В нашем варианте – Гайдара.

К этому все не сводится. Допустим, что российский силовой клан, придя к власти с помощью квазипиночетовской самолегитимации, начал бы проводить патриотическую политику. Теоретически это было не исключено. По крайней мере, у меня, в отличие от Чубайса, никогда не было аллергии ни на Коржакова, ни на Сосковца.

Но вся беда была в том, что данный клан уже загнал себя в тупик. Он имел не больше шансов на приход к власти, чем ГКЧП в 1991 году. Непопулярная власть (власть Ельцина в 1996 году или власть Горбачева в 1991 году) не имеет права компенсировать непопулярность силовыми судорогами. Это приводит только к развалу страны.

И стратегической целью тех, кто использовал (хочу верить, что втемную) и российский силовой антикоммунистический клан, и Зюганова, был именно развал страны. Доказательством является денонсация коммунистами Беловежских соглашений. Эта преступная и жалкая денонсация, не поддержанная ни одной из бывших союзных республик, оставляла Россию без Конституции. А значит, тот, кто стал бы останавливать судорогу а ля Пиночет (а это произошло бы само собой – по приведенным мною выше причинам), был бы просто обязан создавать новое конституционное поле.

И этот кто-то был бы не Зюгановым! Не мощной коалицией патриотических сил! Эта коалиция на первом этапе судороги уже была разгромлена! А наводить новый конституционный марафет стали бы (просто по определению!) субъекты денонсированной Федерации. И ясно, как они стали бы это делать. Ведь они уже собирались это определенным образом делать в 1993 году. И именно на их благотворность ссылался Зюганов тогда в своих публичных выступлениях.

Денонсационный демарш КПРФ... Возникшая в ответ на это силовая судорога, увы, слишком похожая на беспомощный ГКЧПизм 1991 года. Все это показывало, что над страной нависал не призрак диктатуры, а призрак распада.

Точнее – сразу два призрака. Один – управляемый из Президент-отеля. Другой – управляемый из предвыборного штаба КПРФ. Утомлять читателя своими размышлениями, является ли это «двоепризрачье» просто союзом двух призрачных лиц или это «шампунь и кондиционер в одном флаконе», я не буду. Скажу лишь, что уверен в том, что речь шла именно об «одном флаконе». Но в конце концов не это важно. Важно, что этого нельзя было допустить.

Для этого нужно было:

1) создать штаб, свободный и от Президент-отеля (в версии ЧП), и от Зюганова. Новый штаб, который никто не сумеет просчитать. Это основная рекомендация так называемого кризисного управления (crisis management). Противник очень осторожен. Столкнувшись с неизвестностью, он начнет пересчитывать заново всю систему планируемых мероприятий. Пока он будет ее пересчитывать, можно будет вывести процесс в русло, не угрожающее развалом государства. Именно ради этого ряд патриотов поддержали и «Письмо 13-ти», и штаб, который создавался этим письмом. В число этих патриотов входил отнюдь не только ваш покорный слуга. Туда входили и другие люди. В том числе члены нынешней думской фракции КПРФ.

Эта идея была поддержана тогда всеми – как единственная спасительная. Лгать задним числом, что это было не так, недостойно.

2) Нужно было сплотить вокруг нового штаба всех тех, чьи интересы не предполагали запоздалой и разрушительной чрезвычайщины. Подчеркиваю, запоздалой и разрушительной. Потому что против адекватной чрезвычайщины никогда не стал бы протестовать ни я, ни те, кто меня тогда поддержал.

Такой союз не создается на идеологической основе. Он создается на основе единства интересов. И может быть предельно причудливым. Он

и был предельно причудливым. И что? Это дало результат? Дало! Чрезвычайщина была остановлена? Была! Обсуждать все это постфактум в стиле морального жеманства, вообще недопустимого в политике, давать этому ложные интерпретации (и еще называть себя верными учениками Ленина) очень стыдно. Мне стыдно за КПРФ. А ей, видимо, «как божья роса». Плохо дело, если это так.

3) Надо было еще присоединить к этому адекватных силовиков. Таковым оказался министр внутренних дел Анатолий Куликов.

Единство этих трех политтехнологий обеспечивало решение проблемы – сохранение российской государственной целостности.

Никогда не занимался выпячиванием своей роли. Но поскольку ее обсуждение начато отнюдь не мною, то вынужден внести ясность.

Рассмотрим эти три пункта.

Создание третьего штаба произошло на основе «Письма 13-ти». Пресс-служба ЦК КПРФ авторство «Письма 13-ти» приписывает мне. Я считал и считаю, что кто подписывал – те и авторы. Но участия своего не скрываю. Итак, если третий штаб... если третий штаб на основе «Письма 13-ти» и если это «Письмо 13-ти» решающим образом связано с вашим покорным слугой, то роль моя в выполнении первого пункта очевидна.

Столь же очевидна эта роль в отношении третьего пункта. Вся демократическая печать «выла» по поводу моих связей с Анатолием Куликовым. А Киселев в «Итогах» посвящал этому годом позже провокационные передачи. И все говорили о том, что силовую судорогу марта 1996 года остановил Анатолий Куликов, тогдашний министр внутренних дел. Киселев и другие утверждали (но не тогда, а чуть позже – тогда их куликовские действия устраивали), что за спиной Куликова стоял Кургиян.

Конечно, это не так. Никто не стоял за спиной Куликова. Он действовал исходя из своих личных представлений о должном. И пытаться что-то тут узурпировать смешно и недостойно. Любой поступок совершает тот, кто его совершает. Поступок Куликова – это поступок Куликова. Никакой «марионеточной» коллизии здесь нет. А каждый, кто ее выдумывал, – лгал, преследуя свои цели.

Но один Куликов просто не потянул бы в противостоянии с уже составившимся пулом силовиков, рвущихся к своей гибели. Нужна была коалиция по интересам. У одних интересом могло быть благо страны. А у других – возможность извлекать все блага из выборного варианта. Материальные, политические – любые.

Эти интересы надо было соединить (коммуникационная задача). Им надо было также дать что-то типа идеологии (смысловая задача). На самом деле не было двух задач – коммуникационной и смысловой. Была двуединая задача. И был антикризисный штаб, который ее решал. Частью этого решения стало «Письмо 13-ти».

Я никогда, повторю, не выпячивал свою роль в этом вопросе. Я никогда не говорил о том, что «Письмо 13-ти – это Кургинян». Потому что политический документ имеет одно авторство – тех, кто его подписал.

Кроме того, мне важно было решить задачу, а не подчеркнуть уровень своего участия. Именно брезгливое раздражение по поводу чьих-то попыток зафиксировать это участие с помощью телевидения (что мешало решению задачи) вызвало, повторяю, те мои реакции, которые КПРФовская челядь так саморазоблачительно смакует в процитированном выше фрагменте. Тогда мое выпячивание губило проект.

В русской былине говорится: «Не за ради князя Владимира, а за ради земли русской...». Так и этот проект – он делался не «за ради» Ельцина или Зюганова, Березовского или Дьяченко. Он делался «за ради» сохранения целостности страны, которая тогда явственно оказывалась под угрозой. И делался (вопреки общепринятым нормативам на работу с олигархами) – абсолютно бесплатно! И не по причине избыточного романтизма! Отнюдь! Просто надо было воздействовать, а не обеспечивать, влиять, а не сопровождать. А такие дела иначе не делаются. Так-то вот.

Поскольку угрозы целостности России не преодолены до конца (а в последний год резко обострились), то я фиксирую внимание на произошедшем тогда и (в чем-то повторяя вышесказанное) довожу свое описание тогдашних событий до жесткой аналитической схемы.

Первое. Чрезвычайное положение а-ля Пиночет было «близкой реальностью» марта 1996 года.

Второе. За этой реальностью стояли интересы клана силовиков, приближенных к Ельцину.

Третье. Этими интересами манипулировали международные силы, добивавшиеся окончательной деструкции российского государства.

Четвертое. Манипуляции осуществлялись одновременно из двух штабов – ельцинского и зюгановского. Это называется «игра в две руки».

Пятое. ЧП а ля Пиночет – вообще неприемлемая затея. В отличие от созидательной диктатуры, такое ЧП разрушительно.

Шестое. В условиях крайней непопулярности Ельцина ЧП а ля Пиночет было бы не просто разрушительным для общества, экономики и культуры. Оно было бы очередным «недоворотом».

Седьмое. Все патриотические силы были бы этим недоворотом сметены. Сначала были бы сметены коммунисты и околомундистические патриоты. Их смели бы силовики. Потом силовиков смел бы крах «недоворота» (классический сценарий «двухэтапной зачистки»). В результате субъектом постсудорожной стабилизации стали бы регионалы, которые никогда не поддержали бы очередной «недоворот» в условиях крайней непопулярности Ельцина.

Восьмое. Конституция РФ автоматически отменялась в ходе денонсации Беловежских соглашений (равно, кстати, как и многие международные возможности РФ – статус единственного ядерного наследника СССР, место в Совете безопасности ООН и т.д.).

Девятое. Регионам открывались новые перспективы «конституционного творчества».

Десятое. Эти перспективы регионы при любом раскладе использовали бы для автономизации. Ибо таковы были их интересы.

Одиннадцатое. В условиях конституционного вакуума и угрозы разгрома опричнины крайне непопулярного Ельцина, в условиях позора отмены выборов в ситуации, когда эта отмена трактовалась однозначно, регионы приняли бы крайние меры для своей защиты через автономизацию.

Двенадцатое. Никакого восстановления Союза при этом не произошло бы, ибо все остальные субъекты СНГ не поддержали денонсацию Беловежских соглашений. И заявили о категорическом нежелании воссоздавать СССР.

Тринадцатое. Вместо обещанного Союза (или укрепления власти какого-то силового клана) граждане России получили бы конфедерализацию. А конфедерализация в условиях неустойчивости власти немедленно превратилась бы в очередной государственный распад по лекалам 1991 года.

Четырнадцатое. Наготове были все международные силы, которые закрепили бы результаты такого распада.

Пятнадцатое. Нечто подобное маячило на горизонте и в условиях октября 1993 года. Определенные высказывания лидеров КПРФ говорили о том, что такой сценарий для них не табуирован. Не буду приводить эти высказывания, дабы не сыпать слишком много соли на давние раны. Но мой центр имеет полный архив тогдашних событий. И эскалация

обсуждения (под которым, по мне, желательнее подвести черту) вынудит нас к наглядной демонстрации доказательности наших выкладок и суждений. Мы не будем для этого обращаться к компроматным мистификациям. Мы дадим точную информацию.

Вот какова была ситуация. Такая ситуация называется «системный кризис». Этот кризис удалось преодолеть. За счет чего? За счет правильного согласования противоречивых, разнокачественных интересов. Нужно было иметь возможность эти интересы согласовывать. И нужно было наплевать на качество этих интересов.

Теперь какая-то пресс-служба это пытается дискредитировать. Почему? Потому что она совсем тупа и не понимает, что такое антикризисные действия? Или потому, что ей (а точнее – кому-то еще) не нравится, что мы тогда помогли преодолеть кризис и можем помочь преодолеть его снова? И для того, чтобы этого не произошло, создаются страшилки разного рода. В том числе – о связях нашего центра с, так сказать, разнокачественными и разновекторными политическими субъектами.

Так вот, предупреждаем лжечистоплюев и тех, кто стоит за их спиной: В КАЖДОЙ СИТУАЦИИ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА, А МЫ СЕЙЧАС ВНОВЬ ВПОЛЗАЕМ В ПОДОБНУЮ СИТУАЦИЮ, МЫ ВСЕГДА БУДЕМ НА СТОРОНЕ ТЕХ, КТО ЗАХОЧЕТ И СМОЖЕТ СОХРАНИТЬ ГОСУДАРСТВО. ПОТОМУ ЧТО МЫ НЕ ПОНИМАЕМ СМЫСЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПРИ НАРУШЕНИИ АКСИОМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ. И ТАКАЯ БОРЬБА НАМ ОТВРАТИТЕЛЬНА – ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО, МОРАЛЬНО И ПОЛИТИЧЕСКИ.

Коллективный гений, наконец-то, выплеснулся во всем, что касается его отношения к нашим (и хочется верить, что не только нашим) экзистенциальным, моральным и политическим аксиомам. Да и вообще... Сняв суконно-безличную маску и обнаружив за ней нечистоплотную страстность, он не может даже самого себя проконтролировать. И не только на уровне политической логики, но и на уровне логики цитирования. Привожу пример.

Меня цитируют по вопросу о тех же думских антибеловежских инициативах, которые (выдержка из моего текста) «превратили бы Россию в мини-СССР, который вскоре мог бы быть развален тем же способом, каким развалили Большой Союз в 1991 году».

Дальше коллективный гений изрекает следующее: «Да, "мог бы быть развален", "мне так кажется" – очень "сильные" аргументы».

А чего гений хочет вместо фразы «мог бы быть развален»? «Был бы развален»?

И каких он хочет аргументов? Ему мало тех, которые я сейчас привел? Я могу все детализировать!

А знает ли коллективный гений, в чем разница между интонацией проблематизации («возможно, будет так») и интонацией утверждения («будет так, а не иначе»)? Она в том, что интонация утверждения подменяет прогноз программированием. И потому должна использоваться весьма осторожно. Ведь в политике не существует предопределенности. В ней есть риски. По таким-то и таким-то параметрам был такой-то и такой-то риск развала. Вмешательство в это таких-то и таких-то фигур делало риск экстремальным.

Никогда не говори «будет развален». Ты этим программируешь людей на поражение. Ты их парализуешь.

Всегда говори «может быть развален». Это их мобилизует на противодействие.

Такова аксиома прогнозной лингвистики. Гений ее не знает? Или он ее знает и ему не нравится, что я ее знаю тоже?

Согласитесь, в связи с этим вопрос о том, что знает и не знает коллективный гений, приобретает особую остроту!

Часть IV. **Идеология и стратегия**

Наконец, коллективный гений доходит до главного. До двух уже не сугубо политических, а идеологических тем: «концепции устойчивого развития» и «лимита на революцию».

То, что об этом хотя бы написали, это прогресс. Или, как лучше сказать, – «неустойчивое развитие»?.. Но как пишут?

Уже израсходовав весь яд на описание моих мимических и пластических особенностей, «пресс-служба ЦК КПРФ» устало отбихивается: *«Господину Кургиняну хорошо известно, что КПРФ приняла на вооружение собственную концепцию "социалистического устойчивого развития", автором которой является выдающийся ученый академик Коптюг, а не концепцию Гора».*

Конечно, мне это известно. И они говорят двумя строками ниже, что конкретно мне известно. *«Я выражал предельное возмущение тем, – вещает Кургинян, – что КПРФ, добавляя к устойчивому развитию слово "социалистическое", берет повышенные обязательства по демо-*

коррекции на территории РФ, где население и так убывает». И дальше коллективный гений многозначительно хмыкает: «Такой принцип критики давно известен: сначала в воспаленном воображении рисуем несуществующие образы, а потом их успешно разоблачаем».

Насчет того, вещаю я, жалуюсь или как еще, это бантики. Я не вещаю и не жалуюсь. Я пишу.

И пишу о том, что знаю. При этом я не ориентируюсь на сплетни. Не предаюсь своим домыслам. Не улетаю в высь поднебесную в своих театрально-океанографических фантазиях. Я читаю документы КПРФ. Основные документы, на которые следует ориентироваться сторонникам партии. Я эти документы читаю и – анализирую.

Начну с чтения документа под названием «Программа КПРФ». Может ли быть более важный партийный документ, чем Программа партии? Данная программа была принята перед выборами 1995–1996 годов, то есть перед решающими политическими боями. С тех пор она, при любых корректировках, сохраняла один из введенных в начале 1995 года принципиальных тезисов – об устойчивом развитии.

Так что же написано в Программе КПРФ? А вот что.

«Вступая в новое тысячелетие, человечество оказалось перед самым драматичным за всю свою историю выбором пути дальнейшего развития. Вариантов, обусловленных противоположными социально-классовыми интересами, на наш взгляд, всего два.

Первый сводится к ограничению или даже прекращению роста уровня мировой экономики при консервации нынешней структуры производства, распределения и потребления. Он рассчитан на то, чтобы увековечить деление человечества на "золотой миллиард" и эксплуатируемую им периферию, установить глобальное господство развитых капиталистических стран с помощью "нового мирового порядка".

Второй путь предполагает неуклонное повышение уровня благосостояния всего населения Земли при обязательном сохранении глобального экологического равновесия на основе качественного изменения производительных сил, способа производства и потребления, гуманистической переориентации научного и технологического прогресса.

*В международных научных, общественных и политических кругах второй путь получил наименование "устойчивого развития". В подавляющем большинстве стран развернута работа по формированию национальных стратегий устойчивого развития с учетом общецивилизационных тенденций, имеющихся производительных сил и особенностей духовных традиций и устремлений общества. **В России на науч-***

ной основе должна быть разработана своя стратегия устойчивого развития.

КПРФ считает, что для России наиболее обоснованным и отвечающим ее интересам является выбор оптимального социалистического развития».

А теперь я начинаю анализ. И, прежде всего, спрашиваю: откуда возник этот тезис в Программе коммунистов?

У кого я спрашиваю? У органов, к которым якобы «привержен»? У антикоммунистических злопыхателей? Я спрашиваю об этом у ЦК КПРФ, у пресс-службы ЦК КПРФ, которая высказывается по моему поводу. И получаю от пресс-службы ЦК КПРФ очень ценную информацию, согласно которой автором «концепции социалистического устойчивого развития является выдающийся ученый академик Коптюг». Это общеизвестный факт. Но мне здесь важно, что этот факт не отрицается, а, напротив, подтверждается пресс-службой.

Читала ли она служба выступления академика Коптюга? Или это является исключительной прерогативой моего «театрально-океанографического» центра? В любом случае, я предлагаю ознакомиться с цитатой из статьи В.Коптюга в ноябрьском номере газеты «Народовластие» за 1995 год, посвященном Октябрьской революции.

«Один из лейтмотивов Конференции ООН, касающийся модели развития на будущее, выражен в словах ее генерального секретаря Мориса Стронга: "Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут к резким дисбалансам, которые в одинаковой мере угрожают и богатым, и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование этому пути сможет привести нашу цивилизацию к краху".

Вообще это была бы трагическая ошибка для России – переходить на путь развития, который сегодня осужден человечеством, чтобы, пройдя его и намучившись на этом пути, в конце концов осознать, что это тупиковый путь, который исчерпал себя. Концепция устойчивого развития соединилась сейчас с социалистической идеей и интенсивно развивается на Западе. Правы, с моей точки зрения, те, кто говорит, что Россия "обречена" на православие, социализм и устойчивое развитие – именно потому, что те идеи, о которых идет речь, очень созвучны россиянам вообще и русскому народу в особенности».

В этом фрагменте Валентин Коптюг советует России развиваться, так сказать, по-хорошему. И называет это развитие по-хорошему «устойчивым», «социалистически устойчивым» и так далее. Этому его призыву вторят другие издания. Заглянем, например, на Интернет-сайт sovsibir.ru, где 1 февраля 2005 года опубликовано следующее:

«Так есть ли возможность движения уже сейчас по пути "выстраивания" в России общества устойчивого развития? Ответ по этому поводу дал в свое время... доброй памяти академик Валентин Коптюг. В качестве члена Высшего консультационного совета по устойчивому развитию при Генеральном секретаре ООН он был в 1992 году активным участником конференции ООН в Рио-де-Жанейро, рассматривавшей подобные же проблемы.

*Валентин Афанасьевич уверенно доказывал: **концепция устойчивого развития социалистична**, поскольку предполагает отказ от общества буржуазного потребления, утверждает приоритет общественных интересов над личными в масштабах всего мира – иначе человечеству не выжить. Потому что она, эта концепция, провозглашает общецивилизационные ценности, заключенные в социалистическом идеале, – требования социальной справедливости, равенства возможностей, достойного уровня жизни, духовности, **неотделимости человека от природы**, широкого участия общества в управлении государством и неизбежности повышения роли государственного регулирования в экономической сфере в противовес стихийным процессам "свободного" рынка.*

*Концепция устойчивого развития потому реальна, далее утверждал Коптюг, что она **вобрала в себя все лучшее от социалистического варианта развития общества (имелся в виду реальный социализм в СССР) и цивилизованного, культурного, по Ленину, капитализма, то есть госкапитализма**.*

Можно ли сочетать реальный социализм с цивилизованным, культурным, по Ленину, капитализмом – это вопрос особый. Может быть, и можно. А может быть, нет. Владимиру Ильичу это не удалось. Хочется верить, что КПРФ удастся, потому что сочетать лучшие черты разных формаций всегда хочется.

Но... не всегда можно. Вот я хотел бы сочетать свою разумную двуногость со способностью верблюда к долгому существованию при дефиците воды. Однако, даже если я отращу себе горб, это еще не значит, что я смогу осуществить такую конвергенцию разновидных свойств.

Но не это главное. Мы из Интернет-сайта пока узнали, что Валентин Коптюг был членом Высшего консультационного совета при Генеральном секретаре ООН и активным участником Конференции в Рио-де-Жанейро, где рассматривалась и принималась резолюция по устойчивому развитию, разработанная при участии Альберта Гора и предполагающая демокоррекцию. Может быть, Валентин Коптюг хотел сочетать разумную социалистическую двуногость с «горбом» а-ля господин Гор? Может быть, в этом сочетании (межформационной конвергенции) и может родиться устойчивое социалистическое развитие без демокоррекции?

Академик Валентин Коптюг – специалист по органической химии. Не по океанографии и театру, как я, а аж по органической химии. Но тогда откуда у него был свой подход к социалистическому устойчивому развитию? А оттуда, что он имел под своим началом не какой-то там ЭТЦ, а все Сибирское отделение Академии наук, которым Коптюг успешно руководил до своей смерти в 1997 году.

В рамках этого отделения под оком Валентина Коптюга идеи «социалистического устойчивого развития» разрабатывала группа под руководством доктора физико-математических наук (ох уж мне эти не те науки!) Виктора Горшкова. Именно группа Горшкова создавала научный базис теории «социалистического устойчивого развития» в виде так называемой «биосферной модели». Данная модель исчерпывающе изложена в ряде статей Горшкова с соавторами, а также в монографии В.Г.Горшкова «Физические и биологические свойства устойчивости жизни» (М., ВИНТИ, 1995 г.).

Утомлять деталями уже истерзанное мною сознание региональных трудящихся и их федеральных руководителей я не буду. А для вящего наущения всякого рода пресс-служб и тех, кто прячется за их спинами, вкратце опишу главное.

Основной постулат модели Коптюга–Горшкова состоит в следующем: **«Ни один вид, включая человека, не может надолго выйти из отведенной ему эволюцией экологической ниши, определяющей долю потребления этим видом продукции биоты и других ресурсов земли. Нарушение этого закона влечет угнетение данного вида или его вытеснение из биоты»**. То есть человек сразу же приравнивается к любым другим биологическим видам, а человечество – к любым другим популяциям – от леммингов до тараканов.

Излишне говорить, как такая идея будет встречена любыми конфессиями, для которых человек именно потому и человек, что он явление

надприродное. Не случайно одним из главных и непримиримых противников концепции «устойчивого развития», в любых ее формах, сразу же стал Ватикан. Как именно эта концепция может соотнестись с православием, к которому апеллируют «устойчиво» оборзевшие коммунисты, я и представить себе не могу. Наверное, по причине театральной недостаточности воображения. Но дело даже не в этом.

Дело в том, что группа Горшкова, проводя исследование ресурсных, энергетических, биологических и иных балансов биосферы Земли, делает очень существенные новые выводы.

В частности, в сфере энергетического воздействия человечества на планету, согласно моделям «ресурсных ограничений» Римского клуба (условно – концепция Альберта Гора), предельно допустимые нагрузки для «устойчивого развития» – 125 кВт на квадратный километр – и предельно допустимая численность населения Земли – около 8 млрд. чел. А вот **в модели «биосферных ограничений» Горшкова–Коптюга предельная антропогенная энергетическая нагрузка на планету не более 15 кВт на квадратный километр, а предельная численность человечества – не более 1 млрд. человек.**

Если это не тот самый «золотой миллиард», в мечтаниях о котором обвиняют «империалистических глобалистов» вкуче с Гором и на проклятиях которому строится шаманская деятельность определенных ЦК и их пресс-служб, то что тогда?

Но рассмотрим следствия, вытекающие из этих «устойчиво социалистических» ограничений.

Первое из этих следствий (причем не в моей фантазии, а в утверждениях авторов!) состоит в том, что **уже существующее человечество (включая Россию!) необходимо срочно сокращать, как минимум, в шесть раз. Как сокращать? Прежде всего, за счет снижения рождаемости, то есть повсеместного перехода к малодетным семьям.**

Второе следствие состоит в том, что для восстановления устойчивости биосферы необходимо еще и **срочно предоставить ВСЕЙ сохранившейся девственной природе планеты заповедный статус.** А где больше всего такой девственной природы? В Латинской Америке, Африке и, прежде всего, опять-таки, в России! То есть о нефтяных, газовых, металлургических и прочих ресурсах страны, необходимых для жизни страны и тем более для ее ускоренной модернизации, забудьте!

И, наконец, третье следствие (уже совсем прямо адресуемое к «глобалистской» модели Гора): **необходимо создать «планово развиваемое и оптимально управляемое сообщество равноправных стран, взаи-**

действующих между собой по законам природы, науки и справедливости, причем модель развития каждой страны должна быть согласована и встроена в модель устойчивой мировой системы». Как там насчет воинствующего антиглобализма КПРФ и критики ею сторонников «мирового правительства»?

Я уже не спрашиваю о том, что это за синклит хочет руководить миром и как он собирается сочетать «законы природы, науки и справедливости»!

Благопожеланий тут мало! Поскольку одно войдет в противоречие с другим, нужна железная диктатура некоего мирового правительства. Наверное, его хотел социалистически возглавить академик Коптюг, сделал какого-то там Альберта Гора заведующим своим американским отделом. Но не исключено, что у господина Гора были другие виды на распределение полномочий.

Вся история человечества – это мучительные попытки согласовать требования природы, внеприродную (культурную) специфику человечества, науку с ее беспощадной рациональностью и справедливость. Попростому это называется – согласование истины, добра и красоты. Мучительно неразрешимая задача! Величайшая тайна мировой истории! И надо же, синклит нашел, как это сделать. Но не поделился с нами этой великой тайной. Видимо, он поделился ею с Зюгановым?

Но только тогда, пожалуйста, надо прекратить шептать про масонов. Потому что все, что здесь описано, – это и есть классическая декларация канонических лож. Только там предполагается, что согласование несогласуемого (оно же Великое Делание) возможно лишь при прямом вмешательстве Великого Архитектора Вселенной, а не с помощью сентенций Горшкова и Коптюга, деклараций Гора и причитаний пресслужбы ЦК КПРФ.

Именно это (проклипаемое в других коммунистических документах в качестве зловещего заговора) *«биосферные концептуалисты» из группы Горшкова–Коптюга именовали «истинно гуманным, оптимально управляемым социалистическим обществом», а также «оптимальным социалистическим устойчивым развитием»* (прошу обратить внимание на почти дословные совпадения с формулировками из программы КПРФ).

Могут сказать, что это старые ошибки, которые давно избыты.

Однако в совсем свежем общепартийном документе июньского 2005 года Пленума КПРФ «Основные направления социальной и экономической стратегии КПРФ», предложенном для обсуждения партийным

организациям России, *перед КПРФ вновь ставится задача «наметить прямой курс к устойчивому развитию экономики и социальной сферы»*. И это несмотря на то, что и концепция устойчивого развития, и постановка такой задачи встречают острую критику внутри самой партии. Например, со стороны такой фигуры, как Егор Лигачев, который посвятил этой критике часть статьи от 2 августа 2005 года на коммунистическом Интернет-сайте RedNews.ru.

Я не хочу сказать, что Коптюг или его более высокостатусные собратья по постсоветскому коммунизму – злодеи и ненавистники своего народа. Но, увы, состояние умов, приводящее к «устойчиво-социалистическому» казусу, в чем-то даже еще печальнее. И одновременно – многообразнее. Если еще точнее – «многоэтажнее».

Нижний этаж слагают затравленность и компенсаторный синдром. Усилиями наших антикоммунистических псевдодемократов коммунисты (и зюгановцы в том числе) были ошельмованы. По отношению к ним была развязана разнузданная кампания информационного и психологического террора. Она дала плоды. Люди реально затравлены. А где затравленность, там и компенсаторный синдром.

Затравленные люди надеются хоть где-то быть «принятыми», хотят как-то подтвердить свою социальную значимость. У кого они ищут подтверждения? Не у униженных и оскорбленных. Эти ничего подобного дать не могут. Они ищут подтверждения у сильных мира сего, у СМИ с высоким рейтингом, у шельмующих их салонных тусовок, на которые стекаются разного рода звезды кино, шоу-бизнеса или журналистики. Они ищут подтверждения и у власти, с которой борются. Отсюда – известные высказывания Зюганова: «Наша партия повышает свою общественную значимость. Меня уже три раза принял премьер-министр Черномырдин».

А если ищут признания у антикоммунистических светских тусовщиков или у своей власти, то тем более ищут этого признания в таких безусловно престижных точках, как Комиссия Генеральной ассамблеи ООН и мировые саммиты по «устойчивому развитию».

Вообще разница между такими искателями престижа и «сильными мира сего» заключается только в том, что одни престиж имеют, а другие его очень хотят. И перед этим простеньким хотением меркнут любые, самые чудовищные, конспирологические химеры «мирового заговора».

Средний этаж рассматриваемого «состояния умов» слагают другие коллизии коллективного разума этой партии (точнее – ее элитной группы). Верхушка КПРФ хочет участвовать в игре. Как внутренней, так и

международной. Она не вполне понимает, в чем состоит игра, но очень чувствительна к любым предложениям поиграть, хоть на подхвате, хоть как-то иначе.

Я не буду разбирать детали этой игры. Но, право слово, и господин Черномырдин с его комиссией Гор–Черномырдин, и посещения Зюгановым кабинета премьер-министра, известного своими крылатыми высказываниями, имеют определенное игровое слагаемое. Имя этому слагаемому – демократическая партия США.

Длительная ориентация на эту партию и ее реального лидера Альберта Гора не могла не породить идейных симпатий. В том числе к концепции устойчивого развития. Она не могла не породить и сопутствующих проблем как для Черномырдина, так и для Зюганова.

Зюганов, не увязнув в этих проблемах основательно, сумел быстро из них «выкрутиться». Чем вызвал знаменитое бешенство Черномырдина, бросавшего ему в 1998 году, при безуспешной попытке повторно стать премьером, с думской трибуны маловнятные, но очень горячие упреки («лизали так, что у меня уже залысины, а теперь...») и так далее).

Высший этаж «состояния умов», которое я описываю, лежит в сфере разного рода переговоров, которые еще советская элита вела с «мировым империалистическим лагерем». Римский клуб и присутствие на нем не академика Валентина Коптюга, а гораздо более осведомленного и влиятельного академика Джермена Гвишиани – одно из малых слагаемых в этой системе переговоров. Если еще точнее – «верхушка айсберга». Когда-то переговоры велись «сверху» или на равных. Однако «времена меняются, и люди меняются вместе с ними». И обстоятельства – тоже.

Что это означает в совокупности?

Что по целому ряду причин – осознанных и неосознанных, прямых и косвенных – рассматриваемая мною элита КПРФ носит последовательно ультракомпрадорский характер. Прочитайте, что такое компрадорство. И вы увидите, что все черты этого компрадорства (как психологические, так и социальные, как экономические, так и политические) налицо.

Что такое компрадорская буржуазия? Что такое вообще компрадорские слои населения? Это слои населения, кровно заинтересованные в том, чтобы их страна оставалась колонией при некоей высокоразвитой метрополии. Подобная заинтересованность носит как культурный, так и экономический характер. Культурная установка компрадорской буржуазии какой-нибудь Индии начала XX века была связана с обучением в Оксфорде, с приверженностью западному образу жизни, с отвращени-

ем ко всему местному, понимаемому как дикарское, с освоением культурных образцов и жизненных стандартов метрополии.

Экономически эта же буржуазия была связана с мировыми рынками колониального сбыта, с потоками в Индию товаров из Великобритании, с поставками в Великобританию индийского сырья и так далее.

Как только наряду с компрадорскими группами в постепенно развивающейся колонии начинают появляться группы, занятые национальной промышленностью, национальной экономикой, ситуация резко меняется. Метрополия рано или поздно начинает развивать колонию. Это вытекает из политических и экономических интересов метрополии. Она должна передать в колонию часть функций, связанных с производством. А значит, и с социально-культурной сферой, и с управлением.

Так рождаются мощные экономические и социальные группы, имеющие иные, некомпрадорские корни. С опорой на эти группы возникают политические партии. К экономическим группам начинают подключаться «попутчики». И рано или поздно колония освобождается. Такова формула империализма и колониализма. И эту формулу многие хотели бы применить к нынешней России.

Но здесь она глубоко неверна. Почему?

Те, кто ведет Россию по обозначившемуся пути, не хотят повторить ошибок колониальной эпохи. Вообще мир из эпохи империализма и колониализма перешел в другую эпоху. Назовите ее эпохой ультраимпериализма или как-то иначе. Тут не в словах суть. Тут дело в том, чтобы правильно понять концепцию устойчивого развития и место в этой концепции рассматриваемых мною квазиполитических игроков.

Если задача транснационального субъекта, осуществляющего рачное управление, состоит не в том, чтобы правильно окормлять нормально функционирующую колонию (Индию эпохи Киплинга), а в чем-то другом, то этот субъект не допустит никаких некомпрадорских социально-экономических групп на этой территории. Он вовсе не собирается «нести бремя белых», как призывал великий поэт.

Новый ультраимпериалистический субъект стремится превратить эту территорию в «обезьянник». В социальную структуру принципиально иного качества. Такую структуру, в которой никогда не возникнет никакой освободительной борьбы. Этот субъект будет уничтожать все восходящие социальные формы жизни на территории. Он будет применять по отношению к этой территории те самые крайние меры, которые когда-то описал Достоевский в романе «Бесы» устами известного героя:

«Мы уморим желание, мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве».

Мне скажут, что Зюганов с этим и борется. Если бы он с этим боролся, не было бы у него более верного сторонника, чем я, и никакие негативные пассажи в мой адрес со стороны любых «пресс-служб» ничего бы не значили.

Но в том-то и дело, что ультраимпериалистический субъект, уничтожая базис национально-освободительной борьбы, одновременно стремится перевести в имитационный формат все надстроечные структуры, связанные с этой борьбой. Именно потому, что такая борьба, по определению, оторвана от своего несуществующего базиса, и удается превратить ее в имитацию. Национально-освободительной борьбе трудно препятствовать лишь в развивающихся, нормально функционирующих колониях. В зонах же управляемой деградации эту борьбу можно гасить всей совокупностью современных методов – как точечных, так и рамочных.

В отсутствие классов и групп, связанных с «восходящим» социальным существованием, не может быть политических партий, борющихся за восхождение своей страны. Партии, оторванные от уничтоженной (подорванной, выкорчеванной) классовой базы, превращаются в суррогаты. А политическая борьба – в часть политического спектакля.

Особую роль в этом спектакле играют партии, наиболее решительно имитирующие борьбу. Потому что перед тем, как население оскотинится окончательно, оно все же в определенной степени «очнется». И в этот момент крайне важно сковать «очнувшуюся энергию», какой бы остаточный характер она ни носила.

Если бы эта энергия была связана с устойчивым экономическим базисом, то сковать ее было бы невозможно. Если на территории нужно создавать индустриальный пролетариат, то неизбежно возникнут очаги профсоюзного движения, а затем и социально-политической борьбы. И сколько бы ни давили эту борьбу, какой бы ни занимались полицейщиной, при развитии массовых индустриальных групп механизмы их подавления все равно выйдут из-под контроля. В этом и есть настоящее, актуальное для современности, не схоластическое содержание фразы Карла Маркса: «Капитал рождает своего могильщика».

Однако капитал рождает своего могильщика в условиях восходящего, то есть подлинно исторического, движения. Как только капитал останавливает движение, он прекращает формирование могильщика. Это и

есть открытие сверх-, ультра-, моноимпериализма. Это и есть подмена Истории Игрой.

Выбор тут очень прост. Либо ты говоришь «нет» набирающему силу погружению твоего народа в регресс, либо ты в это встраиваешься и начинаешь «хрюкать» вместе с другими регрессорами на красный, белый или трехцветный лад.

Но если ты говоришь «нет», то твоя задача не может быть романтически-экзистенциальной. Если ты политик, то твоя задача не в том, чтобы «сказать "нет" и умереть», а в том, чтобы изменить направление процесса. Ты должен ответить на вопрос, какими формами борьбы ты заменяешь собственно классовую борьбу, уже отсутствующую. Если тебя лишили классовой опоры, то какую опору ты находишь вместо классовой?

Этот ответ требует новых теоретических разработок и новой практики. Альтернативой подобной практике являются либо тупиковые сценарии из «Железной пяты» Джека Лондона, где доведенные до обезьяньего состояния люди начинают бунтовать, превращаясь в ужас своей страны и своего общества и подкрепляя этим олигархию. Либо... либо потакание обезьяннику и встраивание в систему ультраколониального управления.

Победа концепции устойчивого развития – это и будет триумф обезьянника. Это и будет триумф «многоэтажного человечества». Поднимая эту концепцию на свои знамена, политики не просто сдают концептуальную самость. Они присягают регрессорству, становятся еще одной, причем самой опасной, пятой колонной в пределах омерзительного регрессивного симбиоза.

Симбиоза, в котором социалистическая концепция Коптюга–Горшкова прекрасно сосуществует с капиталистической концепцией Гора и Данилова-Данильяна, А Горшков и Данилов-Данильян оказываются соавторами статей, в которых устойчивое развитие не делится на социалистическое и капиталистическое, поскольку всем понятно, что речь-то идет о построении обезьянника. Как в отдельно взятой нашей стране («социалистическое устойчивое развитие»), так и во всем мире.

Концепция устойчивого развития – это консенсусная рамка регрессорства.

Вы можете осуществлять регрессорство на социалистический манер (по Коптюгу–Горшкову) или на капиталистический (по Гору и Данилову-Данильяну). В любом случае, при этом вы присягаете неразвитию. Потому что устойчивое развитие – это синоним неразвития. В любом

случае, при этом вы, понимая или не понимая, – под вопли о демографической катастрофе, с которой надо бороться теми или иными средствами, – фактически берете обязательства по «демокоррекции» на своей территории. То есть встраиваетесь в регрессорство.

И тогда неважно, под какими это происходит лозунгами – красными, белыми, трехцветными, либеральными или патриотическими. Присяга устойчивому развитию, введение этого устойчивого развития в ваши программные документы – это индекс регрессорства. И, увы, индекс не единственный.

Коллективный гений, создавший опус под названием «Momento de verdad для политолога "На досках"», чурается обсуждения этой проблематики как черт ладана. Он вертится ужом на сковородке, подменяя обсуждение по существу адресациями к физико-математической чудовищности моего интеллекта (находящейся, надо полагать, в ужасном контрасте с физматематическим блеском интеллекта господина Горшкова или оргхимическим благолепием интеллекта товарища Коптюга).

Этот коллективный гений, занятый «практической работой», этот трудяга, строящий, засучив рукава, обезьянник вместе со старшими товарищами из Рио-де-Жанейро и Римского клуба, не хочет ходить на мои «театрально-океанологические» клубы. Он не читает газет и журналов, этот пролетарий политического труда. Он не информирован о содержании документов, принятых в Рио-де-Жанейро и Каире.

Он не знаком с историей и теорией борьбы за и против устойчивого развития. Он не понимает, что такое регресс. Он другое пытается уловить, и другими рецепторами. Как говорил представитель иной когорты в рядах все тех же «обезьяноделающих» трудяг, «мой отец всю жизнь писал одну книжку – сберегательную».

Пусть ему! А его рядовым партийцам? А интеллектуалам, которые более или менее понимают, к чему все клонится? А нашим спецслужбам, присягавшим идее форсированной модернизации, которая очевидным образом несовместима с устойчивым развитием? А нашей политической власти? Нашим министерствам, занятым (или якобы занятым) борьбой с депопуляцией? Зачем с ней бороться, если нужно устойчивое развитие? Зачем индустриализация и модернизация, если нужен обезьянник и часть обезьян должна быть выкрашена в красный цвет?

Это с таким «окрасом» вы мне запрещаете воевать? Так я не только буду. Я еще более основательно за это примусь, поняв, что именно вы на самом деле «унькаете», а это можно понять по вашим вилияниям.

Но я не собираюсь превращаться в записного борца с одним из отсеков (или отстойников) в многокомпонентной машине регрессорства. Я, прежде всего, хочу, чтобы сам этот вызов регрессорства был осмыслен, увиден и уловлен с близкого расстояния.

Вы говорите «не тычьте нам это в нос»? Я буду тыкать и тыкать, вам и прочим присным. Вам и вашим противникам. Я буду тыкать до тех пор, пока вы, под сурдинку любых проклятий в мой адрес, не начнете говорить на эту тему на серьезном языке. И это будет моей победой. Я уже не раз таким образом добивался результата. И тут я его тоже добьюсь.

Меня спросят: «Зачем?» Что стоят эти разговоры без действий?

В начале было Слово. Начнутся правильные разговоры – начнутся и действия. Может быть, они что-то изменят. А даже если нет? Хоть напоследок страна поговорит на вполне достойную тему.

Разобравшись с концепцией устойчивого развития, перейдем к «лимитах на революцию». Потому что одно дополняет другое.

Чем больше вам нужен обезьянник, тем меньше вам нужна революция. Чем прочнее вы присягнули Игре, тем дальше вы от Истории. Ибо отказ от революции равносильен отказу от Истории. И это все понимают.

Так что же было все-таки сказано Зюгановым о лимитах на революцию? Что и когда?

Вначале факты. Впервые генсек ЦК КПРФ Геннадий Зюганов публично выступает в роли «революционного лимитчика» в своем интервью «Советской России» 25 октября 1991 года. Там он говорит: «...наше Отечество уже исчерпало отпущенный ему историей "лимит" на гражданские междуусобицы».

Под этот «лимит» Зюганов становится вождем КПРФ как партии «лимитчиков». Случайно ли это? Даже если случайно – все равно знаменательно. Однако я убежден, что это не случайно. И у меня есть доказательства.

В течение 1991–1992 годов в стране нарастает социальная напряженность, реально надвигается революционная ситуация. Если мои оценки справедливы, то Зюганову, как сотворцу обезьянника, надо каким-то образом уgomонить эту растущую напряженность, а точнее – канализировать ее в нужное тупиковое русло. Для этого, конечно, нужна большая практическая работа. Но, помимо нее, нужна работа концептуальная. И он ее делает.

13 февраля 1993 года Геннадий Зюганов выступает с программным докладом на съезде КПРФ. И в заключительном пассаже доклада заяв-

ляет: *«Помните, что наша страна исчерпала лимит на революции и гражданские войны»*. Доклад был опубликован рядом коммунистических СМИ, включая, например, «Левую газету», №6 за 1993 г.

Что тут сказано? Тут сказано не про своевременность или несвоевременность революционного восстания. Тут сказано, что страна исчерпала – навсегда исчерпала! – потенциал революционной борьбы. То есть потенциал своего исторического развития! Что в России прекратилась тем самым История!

Вам нравится такой посыл? Да или нет? Без ссылок на происки океанографов и прочую чушь!

Не обо мне идет речь. Не я это сказал, выступая с трибуны съезда в решающий политический момент, перед знаменитым референдумом «да-да-нет-да» о судьбе власти в России и осенним трагическим управляемым фиаско в Доме Советов!

Сказали – получили результат. Потом – начали увиливать. 10 февраля 2004 года в интервью «Независимой газете» Зюганов отрешивается от своих слов по поводу «лимитов на революции»: *«Не знаю, кто мне приписал эти слова, откуда они выхвачены»*.

Их сказал Геннадий Андреевич Зюганов в решающий, повторяю, политический момент. Это зафиксировано.

И это еще не все. Потому что в следующий острый момент, перед выборами 1996 года, когда он много чего наговорил во время поездки в США, Зюганов сообщает в интервью газете «Вашингтон таймс» 19 мая: *«Россия исчерпала лимиты на революционные эксперименты. Коммунистическая Партия Российской Федерации твердо гарантирует неповторение ошибок прошлого»*.

Впрямую дается обещание: пока Зюганов у власти в КПРФ, революции не будет. Если это не называется «политической и идеологической изменой», то как это называется? И как называется использование коммунистическим лидером кондовой антикоммунистической лексики («революционные эксперименты», «ошибки прошлого»)? Это что как не «приглашение к танцу»: «Купите девушку, она вам исполнит все, что надо, и прежних ошибок не совершит...»?

Что особо показательно в этом предложении? То, что предлагающая «девушка» твердо убеждена, что ее родственники из Перми, Новосибирска или Калуги никогда не посетят увеселительные заведения за океаном и не увидят фигур исполняемого ею заграничного танца. А если даже и увидят, то это всегда можно будет объяснить. Мол, девушка на конспиративном положении, интересы Родины... тс-с-с... не надо!

Такова правда. А как теперь извращают эту правду лица, прячущиеся за брендом «пресс-служба ЦК КПРФ»? Они ахают, охают, вертятся по поводу того, что некий театро-океанограф «не знает, в чем разница между понятиями "революция" и "революционное восстание"». Они рекомендуют мне выучить Зюганова наизусть. Я выучу, вы подождите! Посмотрим, что тогда будет с вашей пресс-службой! Она же служба угодливой лжи.

Я не знаю разницы между революцией и революционным восстанием? А Зюганов?

ЭТО ВЫ ЗЮГАНОВА УЧИТЕ, ДОКТОРА ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ И ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ НАУК, ЗАПИСНОГО ЭРУДИТА И ГЕНИЯ! ЭТО ОН СКАЗАЛ, ЧТО ЕСТЬ ЛИМИТЫ НА РЕВОЛЮЦИЮ. А ВЫ, С УХВАТКОЙ, ДОСТОЙНОЙ РЕВНИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, НАЧИНАЕТЕ ДЕМАГОГИЧЕСКИ ИЗВИВАТЬСЯ.

Вейтесь, вейтесь. Чем больше вы этим заняты, тем яснее ваша суть для тех, кто еще способен что-то понимать. А остальные – не в счет.

Заключение

Перехожу к анализу «зубодробительного финала», вышедшего из-под пера пресс-службы ЦК КПРФ.

Там меня сравнивают с быком, бросившимся на красное. Этого быка убивает коллективный разум пресс-службы ЦК КПРФ. Смачно описывается, как быка тащат на досках или волоком.

Поскольку в высших КПРФовских эшелонах что-то начало «трещать и сыпаться» (что именно – предмет отдельного описания), то «братковая» лексика рвется из уст, казавшихся перед этим суконно-немыми.

Адрес, откуда исходит эта «уголовка», легко вычислить. Но аналитическая реконструкция этого адреса уведет нас от существа дела. Потому – лишь коротко и по пунктам.

1. Бык... матадор... красное... Право, кому-то, видимо, хочется на режиссерский факультет. У кого-то страшно разыгралась фантазия. И дальтонизм. Зюганов вдруг оказался красным. Что в нем красного (смотри выше – например, цитату из «Вашингтон Таймс»)? Этого уже не могут понять ни он, ни его противники.

Красное убивали и убивают деятели из верхушки КПРФ. Они убивают! Я лишь описываю, как именно они это делают.

2. Пресс-служба ЦК КПРФ не может, по определению, писать в том тоне, в каком написан этот хамско-уголовный ответ на мою критику. Кем бы ни были Зюганов и его присные, они такого всегда боялись. Это не их язык. Не их формат «наездов». Не их отвязанность.

То есть? То есть происходит очевидная кримтрансформация КПРФ. Из-за спины людей, всегда использовавших для своих опусов только слегка перелицованный «канцелярит», выходят люди с иной «феней» и иными ухватками. Да еще имеющие наглость обвинять других в отступлениях от классического respectableного стиля.

Это интересно! И это главное, что интересно в случившемся. А раз мы добрались до интересного, то наша работа никак не может считаться напрасной. Ведь мы, вскрыв нечто совсем болезненное, либо заставили разоблачиться действующий субъект, либо обнаружили субъект, находившийся в тени и выходящий на свет божий.

Может ли решить более важную задачу скромный театро-океанолог, дерзнувший заняться какой-то там аналитикой? Я считаю, что нет. А вы?

3. Апелляции к матадору, поражению быка, смакование того, как этого быка оттаскивают. Некоторые эксперты считают, что тут есть не «момент истины», а прямая угроза и «признаки состава». Чего именно – пусть домысливают авторы опуса. Кстати, подобные угрозы всегда вызывали во мне прилив бодрости и хорошего настроения. Это общеизвестно. И данный мой ответ свидетельствует о том же.

Особо же мне нравится, когда эти угрозы носят публичный характер. Мне стыдно перед respectableным коллективным гением, но, используя столь притворно нелюбимый им современный сленг, могу сказать, что я от этого «особо тащусь». Причем по очень многим причинам.

4. Подобный стиль полемики возникает только тогда, когда проигрывают интеллектуальную схватку. В политике, в отличие от иных сфер деятельности, более знакомых рассматриваемому коллективному гению, используют не шпаги матадоров, а другие средства.

Этими средствами в КПРФ нынче, похоже, не владеют. И потому люди неуклюже применили бумеранг. Который к ним вернулся, скажем так, «нештатным образом». А в итоге эти люди сами политически «заголились», что называется, «по полной».

Что по этому поводу можно сказать? Только одно: большое спасибо!

Хорошо поставленный опыт всегда позитивен. <...> В конечном счете, условия, в которых проходит эксперимент, – это условия экспериментирования. Этот простой нюанс вносит совершенно новый аспект в научную философию, поскольку он обращает внимание на технические трудности, которые нужно преодолеть, чтобы реализовать теоретически продуманный проект. Изучение реальности действительно что-то дает лишь тогда, когда оно подсказано

попытками реализаций
рационального. Иначе говоря,
если мы задумаемся над
характером научной
деятельности, то обнаружим, что
реализм и рационализм как бы
постоянно обмениваются
советами. По-одиночке ни один,
ни другой из них не могут
представить достаточных с точки
зрения науки свидетельств...

Гастон Башляр

Леонид Фридман

КИТАЙ, РОССИЯ
И США.
РАЗНЫЕ РАСЧЕТЫ –
РАЗНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ¹

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

In the second part of the article the author tallies up results of multiple-path analysis of China's economic development in the 20th century. In fact, ratio of per capita GDP in China and the USA by the end of the century remained what it was in the beginning of the century. All six-to-sevenfold growth of the indicator in China occurred during the last 30 years. The author examines economic dynamics of the Russian empire in the long-term historical hindsight (from the 18th to the early 20th century). Original calculations and estimates add a greater precision to our views of rates of development and scales of Russia's economic growth in 1883–1913. Even in these best years of «Russia we lost» the absolute and even relative gap between values of per capita GDP in Russia and the USA did not decrease but kept to increase. Similar calculations made for the present day reality attest the end of recovery economic growth in Russia which undergoes reforms. By the end of 2006, i.e. 17 years after beginning of economic downturn in the USSR and the profound crisis of transition period value of per capita GDP in Russia again attained the maximum Soviet level of goods and services output.

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2006. №6. Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №06-03-02062а).

Экономический рост КНР и его «цена»

Для того чтобы правильно определить положение той или иной страны относительно других стран, в том числе и наиболее экономически развитой из них – США – в конце XX в., необходимо рассчитать паритеты покупательной способности их валют.

Ранее приводились соответствующие показатели подушевых доходов Китая и США в 1990, 1998 и в 2000 годах. Но даже эти цифры оказались неодинаковыми у разных исследователей, хотя в целом они (если не считать ошибочных показателей по Китаю в майском «Обзоре...» МВФ 2000 г.) колебались незначительно (11–12%).

Но главное заключается в том, что КНР на официальном уровне вообще не принимала участия ни в одном из раундов программы международных сопоставлений. Сотрудники Всемирного банка и МВФ, по-видимому, делали самостоятельные расчеты и оценки паритетов юаня и доллара, привлекая разнообразные и не всегда полностью сопоставимые материалы. Как бы то ни было, в последние десятилетия XX в., равно как и в начале 2000-х годов, расчеты (пусть неофициальные) паритетов валют для Китая и США все же производились различными исследователями и экспертами международных организаций. Однако на протяжении первой половины XX в., насколько нам известно, такие исчисления (по паритетам валют) не осуществлялись не только в Китае, других развивающихся, но и в экономически развитых странах.

Поэтому все данные за тот период, и тем более за предшествующие столетия и даже... тысячелетия, не более чем оценки, рассчитанные следующим образом. Сначала исследователи выбирали базовый год, по которому имелись сравнительно полные и относительно точные данные о показателях ВВП и ВНД по наиболее широкому кругу стран, рассчитанные по ППС их валют. Если до этого проводилось несколько раундов программы международных сопоставлений, то выбирались те количественные характеристики, которые рассматривались как наиболее правдоподобные, причем в большинстве случаев в качестве таковых использовались показатели последнего (ко времени расчета) раунда этой программы. В дальнейшем, чтобы получить цифры за предшествующие годы, десятилетия и столетия, применялся метод, который, по аналогии с экстраполяцией, можно назвать ретрополяцией показателей базового года. С этой целью в основу дальнейших исчислений по каждой стране обычно берутся индексы производства ВВП (ВНД) за изу-

чаемый предшествующий период. По большинству развивающихся стран эти индексы нередко, во-первых, неполны (отсутствуют данные за отдельные годы, а порой – и десятилетия), во-вторых, подсчитаны различными группами экспертов с далеко не одинаковой степенью точности и, в-третьих, с использованием различных методик.

Такова реальность, с которой приходится считаться всем, кто стремится реконструировать не только динамику экономических показателей по отдельным странам, но и построить правдоподобные статистические ряды за длительное историческое время, сопоставляя величины ВВП (ВНП, ВНД) разных стран не по обменным курсам, а по ППС валют. Как уже отмечалось, до 50–70-х годов XX в. такие расчеты вообще не производились по сколько-нибудь широкой программе. Поэтому, «углубляя» в прошлое результаты программ международных сопоставлений 1970–1990-х годов, мы вынужденно распространяем на предшествующие десятилетия (столетия) те соотношения ППС валют изучаемых стран, которые сложились во время проведения последнего или нескольких предыдущих раундов программы международных сопоставлений, относящихся к концу XX столетия.

Между тем в конце 1990-х и начале 2000-х годов эксперты в сфере международных сопоставлений сочли необходимым проведение последовательных раундов этой программы – сначала через каждые 5 лет, а потом даже через 3 года. Это объясняется следующим. Во многих странах (особенно развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки) время от времени уточняются данные о численности их населения, пересматриваются индексы производства ВВП. А главное – меняются отраслевые и иные структуры их экономик, относительные цены на товары и услуги разных секторов производства, а следовательно, и «веса» отдельных компонентов ВВП. При этом все указанные структурные характеристики, относительные цены и удельные веса тех или иных групп товаров и услуг в каждой из стран изменяются с разной скоростью и даже не всегда в одинаковых направлениях. Это особенно сказывается на динамике показателей тех стран, которые переживают периоды качественных, порой революционных изменений, затрагивающих основные социально-экономические структуры и парадигмы их развития.

В связи с этим переход в Китае после победы КПК к «строительству социализма» в 50-х годах и последующие «эксперименты» Мао с «большим скачком» и «великой пролетарской культурной революцией», равно как и глубокие реформы, проводившиеся под руководством Дэн

Сяопина в 80-х и 90-х годах, каждый раз не только отражались (негативно при Мао и позитивно при Дэн Сяопине) на темпах роста ВВП. Они также сопровождались глубокими сдвигами во всех социально-экономических структурах – будь то в антирыночном направлении или, в последние десятилетия, в сторону преобразований рыночного характера. Разумеется, это неизбежно приводило к существенным изменениям многих базисных структурных характеристик экономики КНР, а следовательно, важнейших составляющих ВВП Китая. Поэтому динамика ВВП Китая в эти десятилетия не совпадала с той траекторией развития Китая и США, которая базировалась на соотношении юаня и доллара, рассчитанном по ППС этих валют на 1990 г. Между тем величина «конвертора», т.е. соотношения между реальным (по ППС валют) и официальным обменным курсом юаня и доллара, неизбежно изменялась в этот период. Если бы в предшествующие десятилетия хотя бы через каждые 10–15 лет проводилось нечто вроде раунда по программе международных сопоставлений или осуществлялись бинарные сопоставления экономик (ВВП) Китая и США, то эти изменения могли бы получить количественную оценку. Но такие расчеты не делались, и уже поэтому все построенные в последние годы статистические ряды ВВП Китая и США, рассчитанные А.Мэддисоном или Б.Болотиным, означают своеобразное распространение на прошлое (в том числе и отдаленное прошлое) тех паритетов (и «конверторов»), которые сложились в 80-х и 90-х годах XX столетия. В этом отношении исчисления А.Мэддисона и Б.Болотина отличаются прежде всего тем, какие ППС валют положены в их основу – конца 80-х или 90-х годов. Если бы имелись, например, оценки ППС валют за 60-е годы и они стали бы базовыми, результаты соответствующих сопоставлений получились бы иными, а быть может, – и совершенно иными.

Но этим отнюдь не исчерпывается анализ тех проблем, которые обуславливают неизбежность неточностей и даже накопления ошибок при построении статистических рядов ВВП Китая и США за длительный исторический период, измеренных в долларах (или юанях!) какого-либо года и притом с учетом изменения во времени ППС валют указанных стран. При нынешнем уровне наших знаний и наличии «исходных материалов» полностью преодолеть охарактеризованные ранее трудности, исправить подобные неточности и ошибки попросту невозможно.

Однако дело не только в необходимости получать правдоподобные «конверторы» валют за разные годы и десятилетия. Сами статистические ряды ВВП, и притом не только Китая (что вряд ли может вызвать

удивление), но даже и США за те или иные периоды их экономической истории, оказываются далеко не одинаковыми у разных исследователей. Эти различия особенно отчетливо проявляются при сравнении темпов роста Китая и США в различные периоды их экономической истории. Ниже приводятся соответствующие материалы из публикаций А.Мэддисона и Б.Болотина (см. таблицы №6, 7).

Из всего, о чем уже говорилось, **могут быть сделаны прямо противоположные выводы.** Одни исследователи, принимая во внимание, что не все проблемы соответствующих расчетов решены и не все противоречия преодолены, придут к следующему выводу. При нынешнем уровне наших знаний в принципе невозможно дать четкий ответ на вопрос об изменении положения Китая относительно США за период с начала до конца XX в. Другие эксперты, признавая (и, на мой взгляд, вполне справедливо) почти неизбежную многовариантность едва ли не любых подобных расчетов, постараются выбрать те из вариантов оценок, которые отличаются относительно большей устойчивостью и правдоподобием, бóльшим соответствием всей сумме наших знаний не только о Китае и США, но и о других странах Востока и Запада, а также о глубоких изменениях, происходивших в мировой экономике на протяжении всего XX в.

На первый взгляд может показаться, что это противоречит сказанному раньше – при описании ошибочного выбора А.Мэддисоном того варианта величины ВВП Китая, который соответствовал сложившемуся у него представлению об уровнях развития Китая и Индии. Ведь в дальнейшем ему пришлось пересмотреть не только оценку ВВП Китая, но и изменить это представление. Новая оценка означала, что и в 1913 г., и в 1950-м, и даже, возможно, в первой половине 70-х годов подушевой ВВП Китая был ниже, чем в Индии. В этом случае апелляция к правдоподобию первой оценки ВВП Китая на основе его сравнения с Индией оказалась ложной. Но не потому, что ложен этот критерий как таковой, а потому, что для его применения А.Мэддисон счел достаточным сравнения только с Индией. Но оценки ВВП этой страны по ППС валют не отличались точностью, поскольку к тому времени базировались на результатах отдаленных раундов программы международных сопоставлений: даже в 2000 г. они производились по материалам раунда 1985 г.² Между тем, если бы исследователь одновременно сравнил выбранную им величину ВВП Китая (например, с аналогичной цифрой по США) и

² См.: *World Development Indicators 2000. Washington, 2000. P.366.*

рассчитал возможные результаты экономического роста обеих стран через 5–6 лет (напомним, что книга вышла в свет в 1995 г.³), согласно которым Китай мог якобы перегнать США по размерам ВВП уже в 1999–2000 гг., стала бы очевидной явная завышенность этой оценки для 1990 г. и последующих лет.

Так что дело тут не в самой критерии оценки меры правдоподобия той или иной цифры, полученной по ППС валют, а в мере репрезентативности таких сопоставлений. Во-первых, целесообразно проверять различные оценки ВВП по ППС валют (путем ретрополяции соответствующих данных) не только по нескольким странам с сопоставимыми уровнями развития, но и по более (или, наоборот, менее) развитым странам. Во-вторых, полезно не только ретрополировать, но и экстраполировать эти оценки по сравниваемым странам и, в-третьих, привлекать при таких сравнениях дополнительные индикаторы, характеризующие как собственно экономическую, так и социально-демографическую сферу; как макроэкономические (и макросоциальные), так и структурные показатели. При этом оказываются весьма полезными, например, такие индикаторы, как удельный вес занятых в сельском хозяйстве, доля горожан во всем населении, уровень младенческой смертности, ожидаемая продолжительность предстоящей жизни и т.д. Трудность таких сравнений очевидна: необходимо знание многих стран, и притом не только с позиции современности, но и с учетом исторической перспективы и ретроспективы. И, конечно, выбор правильных вариантов ключевых макроэкономических показателей требует понимания особенностей международной статистики, ее реальных возможностей, а также достоинств и недостатков, в том числе меры однородности или разнотипности публикуемых материалов по десяткам стран. То есть, в конечном счете, определение степени их сопоставимости и во времени, и в пространстве.

Понимая невозможность получения абсолютно точных показателей ВВП и, тем более, их исторических рядов, можно тем не менее достаточно объективно оценивать наиболее близкие к действительности цифры, отражающие сходства и различия между странами мира по ве-

³ Maddison A. *Monitoring World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995 (Далее – М1).

Кроме того, мы используем следующие сокращения:

Б.Б. – Расчеты Бориса Болотина;

М2 – Maddison A. *The World Economy. A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001;

М3 – Maddison A. *The World Economy Historical Statistics*. Paris: OECD, 2003.

личине обобщающих макроэкономических показателей, и притом как в статике, так и в динамике. И если с этой точки зрения подойти к анализу противоречивого массива данных об изменениях экономического потенциала и уровня развития Китая и США на протяжении XX в., то можно сделать ряд важных выводов⁴.

Таблица №6

ВВП Китая и США в 1900–2000 гг. (млрд. долл.)

Годы	Китай			США		
	М1	М2, М3	Б.Б.	М1	М2, М3	Б.Б.
1900	260	218	210	312,9	312	475
1913	300,9	241,34	240	518	517,4	855
1950	335,5	239,9	280	1457,6	1456	2175
1990	3061	2109,4	1950	5464,8	5803	7475
2000	(7925)	4330	4900	(7690)	7942	10000

Таблица №7

Темпы роста ВВП Китая и США (в «разáх»)

Периоды	Китай			США		
	М1	М2, М3	Б.Б.	М1	М2, М3	Б.Б.
1900–1913	1,16	1,11	1,14	1,66	1,66	1,8
1913–1950	1,12	0,99	1,17	2,81	2,81	2,54
1950–1990	9,12	8,79	6,96	3,75	3,99	3,44
1990–2000	2,59	2,05	2,51	1,41	1,4	1,34
1950–2000	23,6	18,05	17,5	5,28	5,56	4,6
1913–1990	10,17	8,74	8,13	10,55	11,22	8,74
1913–2000	26,3	17,94	20,4	14,8	15,6	11,7
1900–2000	30,4	19,9	23,3	24,6	25,5	21,05

⁴ Расчеты А.Мэддисона – в ценах 1990 г.; расчеты Б.Болотина – в ценах 2000 г.

Расчеты ВВП Китая и США в 2000 г. в М1 даны по: IMF World Economic Outlook. May 2000; в М2 и М3 – по публикации А.Мэддисона 2003 г.

Подробнее о М1, М2, М3 и Б.Б. см. примечания к предыдущим таблицам: Россия XXI. 2006. №6. С.79.

Прежде всего, по сравнительно более точным сведениям, охватывающим период с 1913 по 2000 г., ВВП Китая увеличился примерно в 18 (М2 и М3) – 20 раз (Б.Б.), а в расчете на душу населения – соответственно в 6–6,5 раза. Это очень высокие показатели для той страны, где, по приблизительным оценкам А.Мэддисона, с 1500 по 1955 г. (т.е. на протяжении 455 лет) подушевой ВВП (в ценах 1990 г. и по ППС валют) не превышал 600 долларов. Если же учесть, что еще в 1950 г. он был, возможно, примерно таким же, как... за 1950 лет до этого (!), **то становится очевидным, что все его шестикратное увеличение приходится на вторую половину** (а точнее, по-видимому, на последние 45 лет) **XX столетия**. Это значит, что в 1955–2000 гг. ВВП Китая в среднем ежегодно увеличивался округленно на 6–7%, а в расчете на душу населения – примерно на 4–4,5%.

Что же касается первой половины прошедшего столетия, то в этот период весь валовой продукт Китая сначала, на протяжении первых трех с половиной десятилетий, медленно (с попятными движениями) увеличивался, а в дальнейшем, на протяжении последующих двух десятилетий, отмеченных японской оккупацией и гражданской войной, неуклонно снижался. В итоге к 1950 г. он оказался либо равен, либо оставался даже ниже уровня 1913 г. По расчету Болотина валовой продукт Китая в 1950 г. был все же выше, чем в 1913 г., но это представляется менее вероятным. Что же касается душевых показателей, то они в 1950 г. оставались, с еще большей вероятностью, ниже уровня 1913 г.

По нашей оценке на протяжении всего XX столетия ВВП Китая увеличился в 21–22 раза, а в расчете на душу населения – в 6–8 раз. Дальнейшие уточнения этих цифр, на наш взгляд, вряд ли станут возможными в ближайшие годы. Более того, подобный разброс показателей, который считался бы недопустимым для развитых стран, практически неизбежен, когда речь идет о Китае (КНР), который, напомним, никогда официально не участвовал в программе международных экономических сопоставлений.

До сих пор речь шла об относительных показателях, характеризовавших нарастание разрыва в уровне развития Китая и США. Как видно из таблицы №7, в последние 25–30 лет темпы роста душевых показателей ВВП в Китае были значительно выше, чем в США. Это означает, что разрыв в уровнях экономического развития двух стран, выраженный относительными величинами, начал сокращаться. Однако не менее важное значение имеет динамика другого индикатора, выражающего величину этого разрыва в абсолютных величинах, и здесь положение оказывается совершенно иным.

Из данных таблицы №5⁵ следует, что подушевой ВВП США превзошел аналогичный показатель в Китае, по-видимому, не ранее, чем в первой половине XVIII в. К 1820 г. он превышал аналогичный показатель в Китае на 650 долл. (в ценах 1990 г.). Через 50 лет (т.е. в 1870 г.) величина этого абсолютного разрыва возросла примерно до 1900 долл., в 1913 г. достигла уже около 4750 долл., а в середине XX столетия оказалась равной более чем 9000 долл. К 1978 году, т.е. на рубеже, ознаменовавшем начало глубоких реформ в КНР, соответствующая цифра достигла почти 17,4 тыс. долл. **Наконец в 2000 г., т.е. уже после того, как на протяжении предшествующих 20–25 лет темпы роста ВВП в Китае в подушевом выражении значительно превосходили величину аналогичного индикатора в США, абсолютный разрыв подушевых ВВП этих двух стран, тем не менее вновь увеличился и составил уже около 30200 долл.** Таким образом, в отличие от индикаторов, показывающих относительную величину разрыва в уровнях развития Китая и США, которые начали сокращаться в последние десятилетия XX в., абсолютный разрыв между подушевыми ВВП этих двух стран продолжал увеличиваться. Более того, можно ожидать сохранения этой тенденции еще на протяжении 10–15 лет.

До сих пор наш анализ сравнительной динамики экономического роста Китая, США (отчасти – Индии) имел целью получение возможно более точных цифр о реальных темпах роста всего и подушевого ВВП в этих странах. Однако целесообразно попытаться, лишь в первом приближении, ответить на вопрос о том, какова была «цена развития» КНР в дореформенный период и особенно в годы «большого скачка» и «великой пролетарской культурной революции». Автор отдает себе отчет в том, что этой теме посвящены многие специальные исследования, подробный анализ содержания которых выходит далеко за рамки настоящей работы.

Необходимо отметить, что траектория экономического и демографического развития КНР в 1950–1970-х годах изменялась не только неравномерно, но порою даже в противоположных направлениях. Как видно из цифр, приведенных в таблице №8, годовые изменения ВВП в 1959–1969 гг. отличались, во-первых, крайней неравномерностью и, во-вторых, разнонаправленностью движения: периоды быстрого роста сменялись резким спадом производства. Так, с 1959 по 1962 г. валовая продукция товаров и услуг снизилась округленно почти на 21%; затем всего за 4 года ВВП увеличился примерно в полтора раза, хотя и в

⁵ См.: *Россия XXI. 2006. №6. С. 85.*

1966 г. он превышал уровень 1959 г. лишь на 19%. Таковы были конечные результаты так называемого «большого скачка». Если после 7 лет его величина превышала исходный уровень менее чем на 20%, то условная среднегодовая характеристика темпов роста за этот период составляла бы 2,5%. В действительности же, как мы видели, на протяжении 5 лет уровень ВВП все еще оставался ниже показателя 1959 г. В дальнейшем, после начала «культурной революции», в течение двух лет (1967–1968) объем ВВП не только не увеличивался, а, в конечном счете, снизился более чем на 5%. После двухгодичного кризиса неуклонный и быстрый рост этого показателя прерывался лишь дважды (в 1976 г., а впоследствии – в 1989 г.), и причины в обоих случаях оказывались не столько экономическими, сколько политическими.

Таблица №8⁶

Данные о ВВП КНР в годовом выражении (в долл., в ценах 1990 г.)

Годы	ВВП (млрд. долл.)	Подушевой ВВП (долл.)
1959	464	697
1960	449	673
1961	368	557
1962	368	553
1963	403	592
1964	452	648
1965	505	706
1966	554	753
1967	537	712
1968	525	678
1969	575	722
1970	641	783
1971	672	799
1972	691	802
1973	740	839
1974	752	836
1975	800	874
1976	793	852

⁶ Источник: МЗ. С.174, 184.

Аналогичные изменения оказались характерны и для душевого ВВП. С 1959 по 1962 г. он также сократился почти на 21%, причем уровень 1959 г. был восстановлен и лишь незначительно превышен только в 1965 г. Иначе говоря, этот важнейший показатель оставался ниже или на уровне 1959 г. на протяжении 6 лет, т.е. с 1960 по 1965 г. Позднее, в период наибольшего обострения противоречий культурной революции, с 1966 по 1968 г., душевой ВВП в Китае вновь сократился на 10%. В дальнейшем его сравнительно быстрый рост прерывался в 1972, 1974 и 1976 гг., а в 1989 г. этот показатель практически не изменился по сравнению с предшествующим годом.

Сопоставление всех этих цифр позволяет, хотя бы в первом, самом грубом, приближении, представить себе примерную величину экономических потерь Китая, понесенных страной в результате политики «председателя Мао» и ожесточенной борьбы вокруг путей развития страны, происходившей на протяжении многих лет между различными фракциями высшего партийно-государственного руководства КНР. Но это только часть той «цены», которую пришлось заплатить народу Китая за экономические, социально-политические и идеологические «эксперименты», проводившиеся во второй половине 50-х, на протяжении 60-х и в первой половине 70-х годов.

Некоторое представление о масштабе «демографических потерь» КНР дает анализ данных о динамике численности ее населения. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что даже во время войны с Японией, как показывают оценочные данные, население Китая увеличивалось ежегодно на 2–3 млн. чел. В дальнейшем, и особенно начиная с 1950 г., темпы роста его численности существенно возросли, и вплоть до 1959 г. население увеличивалось в среднем за год на 11–13 млн. чел. (а в 1957 г. – даже на 16 млн. чел.). Однако в результате «большого скачка» в течение трех лет не только на 21% сократился весь объем ВВП, но, ввиду особенно тяжелого положения в сельском хозяйстве⁷, чрезвычайно обострилась продовольственная проблема. Страну поразил голод, унесший миллионы жизней крестьян и горожан и повлекший за собой не только увеличение смертности, но и падение рождаемости. В итоге динамика численности населения Китая радикально изменилась, как об этом свидетельствуют следующие данные.

⁷ Где «председатель Мао», стремясь «обогнать СССР», приказал непосредственно перейти к созданию коммун с их абсолютной уравниловкой и едва ли не полной милитаризацией производства, жизни и быта крестьян,

Погодовая динамика численности населения в Китае

Годы	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Численность населения Китая (млн. чел.)	653	666	667	660	665	682	698

Внимательное изучение этих цифр свидетельствует, что и до и после массового голода население Китая увеличивалось на 13–16 млн. чел.; но в 1960 г. оно возросло только на 1 млн. чел.; в 1961 г. (быть может, впервые на протяжении XX в.) вообще сократилось на 7 млн. чел.; а в 1962 г. увеличилось, но «лишь» на 5 млн. чел. Только с 1963 г. данные о темпах роста и масштабах увеличения численности населения в стране нормализуются, и в дальнейшем демографическая ситуация уже не испытывала столь сильных потрясений. Можно попытаться определить примерную величину общих демографических потерь страны в эти годы следующим образом. Если считать, что при более или менее нормальных условиях, т.е. при отсутствии голода, население Китая продолжало бы увеличиваться, по крайней мере, на 13 млн. чел. в год, то в 1962 г. его минимальная численность достигла бы примерно 705 млн. чел., тогда как в действительности оценка на этот год не превышает 666 млн. чел. Таким образом, общие демографические потери страны за три голодных года (т.е. цифра, суммирующая число умерших «сверх нормального» и родившихся ниже «нормального» уровня) составили, по крайней мере, 39 млн. чел. Что же касается потерь населения в результате общего ухудшения условий жизни и быта в эти страшные голодные и полуголодные годы, то их суммарная экономическая оценка вообще вряд ли поддается измерению.

Думается, что любое сравнение результатов экономического развития Китая с другими странами (и притом не только с США, но и, например, с Индией) в 60-х и 70-х годах прошлого столетия вряд ли может дать правильный ответ без учета той «цены развития», которая (пусть далеко не полностью) нашла отражение в демографических потерях КНР.

Развернутый анализ этой проблемы потребует дополнительных исследований, привлечения новых материалов, относящихся не только к

⁸ Источник: МЗ. С.164.

сфере демографии, но и охватывающих многие стороны жизни и быта населения КНР в эти десятилетия. Это выходит далеко за рамки нашей работы, но сама постановка вопроса о необходимости комплексного подхода к оценке экономического роста такой страны, как Китай, представляется не только закономерной, но и необходимой.

**Экономический рост
в России в длительной
исторической ретроспективе
(XVIII – начало XX в.)**

Нам остается рассмотреть некоторые индикаторы экономического роста России в длительной исторической ретроспективе. В таблице №5⁹ приведены соответствующие данные, рассчитанные А.Мэддисоном и охватывающие... два тысячелетия

нашей эры. Конечно, все цифры, относящиеся к первому тысячелетию, а также к 1500 и 1600 годам, не более чем грубые оценки, основанные, главным образом, на косвенных данных. В связи с этим все данные, характеризующие уровень подушевого ВВП в России не только в 1600, но также и в 1700, 1820 годах, да и в последующие десятилетия (хотя они приводятся в этой таблице с «точностью» до 1 доллара в ценах 1990 г.) также не могут рассматриваться как результаты достаточно точных расчетов и носят скорее условный характер. В действительности они показывают лишь примерный порядок соответствующих величин, и будут рассматриваться нами в качестве таковых. На протяжении всего XVIII и начала XIX в. усредненные данные о погодовой динамике подушевого ВВП России не превышали 0,1%, тогда как в наиболее быстро развивавшихся в то время Великобритании и Нидерландах они колебались, по-видимому, в пределах 0,27–0,28%, а средний показатель по странам Западной Европы достигал, возможно, 0,14–0,15%. Эти кажущиеся не слишком значительными различия в темпах экономического роста, постепенно накапливаясь на протяжении более 200 лет, в конечном счете, приводили к увеличению дистанции, разделявшей Россию и более быстро развивавшиеся страны Западной Европы на шкале экономического развития.

Подобная динамика, пожалуй, наиболее наглядно проявляется при сопоставлении подушевого ВВП России и Великобритании. Если в 1600 г. соответствующий показатель в России был меньше примерно в 1,75 раза, то через 100 лет – уже в 2, а в 1820 г. достиг почти 2,5 раз. Таковы были результаты промышленной революции, которая началась в

⁹ См.: Россия XXI. 2006. №6. С.85.

Великобритании во второй половине XVIII в. (и которой, в свою очередь, предшествовали глубокие перемены в аграрном строе страны), постепенно охватывая все новые и новые отрасли машинного производства. Конечно, и в России, пусть с опозданием и в меньших масштабах, также появлялись сотни мануфактур, строились первые предприятия, оснащенные паровыми двигателями и станочным оборудованием, ввезенным из Великобритании и других стран Западной Европы. Однако масштабы «фабричного» производства (в подушечном выражении) чугуна, тканей и т.п. были в 2–3 раза меньше, чем в Англии. Что же касается сельского хозяйства, где в этот период было занято не менее, а быть может и более, 90% всего экономически активного населения России, то такой важнейший показатель, как урожайность зерновых, испытывал постоянные колебания, но при этом оставался на крайне низком уровне, не превышая «сам–3,5», «сам–3,6», т.е. оставался гораздо ниже уровня, достигнутого в странах Западной и Южной Европы.

Отсутствие сколько-нибудь существенного прогресса в земледелии и животноводстве было связано, в первую очередь, с господством крепостнических порядков, сохранявшихся в России на протяжении не только всего XVIII в., но и вплоть до 1861 года. Именно экстенсивный характер развития сельского хозяйства, при котором темп роста производства почти не отличался от динамики численности населения, в конечном счете, определял низкие темпы всего экономического роста. В сущности, даже то незначительное увеличение подушевых показателей ВВП, о котором шла речь выше, было достигнуто благодаря сравнительно быстрому развитию мануфактурных отраслей промышленности, связанных с производством железа, выработкой шерстяных, льняных, а впоследствии и хлопчатобумажных тканей, а также с расширением посевов технических культур в земледелии. Но эти отрасли и производства даже во второй половине XVIII и начале XIX в. составляли сравнительно небольшую часть всего ВВП; по оценке В.А.Мельянцева, их удельный вес не превышал 3–5%¹⁰.

В таблице №5, составленной на основе данных А.Мэддисона, период 1820–1870 гг. показывает существенное повышение темпов роста поду-

¹⁰ См. об этом подробнее: Мельянец В.А. *Россия, крупные страны Востока и Запада: контуры долговременного экономического развития // Россия и окружающий мир: контуры развития*. М., 1996. С.119–122. *Об урожайности зерновых см.: Милов Л.В. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН, 2001. С.189; Растяпников В.Г., Дерюгина И.В. *Об урожайности хлебов в России: 1795–2002 гг. // Вопросы статистики*. М., 2004. №5. С.47,48, 52, 53.*

шевого ВВП в России: с 0,1% до 0,63%. Между тем, по расчетам и оценкам В.А.Мельянцева, первые шесть десятилетий XIX столетия в России, несмотря на немалый прогресс в отраслях ценовой промышленности (т.е. на мануфактурах, фабриках и заводах), подушевой ВВП, по существу, стагнировал ввиду крайне низких показателей сельскохозяйственного производства, остававшихся ниже темпов роста численности населения.

На первый взгляд, этот вывод может показаться не слишком убедительным. Ведь за указанный период производство хлопчатобумажных тканей увеличилось более чем в 50 раз, шерстяных – в 2,5–2,7 раза, а сахара – даже в 3,4–3,6 раза. Немалое значение имел рост городов, расширение сферы образования, в результате чего доля грамотных увеличилась с 4–6% в начале XIX века до 13–15% в середине столетия. Однако нельзя не принять во внимание, что при увеличении численности населения империи примерно вдвое выплавка чугуна, например, выросла лишь в 1,8 раза, а выпуск льняных тканей вообще сократился... В целом, на наш взгляд, можно полагать, что среднегодовые темпы роста ВВП все же возросли, но не до 0,63%, как считает А.Мэддисон¹¹, а составили, максимум, около 0,3%. Если эта оценка верна, то в 1860–1870 гг. подушевой ВВП не превышал 800–850 долл., т.е. был примерно на 100–150 долл. ниже оценки А.Мэддисона, относящейся к 1870 г.

Дело в том, что освобождение крестьянства от крепостной зависимости (при всей ограниченности и недостатках соответствующих законов), с точки зрения широкой исторической перспективы, конечно, открывало дорогу и создавало необходимые предпосылки к ускорению темпов роста на основе индустриализации, а также развития экономической и социальной инфраструктуры. Однако первое (да и второе) пореформенное десятилетие (1861–1871) оказалось не слишком благоприятным в экономическом отношении – как для сельского хозяйства, так и для ряда отраслей промышленности, базировавшихся ранее, в той или иной степени, на труде зависимых работников. Вот почему данные о подушевом ВВП в 1861 и в 1871 гг. почти не изменились.

Между тем в 1820–1870 гг. промышленная революция в странах континентальной Европы привела к резкому ускорению темпов экономического роста, которые (в подушевом выражении) увеличились по

¹¹ Ускорение динамики этого важнейшего показателя более чем в 6 раз представляется преувеличением. Оно не отражает глубокой противоречивости процессов социально-экономического развития в условиях сохранения крепостнических порядков.

сравнению с предыдущим периодом более чем в 7 раз (в США – примерно в 4 раза). Именно такое «взрывное» ускорение экономического развития отражало все более широкое распространение машинного производства в промышленности и постепенный переход к интенсивным методам развития в сельском хозяйстве. Если придерживаться оценок А.Мэддисона, то это будет означать следующее. Темпы роста подушевого ВВП в капиталистической и быстро индустриализирующейся Западной Европе в указанный период были лишь на 50–60% выше, чем в крепостнической России¹². Думается, что наша оценка годовых темпов роста в России (0,3%), которая оказывается в 3–3,5 раза ниже, чем в Западной Европе, и примерно в 4,5 раза ниже, чем в США, в целом правильно отражает реальный разрыв в темпах роста России и ведущих стран Запада.

Переходя к анализу итогов экономического развития России за весь пореформенный период (с 1870 по 1913 г.) и обращаясь к соответствующим данным, помещенным в таблице №5, отметим, что подушевой ВВП России увеличился за эти 43 года с 943 до 1488 долл., т.е. примерно на 58%. Однако, как показано нами в другой работе¹³, эта последняя цифра представляется явно преувеличенной. Ведь в 1913 г. подушевой ВВП России, по наиболее реалистичным оценкам, вряд ли превышал 24–25% от аналогичного показателя в США. Следовательно, к началу Первой мировой войны он мог достигать примерно 1270–1330 долл.

Что же касается 1870 г., то приведенная выше наша оценка, напомним, не превышала 800–850 долл. Таким образом, за указанные 43 года подушевой ВВП России увеличился округленно на 50–60%, что дает в итоге ежегодный прирост в размере 0,95–1,1%. Сравнение этих цифр с аналогичными данными по странам Запада показывает следующее. За тот же период средний показатель по 12 странам Западной Европы составил 1,33%, во Франции – 1,45%, в Германии – 1,61%, в Италии – 1,26% и, наконец, в США – 1,82%¹⁴. Таким образом, за весь период после отмены крепостного права и до Первой мировой войны средние годовые темпы экономического роста в России, хотя и возросли примерно в 3 раза, все же оставались на 30–40 процентных пунктов ниже,

¹² Напомним, что разница в темпах роста России и континентальной Европы в XVIII в. достигала 40–50%.

¹³ Фридман Л. *Россия в окружающем мире. М.: Академия гуманитарных исследований. 2005. С. 39–40.*

¹⁴ МЗ. С.263.

чем в ведущих странах Западной Европы¹⁵, и на 80–85 процентных пунктов ниже, чем в США. Иначе говоря, **исторически сложившийся разрыв в уровнях экономического развития России и стран Запада, даже в период ускорения экономического роста России, продолжал увеличиваться.**

Однако подобное сравнение, будучи формально вполне корректным, все же очевидно недостаточно, ибо не учитывает того, что первые два послереформенных десятилетия характеризовались таким повышением темпов экономического роста, которые оставались существенно ниже показателей, достигнутых в последующий период, – начиная с середины или конца 80-х годов.

В дальнейшем, по мнению ряда исследователей, среди которых выделяется американский экономист с российскими корнями П.Грегори¹⁶, автор первого и пока единственного обобщающего труда о национальном доходе России 1885–1913 гг., Россия вступила в период современного (в полном смысле этого слова) экономического роста. Но если цифры за 1913 г. содержатся и в работе А.Мэддисона, и в указанном труде П.Грегори, то данные за 1885 г. по России в книге А.Мэддисона отсутствуют. Поэтому нам придется рассчитать примерную величину подушевого ВВП России на 1885 год. С этой целью можно воспользоваться материалами П.Грегори, который, насколько нам известно, во всех своих расчетах получал наивысшие показатели годового роста ВВП России за период с 1885 по 1913 г. Он счел возможным оценить темпы роста подушевого ВВП на протяжении первых двух с половиной десятилетий после отмены крепостного права примерно в 0,7%, а за период с 1885 по 1913 г. – в 1,65%. Вместе с тем П.Грегори указывает, что за этот же период существует и иная, гораздо более низкая оценка, равная 1,15%; этой оценки придерживался Р.Голдсмит.

Если оставить без изменений общие данные за 1861–1913 гг., то становится очевидным следующее. Некоторое снижение показателя за первые 25 лет после отмены крепостного права (с 0,7% до 0,6%) приведет к соответствующему повышению искомой цифры за 1885–1913 гг. Основываясь на нашей оценке подушевого ВВП России в 1870 г., равной 800–850 долл., и принимая темпы роста за последующие 15 лет равными 0,6% в год¹⁷, мы получим для 1885 г. минимальный показатель,

¹⁵ За исключением Великобритании, где они находились почти на том же уровне.

¹⁶ Gregory P. *Russian National Income 1885–1913*. NY: Cambridge University Press, 1982.

¹⁷ Имеется в виду удвоение этих темпов по сравнению с предыдущим периодом.

равный 850 долл., а максимальный – 927 долл.. Если теперь рассчитать темпы роста подушевого ВВП за период с 1885 по 1913 г., то окажется, что максимальная оценка (1320 : 875) даст прирост в 51%, а минимальная (1320 : 927) – соответственно в 42%. Эти цифры можно сравнить с аналогичными показателями по крупным странам Запада. Расчеты показывают: за 28 лет, предшествовавших Первой мировой войне и охвативших период наиболее быстрого экономического роста России, увеличение подушевого ВВП в США составило 70–71%, во Франции – 58%, в Германии – 65%, в Италии – 62% и, наконец, усредненная цифра по 12 странам Западной Европы показывает рост на 52%¹⁸.

Поскольку многие из этих показателей не могут рассматриваться как абсолютно точные, то первый вывод из приведенных цифр заключается в том, что темпы роста подушевого ВВП России находились, по видимому, на уровне среднегодовых показателей по 12 странам Западной Европы. Величина аналогичного индикатора в США была значительно выше, а в Великобритании, наоборот, значительно ниже, чем в России. Что же касается Франции, Германии и Италии, то темп роста ВВП России в среднем за этот период был, возможно, несколько ниже или же (в случае, если наша оценка незначительно занижена) примерно равен показателям по этим странам. Правда, наши цифры (среднегодовой рост подушевого ВВП в 1885–1913 гг. на 1,5%) оказываются несколько ниже, чем у П.Грегори, но эта разница невелика. Полученная нами оценка вполне соответствует результатам расчетов В.А.Мельянцева, который полагал: в конце XIX – начале XX в. «среднегодовой темп прироста подушевого ВВП оказался достаточно высоким – 1,4–1,6%, что в целом соответствовало средним показателям по странам Запада и Японии в период их "промышленного рывка"»¹⁹.

Таковы общие итоги сравнения основных макроэкономических показателей, рассчитанных на душу населения в России и странах Запада. Они свидетельствуют, что выводы из этих сопоставлений существенно меняются в зависимости от продолжительности периода экономического развития стран, охваченных соответствующими расчетами. Практически все исследователи соглашались с тем, что за весь период с 1861 по 1913 г. или же с 1870 по 1913 г. (эти данные содержатся в работах А.Мэддисона) темпы экономического роста в России были существенно ниже, чем в странах Западной Европы и США.

¹⁸ *Посчитано по: МЗ. С.87–88, 60–61.*

¹⁹ *См.: Россия и окружающий мир: контуры развития. С.130.*

Этот общий вывод объясняется тем, что первые 20–25 пореформенных лет оказались не слишком благоприятными для России, хотя темпы ее экономического роста даже в эти годы увеличились, возможно, вдвое. Что же касается последующих 28 лет (1885–1913), то почти все согласны с тем, что и в этот период темпы экономического роста США были значительно выше, чем в России²⁰. Но в странах Западной Европы они существенно различались: в Великобритании, Нидерландах или Бельгии (не говоря уже о Португалии) соответствующие показатели оказались гораздо ниже, а в Германии, Франции, Швейцарии и Швеции, напротив, выше, чем в России. Если говорить о странах Азии, то здесь на первый план вышла Япония, обогнавшая по темпам роста Россию, тогда как в Китае, Индии и других странах аналогичные показатели были гораздо ниже.

Однако в России, несмотря на быстрый прогресс индустриализации, именно сельское хозяйство продолжало вносить наибольший вклад в создание ВВП: оно обеспечивало от 50 до 60% величины этого показателя. Между тем в научной литературе, и тем более в публицистике, продолжают споры относительно ситуации в этом ключевом секторе экономики того времени. На протяжении многих десятилетий и в СССР, и в странах Запада получил широкое распространение тезис о том, что с 1870-х годов до начала XX века в стране наблюдался, а временами резко обострялся аграрный кризис, который и послужил одной из причин революций 1905 г., а затем и 1917 г.

Важнейшими признаками этого кризиса считалось снижение уровня потребления основной массы крестьянства в последней четверти XIX в., которое приводило временами к голоду в некоторых зернопотребляющих губерниях центрального региона страны. Многие исследователи подробно охарактеризовали показатели крестьянского малоземелья, налоговый гнет, тяжесть выкупных платежей и другие существенные факторы, обусловившие углубление аграрного кризиса и препятствовавшие, в конечном счете, росту сельскохозяйственного производства. Особое значение в связи с этим придавалось сохранению крестьянской общины, которая выполняла полицейские и налоговые функции и препятствовала повышению производительности

²⁰ Пожалуй, единственным исключением являются расчеты известного специалиста в области мировой экономической истории П.Байроха. Он полагал, что в 1890–1913 гг. подушевой ВВП России увеличивался ежегодно в среднем на 2,1%, а в США – только на 1,9% (См. об этом: *Bairoch P. Economics and World History. Hempstead, 1993. P. 8*).

труда: более или менее регулярные переделы общинной земли отнюдь не поощряли стремление наиболее «крепких» крестьянских семей вносить улучшения в обработку их наделов. Таким образом, уравнительная практика землепользования и коллективная ответственность за выплату налогов, отсутствие у подавляющего большинства крестьян земли, которой они могли бы распоряжаться на правах частной собственности, – все эти и иные аналогичные факторы, по мнению большинства исследователей, блокировали процесс интенсификации земледелия, создавали препятствия на пути повышения производительности труда и приводили к ухудшению условий жизни большинства крестьянского населения. Было бы неправильно и даже бессмысленно отрицать эти факты, тенденции и закономерности: они не были выдуманы советской идеологизированной наукой и действительно во многом объясняют, во-первых, массовые крестьянские антипомещичьи выступления 1905–1906 гг. и, во-вторых, проведение аграрной реформы, провозглашенной в конце 1906 г. и получившей впоследствии название столыпинской²¹.

Вместе с тем в научной литературе признается, что темпы роста сельскохозяйственной продукции, оставаясь низкими в 60–70-х и 80-х годах, в дальнейшем обнаружили отчетливую тенденцию к повышению, которая особенно явственно проявилась после 1906 г., т.е. в период осуществления столыпинской реформы. Если попытаться свести воедино имеющиеся данные о росте сельскохозяйственного производства и потребления крестьян в 1885–1913 гг., то окажется, что за этот период при росте населения несколько менее чем в 1,5 раза, «чистые» урожаи пшеницы увеличились в 6 раз, ржи – в 1,5 раза, ячменя – почти в 10 раз, картофеля – в 4 раза. В целом, быть может, впервые в истории России XVIII – начала XX в. индикаторы увеличения продукции земледелия и животноводства на протяжении 25–30 лет обгоняли темпы роста численности населения. С 1885 по 1913 г. индекс производства сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения, при всех его колебаниях, а временами и попятных движениях, увеличивался в среднем на 1–1,3% в год.

²¹ *О положении в сельском хозяйстве, двух крестьянских реформах (1861 и 1907 гг.), а также о некоторых итогах развития сельскохозяйственного производства в России см. подробнее, например: Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Кн.1. На рубеже двух столетий. М., 1999. С.19–77.*

Можно констатировать, что, наряду с продолжавшимся расширением площади запашки новых плодородных земель на Юге и Востоке страны, в зерновом производстве, которое по-прежнему концентрировалось от 3/4 до 4/5 всей площади посевов, впервые(!) выросли средние индикаторы урожайности. Конечно, земледелие в России, как и раньше, зависело от колебания погодных условий, и урожайные годы сменялись годами недорода. Но, если усреднить показатели урожайности по пятилетиям, то станет очевидным, что они возросли в 1,7–2 раза, достигнув в конце этого периода 6–8 центнеров с гектара. И, хотя общее увеличение сельскохозяйственной продукции примерно на 2/3 объяснялось экстенсивными факторами, повышение урожайности и аналогичных индикаторов в животноводстве (т.е. интенсификация производственных процессов) обуславливали оставшуюся 1/3 валового прироста стоимости сельскохозяйственного производства.

Однако нельзя не признать, во-первых, что значительная часть этой увеличивавшейся продукции производилась в помещичьих хозяйствах и хозяйствах «крепких» крестьян и, во-вторых, что известная доля доходов от продажи урожая, выращенного основной массой крестьянства, шла на выплату налогов, выкупных платежей, арендной платы помещикам и т.п. Поэтому особый интерес представляют сведения о стоимости сельскохозяйственной продукции, не поступавшей на рынок, т.е. оставшейся в распоряжении крестьян и потреблявшейся ими. Стоимость этой продукции увеличилась за период с 1885 по 1913 г. (в ценах 1913 г.) с 624 до 1396 млн. руб., или более чем вдвое. Казалось бы, эти цифры свидетельствуют о несомненном улучшении питания крестьянства, численность которого, с учетом роста удельного веса городского населения, возросла даже менее чем в 1,5 раза.

Но эти обобщенные и усредненные данные скрывают крайнюю неравномерность динамики потребления крестьянами сельскохозяйственной продукции. Так, например, в 1886, 1889 и 1891 голодных годах уровень потребления крестьян не только оставался ниже, чем в 1885 г., но в отдельные годы снижался на 10–16%. Да и впоследствии не раз (в 1897, 1901, 1903, 1905, 1906 и 1907 гг.) уровень потребления крестьян снижался по сравнению с предшествующими годами. По существу, более или менее устойчивый рост крестьянского потребления наблюдался в 1908–1913 гг.²². Таким образом, аграрная динамика в России

²² См. об этом: Грегори П. *Экономический рост Российской империи (Конец XIX – начало XX в.)*. Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С.126–129, 138. См. также: Gregory P.R. *An*

оставалась крайне неустойчивой, что неизбежно сказывалось на темпах промышленного развития и изменении общих макроэкономических показателей.

Приведенные цифры и факты свидетельствуют, что, по крайней мере, применительно к таким странам, как Россия конца XIX – начала XX в., было бы неправильно ограничиваться лишь приведением усредненных показателей, охватывающих достаточно длительный исторический период. Ведь для оценки социальных последствий конечных экономических результатов надо принимать во внимание не только цифры начального и завершающего года, но и учитывать резкие колебания от года к году таких важнейших характеристик, как, например, динамика урожаев, натуральное и денежное потребление крестьян и других слоев населения и т.п. На наш взгляд, приведенные данные о резких, в том числе понижательных, колебаниях этих показателей в 80-х, 90-х и начале 900-х годов во многом помогают понять причины если не всеобщего, постоянного и углубляющегося аграрного кризиса на всей территории страны (такого кризиса, видимо, все же не было), то некоторые из существенных причин, во многом обусловивших революцию 1905 г. и ставшую объективной неизбежностью аграрную реформу 1906 и последующих годов.

Если теперь перейти от изучения первичного сектора экономики к динамике промышленного производства, экономической и социальной инфраструктуры, то окажется, что именно эти отрасли и группы отраслей народного хозяйства России развивались особенно быстро и в конечном счете способствовали повышению ежегодных темпов прироста подушевого ВВП до 1,4–1,6% (напомним, что в сельскохозяйственном производстве аналогичный индикатор не превышал 1–1,3% в год). И действительно, среднегодовые темпы прироста промышленного производства колебались в этот период от 3,5–4 до 5,5%, причем наиболее высокие показатели были достигнуты не в конце, а в начале всего изучаемого периода. И, хотя на первом этапе индустриализации именно легкая, особенно текстильная, промышленность продолжала концентрировать наибольшую часть производства и занятости, в 1900–1913 гг. на первый план выходят уже отрасли, не связанные напрямую с обработкой сельскохозяйственной продукции.

Речь идет о добыче угля, нефти, руд черных, цветных и драгоценных металлов (золота), о развитии металлургической, химической, электротехнической и в целом машиностроительной промышленности. В этих отраслях темпы увеличения производства были, во-первых, выше «среднепромышленных», достигая 7–8%, и, во-вторых, отличались сравнительно большей устойчивостью, ибо непосредственно не зависели от колебаний сельскохозяйственного производства. Разумеется, спрос на эту продукцию, в конечном счете, косвенно был связан с динамикой покупательной способности и сельского населения. Однако особую роль в его динамике играло развитие экономической инфраструктуры, а в конкретных условиях России конца XIX – начала XX в. – массовое железнодорожное строительство, в результате которого за 50–60 лет было сооружено около 74 тыс. км железнодорожных путей. Именно железные дороги стали в тот период важнейшим фактором формирования единого национального рынка, способствовали расширению, ускорению и удешевлению не только транспортировки товаров, но и всего хозяйственного оборота, что, в свою очередь, придавало дополнительный импульс процессу современного экономического роста.

Параллельно с собственно экономической развивалась и социальная инфраструктура. Так, государственные расходы на нужды образования и здравоохранения (а в начале 1900-х годов к ним прибавились и расходы на науку) возросли с середины 80-х годов XIX века до 1910–1913 гг. примерно в 2–3 раза и достигли к началу Первой мировой войны почти 2% ВВП. И, хотя даже к этому времени примерно 2/3 населения империи были по-прежнему неграмотными, расширение сети школ и увеличение числа учащихся способствовали постоянному повышению удельного веса лиц (в первую очередь мальчиков, подростков и взрослых мужчин), умеющих читать и писать. Именно поэтому накануне войны уже две трети армейских рекрутов в той или иной степени обладали навыками чтения и письма. Тем не менее следует помнить и о том, что такие показатели грамотности были характерны для стран Западной Европы XVII–XVIII вв.

Наряду с увеличением числа школ, гимназий и училищ, в городах, поселках и даже в крупных сельских поселениях появлялись новые больницы и фельдшерские пункты, расширялась система государственного и земского здравоохранения. Однако, несмотря на несомненные подвижки в этой важнейшей «отрасли» социальной инфраструктуры, в основных районах Российской империи продолжал сохра-

няться исключительно высокий уровень младенческой смертности, и даже в 1913 г. около 250–270 из каждой тысячи родившихся детей умирали, не прожив и года. По этому важнейшему индикатору социального развития Россия не отличалась сколько-нибудь существенно от таких колониальных и зависимых стран того времени, как Индия, Египет или Китай.

Подводя итог, можно констатировать, что общий процесс социально-экономического развития страны в конце XIX – начале XX столетия характеризовался глубокой противоречивостью. Если по темпам экономического роста, а отчасти и по масштабам индустриального производства в этот период Россия не отличалась, так сказать, качественно от стран Западной Европы, то в сфере образования и здравоохранения, несмотря на очевидное продвижение вперед, ее отставание от этих стран и США оказалось особенно значительным. Если применить здесь временной масштаб, то приходится признать, что отставание по конечным результатам развития систем образования и здравоохранения, т.е., например, по удельному весу грамотных или уровню младенческой смертности, достигало 150 и даже 200 лет.

В конце XX в. эксперты ООН пришли к выводу о том, что для классификации стран по уровню социально-экономического развития недостаточно применять только один, пусть даже такой обобщающий, интегрирующий показатель, как ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности валют. С этой целью было предложено включить в процесс межстрановых сопоставлений некоторые социальные индикаторы, такие как, например, ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования населения. Полученный в результате комплексный показатель получил название «индекс человеческого развития» или «индекс развития человеческого потенциала». Если «ретрополировать» соответствующие индикаторы и использовать их для «позиционирования» России среди других стран, например, в 1913 г., то окажется, что ее положение ухудшится по сравнению с традиционной классификацией по уровню подушевого ВВП. Что же касается используемой нами традиционной системы собственно экономических сопоставлений, то можно сделать следующие выводы.

К началу Первой мировой войны Российская империя по общему уровню экономического развития (т.е. по величине ВВП на душу населения, рассчитанной по ППС валют) примерно в 2–2,5 раза превосходила такие страны Азии, как Индия или Китай, а также страны

Африки; практически не отличалась сколько-нибудь существенно от Японии. И, если признать достаточно достоверными соответствующие расчеты А.Мэддисона и сравнивать их с нашими оценками (около 1300 долл. 1990 г.), по величине этого экономического индикатора примерно на 1/3 уступала средним цифрам по региону Латинской Америки²³. Сравнение с Западной Европой и США дает следующие результаты: подушевой ВВП России был в 2 раза меньше, чем в Италии или Норвегии; примерно втрое уступал аналогичному показателю в Германии; наконец, как уже отмечалось, составлял около 1/4 его величины в США.

Попробуем проследить изменения этого последнего соотношения (Россия – США) во времени, используя соответствующие индикаторы в таблице №5, которые скорректированы нами²⁴.

Таблица № 10²⁵

**Подушевые показатели ВВП России и других стран в 1700–1913 гг.
(в долл. 1990 г.)**

Страны / Годы	1700	1820	1870	1885	1900	1913
США	527	1257	2445	3103	4091	5302
Великобритания	1250	1707	3191	3574	4492	4921
Китай	600	600	530	?	545	552
Россия 1	611	689	942	?	1237	1488
Россия 2	600-610	680-690	800-850	875-930	1080-1120	1270-1320
Россия: США 1 (%)	109-110	54-55	38-39	-	30	28
Россия: США 2 (%)	109-110	54-55	34-35	29-30	26-27	25
Россия: Великобритания 2 (%)	48-49	40-41	26-27	26	24-25	26-27

²³ В то же время такие гораздо более развитые государства, как Аргентина или Чили начала XX в., намного превосходили Россию и не слишком отличались от некоторых государств Западной Европы.

²⁴ См.: Россия XXI. 2006. №6. С.85.

²⁵ Источники: МЗ. С.58–61, 87–88, 100, 180, 262; Грегори П. Указ. соч. С.232–242; Россия и окружающий мир: контуры развития. С.123–131, 144.

Примечания: Россия 1 – по МЗ; Россия 2 – наши расчеты и оценки.

Как видно из этих данных, на начальной стадии колонизации Северной Америки выходцами из Западной Европы, т.е. в конце XVII – начале XVIII в., уровень подушевого ВВП на территории России был, возможно, на 10–15% выше, чем на территории нынешних США. Однако уже к концу XVIII – началу XIX в. это соотношение радикально изменилось, и теперь уже подушевой ВВП США был почти вдвое больше аналогичного показателя в России. К 1870 г. США превосходили Россию в экономическом плане уже втрое, а к 1913 г. – вчетверо. Нам остается добавить, что, хотя в прошлом столетии именно США занимали первое место на шкале экономического развития, в XIX в. это место принадлежало (если речь идет о наиболее крупных странах) Великобритании. И сравнение соответствующих индикаторов между Россией и этой страной показывает, что первая по уровню экономического развития отставала от наиболее развитой крупной страны Запада в начале XIX в. примерно в 2,5 раза, а в 1870–1900 гг. – почти вчетверо. Если же принять во внимание сказанное ранее о социальных индикаторах, то приходится признать: масштабы социально-экономического отставания России от стран Запада, т.е. расстояние, отделявшее ее от них на шкале развития человеческого потенциала, было еще большим. Аналогичный результат, на наш взгляд, дало бы сравнение России со странами Запада не только по экономическим и социальным индикаторам, но и с учетом важнейших институциональных характеристик. Однако в этой (институциональной) сфере применение количественных характеристик для периода конца XIX – начала XX в. вряд ли представляется возможным.

Во многих научных, а чаще в публицистических или полупублицистических исследованиях, авторы которых признают исторически сложившееся экономическое отставание России по уровню экономического развития, тем не менее указывается следующее. В конце XIX – начале XX столетия, «в лучшие годы» дореволюционной России, темпы ее экономического роста все более ускорялись, что (по мысли этих авторов) должно было привести к сокращению этого отставания от Запада. В связи с этим, на наш взгляд, особый интерес представляют расчеты и оценки Пола Грегори, который, вновь повторим, в отличие от многих своих предшественников, приводит наиболее высокие показатели темпов экономического роста страны за этот период. П.Грегори полагает, что современный экономический рост России начался с середины 1880-х годов. Но при этом он подчеркивает, что наивысшие темпы роста обнаружили на протяжении первых 15–19 лет этого периода, когда ВВП на душу населения возрастал примерно на 1,9–2% в год. В 1900-е же годы, по его расчетам,

динамика указанного показателя несколько снизилась и не превышала в годовом выражении 1,3%. На наш взгляд, приведенные цифры, и особенно первая из них, несколько завышены. Но это не меняет общего вывода: темпы экономического роста России не только резко колебались год от года, но и не обнаруживали устойчивой тенденции к повышению на протяжении 28 предвоенных лет. Вот почему мы посчитали целесообразным привести в таблице данные не только за 1870 и 1913 гг., но также за 1885 и 1900 гг.

Все эти цифры показывают, что выводы о сравнительных темпах экономического роста разных стран существенно зависят (помимо иных объективных характеристик) от выбора временных границ того или иного периода или субпериода. В данном случае включение в сферу анализа двух субпериодов (1885–1900 и 1990–1913 гг.) позволяет показать, что «лучшие годы» современного экономического роста дореволюционной России охватывают вторую половину 80-х и 90-е годы. Тогда были достигнуты наиболее высокие темпы роста промышленного производства и особенно быстро развивалась экономическая, в первую очередь транспортная, инфраструктура страны. Этот вывод как будто противоречит хорошо известным фактам о голоде, поразившем центральные губернии России в начале 90-х годов. Как уже говорилось, в 1886, 1889 и в 1891 гг. наблюдалось не только резкое сокращение индекса сельскохозяйственного производства (равно как и «потребление сельскохозяйственной продукции в натуральных показателях»), но также снижение подушевого чистого национального продукта на душу населения. Однако эти «голодные годы» сменялись «урожайными», промышленное производство после заминок и спадов вновь быстро увеличивалось, и к тому же после 1891 года в целом наблюдалась повышательная тенденция роста ВВП и ВНД. Особенно важное значение, на наш взгляд, имеет то обстоятельство, что общий объем розничных продаж в стране снижался (по сравнению с прежним годом) только в 1888–1889 и 1891–1892 гг.; на протяжении остальных лет этот важнейший индикатор постоянно повышался.

Если же проанализировать второй субпериод (1900–1913), то окажется, что чистый национальный доход на душу населения сокращался в 1903, 1905, 1906, 1907 и 1911 гг. Иными словами, неравномерность экономического развития, чередование подъемов и спадов производства оказались более резкими и охватили большую часть второго субпериода по сравнению с первым. Конечно, экономическая динамика начала 1900-х годов испытала воздействие политических факторов (революция

1905 г. и массовые антипомещичьи выступления крестьян), которые неизбежно сказывались и на промышленном, и на сельскохозяйственном производстве, и на внутренней и на внешней финансовой ситуации... Под влиянием социально-политического кризиса и опасений за судьбу монархии помещики, промышленники и финансисты сокращали инвестиции и вывозили капиталы из страны, что оказывало депрессивное воздействие на все народное хозяйство.

Все названные ранее и иные аналогичные факты и цифры, на наш взгляд, приводят к следующему наблюдению. Усредненные индикаторы экономической динамики той или иной страны (в данном случае России), охватывающие более или менее длительные периоды ее экономической истории, разумеется, необходимы для изучения долговременных тенденций и сопоставительного межстранового анализа обобщающих экономических характеристик. Однако в тех случаях, когда хозяйственное развитие характеризуется резкими колебаниями темпов, сменой повышательных и понижательных тенденций (т.е. сильной неустойчивостью экономической динамики), целесообразно дополнять усредненные данные и «усредненные выводы» исследованием противоречивых тенденций, обнаруживающихся при внимательном анализе годовых изменений отдельных составляющих этого процесса. Такой подход позволяет избежать абсолютизации «слишком общих» выводов, равно как и чрезмерного акцентирования отдельных сторон сложного и противоречивого процесса экономического роста²⁶.

²⁶ Все сказанное относится отнюдь не только к дореволюционной России. Хорошо известно, насколько глубокими и продолжительными оказались экономический кризис и депрессия 30-х годов в США. Они наложили отпечаток не только на условия жизни и труда, но и на общественную психологию; пожалуй, даже менталитет как современников, так и последующих поколений. В нижней точке кризиса ВВП на душу населения сократился на 30% по сравнению с достигнутым ранее максимумом производства. Однако встречающиеся в некоторых работах позднейшего периода усредненные данные (например, сравнение показателей 1927 и 1937 гг.) рисуют совершенно другую картину, ибо здесь масштабы снижения изучаемого показателя лишь немногим превысят 2% (См.: МЗ. С.88). Обе полученные цифры формально «правильны», и даже выводы из их сопоставления тоже справедливы. Но совершенно очевидно, что только использование всех годовых данных за 1929–1939 гг. позволит нарисовать реальную картину экономического положения США в 30-е годы. Добавим, что более полная картина потребует изучения масштабов безработицы и неполной занятости, без которых вряд ли удастся понять экономические и социально-политические последствия кризиса и депрессии, при-

Россия в 1913, 2005 и 2006 годах

В отличие от Китая, Россия, начиная с 1993 г., участвовала во всех раундах программы международных сопоставлений. Это позволило получить достаточно обоснованные оценки постоянно меняющихся соотношений подушевых ВВП

России и США, а также других стран Запада (Севера) и Востока (Юга) в 1990-х годах и в начале нынешнего столетия. Некоторые результаты таких сопоставлений, охватывающих период 1913–2003 гг., были приведены нами в публикации 2005 г.²⁷ Появившиеся в прошлом году материалы дают возможность сделать несколько дополнительных выводов. Во-первых, в очередном издании Всемирного Банка²⁸ приводятся данные о величине подушевых ВВП России (10640 долл.) и США (41950 долл.) в 2005 г. Таким образом, находит подтверждение наш тезис о том, что ныне соотношение этих обобщающих экономических индикаторов в итоге восстановительного экономического роста России вновь достигло уровня 1913 г. Однако наши расчеты и оценки показывают, что соответствующая цифра по России несколько занижена. С учетом результатов раунда 2002 г., в 2005 г. ее подушевой ВВП, рассчитанный по ППС валют, составлял около 11,5–12 тыс. долл., а в 2006 г., превысив эти цифры, мог достичь 12,5–13 тыс. долл. Иными словами, в 2005, и тем более в 2006 г., подушевой ВВП России был эквивалентен примерно 27–28% величины аналогичного индикатора в США.

Во-вторых, в 2005–2006 гг. подушевой ВВП России на 15–25% превышал среднемировой уровень этого индикатора (9420 долл. в 2005 г.), тогда как в 1913 г. он был ниже величины аналогичного показателя.

В-третьих, если отвлечься от внешнеэкономического «наполнения» ВВП (т.е. его долларового эквивалента) и обратиться к динамике физического объема ВВП России в 1989²⁹ – 2006 гг., то окажется, что в конце 2006 – начале 2007 г. величина ВВП России могла достичь уровня 1989 г.³⁰ Это

чины того, что этот период занял и продолжает сохранять особое место в истории США.

²⁷ См.: Россия XXI. 2005. №4, 5.

²⁸ См.: World Bank. World Development Report 2007. N.Y., 2006. P.289.

²⁹ Год максимального советского уровня производства товаров и услуг.

³⁰ Подсчитано по: Десять лет Содружества Независимых Государств 1991–2000. Статистический сборник. М., 2001. С.11; СНГ в 2005 г. М., 2006. С.21; Economic Survey of

значит, что **через 17 лет после начала экономического спада в СССР, перешедшего затем в глубокий кризис переходного типа в России, производство товаров и услуг в расчете на душу населения (сократившегося за этот период на 3–4%) вновь достигает максимального уровня производства советского периода нашей истории.** При этом нынешний ВВП, несмотря на элементы монополизма при формировании цен на многие товары и услуги, равно как и сохранение ряда структурных деформаций, в целом все же имеет рыночный характер и в гораздо большей степени рассчитан на удовлетворение потребностей населения, чем невероятно «утяжеленный», милитаризованный и, так сказать, «монополистический» ВВП советского периода.

И теперь, когда закончился восстановительный рост, перед Россией, с еще большей остротой встает вопрос о том, какой характер должно принять ее дальнейшее экономическое развитие. Известный лозунг об удвоении ВВП за 10 лет может реализоваться лишь при благоприятном стечении обстоятельств на рынках продукции традиционного экспорта России. Ведь ныне (как и в 1913 г.) наша страна выступает на мировом рынке в качестве поставщика сырья³¹, энергоносителей, полуфабрикатов и лишь в очень небольшой степени готовых изделий, особенно продукции высоких технологий. Между тем и в ближайшие годы, и в более отдаленной перспективе укрепление экономических позиций России на высококонкурентном мировом рынке станет возможным лишь при условии реиндустриализации тех отраслей экономики, где это стало необходимостью. Но главное – при ускоренном развитии ее человеческого потенциала и создании высоких технологий. Речь идет, конечно, о преимущественном развитии информационно-инновационного сектора российской экономики. **Только последовательная модернизация всех хозяйственных и социально-политических структур при выдвигании на первый план «человеческого измерения» необходимых реформ позволит устранить накопившиеся за многие десятилетия деформации, расширить экономический потенциал страны и обеспечить разумный баланс ее внутренних и внешних, западных и восточных интересов.**

Eurom. 2005. №2. Appendix. Table B1. – Для 2006 г. показатель роста ВВП принят нами равным 6,5% (некоторые оценки давали цифру в 6,9%).

³¹ *В 1913 г. – преимущественно сельскохозяйственного, а в 2006 г. – главным образом минерального.*

Когда какая-либо сила выходит из-под контроля, разве не принимается инженер, ничуть не ставя под сомнение ее мощь, опять за расчеты, чтобы найти лучший способ управлять ею? Несмотря на свою чудовищность, не деформирует ли современный тоталитаризм нечто весьма великолепное и не близок ли он к истине? Невозможно усомниться: великая машина человечества создана,

**чтобы действовать, и она должна
действовать, производя
сверхизобилие духа.**

**Если она не функционирует или,
точнее, если она порождает лишь
материю, то, значит, она работает
на обратном ходу... Но не забыли
ли мы случайно в своих теориях и
действиях отвести человеческой
личности и силам персонализации
положенное им место?**

Пьер Тейяр де Шарден

Андрей Горохов

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ?

СОВРЕМЕННЫЕ УТОПИИ

The author considers a new hypothetical trend in the contemporary economic science, i.e. «the human life economics». He emphasizes that within the context of this notion the human life (the HL) is to be considered, in a greater extent, as an economic concept than as a self-sustained and self-sufficient value. The HL may be a subject of taxation and an item of purchase and sale. Due to that many problems of contemporary economic growth including those of rate of growth acceleration, control of migrant numbers, modification of the international currency system etc. may be solved. The author comes to the conclusion that by lapse of time the specific weight of components directly connected with skills of a person will decrease while the specific weight of parameters characterizing a person's adaptability to the environment (psychological stability, ability to cooperate with a team, supremacy of corporate interests over personal interests, commitment to leaders etc.) will rise. Consequently, the humankind may come up with the universal dissemination of the new behavioral pattern based upon principles of Neo-Darwinism. Finally, the author answers the question: to what extent content of the article complies with the present day realities and to what extent it is a product of his own imagination.

Вместо введения

Многие беды человечества происходят оттого, что оно чрезмерно упорствует в своих начинаниях. В результате целые нации, государства и государственные содружества надолго становятся пленниками той или иной идеи, не лишённой когда-то рациональной основы, но с течением времени во многом утратившей свои позитивные свойства и превратившейся в тормоз общественного развития. Более того, поведение государств в отношении как своих союзников, так и противников обычно базируется на абсолютной уверенности в том, что их собственный положительный опыт в полной мере применим и для всех остальных. Как следствие, происходит экспансия идей на почву, малопригодную для их произрастания, неизбежная мутация этих идей и в конечном итоге возникновение острейших противоречий между собственными реалиями и навязанными извне моделями развития. Причиной подобного самораспространения в существенной мере является то обстоятельство, что такого рода «сверхидеи» *как бы* порождаются самим «взрослением» человечества, являются следствием «силы вещей», а потому (и зачастую не без оснований) претендуют на собственную универсальность и непогрешимость. В недавнем прошлом наиболее ярким воплощением такой сверхидеи были принципы коммунизма, сейчас на эту роль претендуют принципы демократии.

В эпоху глобализации, однако, процесс экспансии (диффузии) сверхидей приобретает стремительный, в определенной степени – самопроизвольный характер. Это вполне объяснимо, тем более, если под глобализацией понимать стремление человечества к достижению согласия на установление для себя единых стандартов (в политической, экономической, социальной и иных сферах). Поэтому не исключено, что уже в ближайшем будущем мировая экономика будет в существенной мере определяться постулатами так называемой «human life economy» – принципиально нового направления экономической мысли. А это будет, в свою очередь, означать если не низвержение, то радикальную модификацию основ современного экономического мироустройства.

Термин «human life economy» обычно переводится на русский язык как «экономика человеческой жизни». На мой взгляд, это не вполне корректно, в том числе и потому, что в зарубежной литературе существует весьма похожее понятие: «the economy of human life», которое имеет точно такой же перевод, но означает (в несколько упрощенном смыс-

ле) калькуляцию годовых расходов среднестатистического потребителя. Поэтому более правильным представляется перевод термина «human life есоnomу» как «экономика, основанная на человеческой жизни». Все же, учитывая сложившуюся практику, в нижеследующих рассуждениях будет использоваться первый из указанных вариантов перевода (в том числе и по причине его более выразительного звучания). Как бы то ни было, и тот, и другой перевод требуют более подробного истолкования.

Следует учесть, что некоторые считают «экономикой человеческой жизни» в лучшем случае вещь в себе, не имеющей ровным счетом никакой практической значимости, а в худшем – научной мистификацией, грандиозным блефом, очередной попыткой оболванивания читающей публики. В ответе на вопрос о том, чем же она является на самом деле, и состоит одна из целей данной статьи.

Рождение монстра

Своим внедрением в экономический лексикон понятие «human life есоnomу» обязано английскому экономисту Эндрю Коулту и его работе «Аналитические основы экономики человеческой жизни» (Colt A. The Analytical Foundations of Human Life Economy. European Polices Research Centre, University of Strathclyde, 1995). Исходной целью Коулта, по его собственному признанию, выступало изучение перспектив оптимизации национальной налоговой системы и, в частности, решение принципиального вопроса о возможности полной отмены корпоративного налога. Другой его задачей являлось решение с помощью фискальных механизмов проблемы регулирования миграций и численности населения в целом. В процессе исследования Коултом был сделан знаменательный вывод о целесообразности внедрения в практику налогового регулирования совершенно нового инструмента – налога на человеческую жизнь. В связи с этим работа английского ученого приобрела совершенно иную направленность и в итоге предстала перед научным сообществом в ее теперешнем виде.

Последствия сделанных Коултом рекомендаций, очевидно, еще долго будут являться предметом разного рода дискуссий и обсуждений. Вместе с тем, на мой взгляд, начало их использования в числе методов государственной налогово-бюджетной политики – лишь вопрос времени, причем самого ближайшего времени. По Коулту, налог на человеческую жизнь (human life tax – НЧЖ) должен исчисляться по прогрессивной шкале с учетом так называемой возрастной амортизации (age depre-

ciation). Иными словами, с увеличением возраста физические лица (или их попечители) должны будут выплачивать в казну все большие суммы. Первоначально (после достижения пенсионного возраста) выплата налога на жизнь может быть обеспечена за счет соответствующего сокращения причитающихся данному лицу социальных пособий. Однако очевидно, что после прохождения «точки экстремума» наступает момент, когда индивидуум полностью лишается таких пособий и вынужден выплачивать налог из личных сбережений (при условии наличия таковых). При пенсионном возрасте в Соединенном Королевстве в 65 лет «точка экстремума» была определена Коултом на уровне в 71–73 года. В данном случае он исходил из того, что введение налога на человеческую жизнь должно обеспечить снижение как минимум на треть корпоративного налога, что должно привести к равноценному росту предпринимательской активности и увеличению объемов производства (последующие исследования, впрочем, выявили ряд ошибок в произведенных Коултом расчетах).

На этом этапе возникают, по меньшей мере, два вопроса. *Вопрос первый.* Какие меры воздействия должны применяться по отношению к лицам, уклоняющимся от уплаты данного вида налога? Здесь следует особо отметить, что Коулт предлагал применять этот налог *только к иммигрантам*, а потому в качестве основной меры воздействия им была рекомендована высылка указанных лиц из страны. Тем самым, по его мысли, достигалось уменьшение социального бремени государства и одновременно перевод иммиграционной политики на «нормальные» рыночные принципы. Не прошло, однако, и трех лет, как американский исследователь Брайан О’Ши (Bryan O’Shea) в одной из своих работ предложил распространить НЧЖ *на все население*, взимать его только с лиц, достигших трудоспособного возраста, а неплательщиков, по истечении так называемого «контрольного периода» продолжительностью в три года, подвергать перемещению в специально оборудованные поселения с предоставлением им на весь так называемый «период доживания»¹ (rest period) социальных благ на уровне минимальных жизненных потребностей. При этом О’Ши не исключал вероятности того, что «в случае неуплаты налога объект налогообложения (то есть человеческая жизнь. – А.Г.) может быть полностью лишен государственной правовой защиты и превратиться в предмет рыночных отношений» (иначе

¹ По всей вероятности, именно с легкой руки О’Ши этот изумительный термин занял свое достойное место в российском словаре бюрократического новояза.

говоря, купли-продажи. – А.Г.). Все это, на первый взгляд, может показаться чем-то ирреальным, так как в корне противоречит принципам социальной политики, принятым в ведущих странах мира. Вместе с тем предложения О’Ши полностью соответствуют логике либеральной экономической мысли, равно как и выводам самого Коулта, сделанным им во второй части указанной книги (к этой теме мы еще вернемся). Показательно, что ортодоксально настроенные представители академического сообщества долгое время никак не реагировали на творение Коулта, считая, видимо, его критику ниже своего достоинства. Когда они спохватились, поезд уже успел уйти довольно далеко – в истории, к сожалению, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Вопрос второй. Каким в принципе должен быть размер НЧЖ и какое место он должен занимать в налоговой системе того или иного государства? Напомним, Коулт предлагал использовать НЧЖ в качестве *вспомогательного* механизма, призванного обеспечить снижение корпоративного налога. В противовес этому Майкл Голдфилд в работе «Модернизация налоговых систем» (Goldfield M. *Modernization of the Taxation Systems*. Vancouver: Fraser Institute, 1999) указывает на возможность установления в развитых странах такой ставки налога на человеческую жизнь, которая позволила бы довести поступления от НЧЖ до уровня примерно в 30% от общего объема налоговых поступлений в государственный (федеральный) бюджет. Это приведет, как он полагает, не только к коренной реорганизации всей фискальной системы, но и к фундаментальным сдвигам в практике государственного регулирования экономики. Так или иначе, изобретение Коулта представляется *очень удобным инструментом*. Налог на человеческую жизнь удобен тем, что, во-первых, может являться очень сильным стимулятором экономической активности каждого отдельно взятого индивидуума для обеспечения его нормального существования после прекращения трудовой деятельности. Во-вторых, он является простым и эффективным средством перенесения налоговой нагрузки с корпораций на население и одновременно способом повышения темпов экономического роста. В-третьих, как уже отмечалось, он может выступать в роли универсального регулятора миграционных потоков и численности населения в целом, что представляет особую важность в первую очередь для стран с высоким уровнем развития. Наконец, в-четвертых, введение НЧЖ обусловит необходимость и явится весомым поводом для внедрения еще более жесткой системы мониторинга в отношении физических лиц и распространения такой системы на как можно большее число стран. В свою очередь,

выполнение этого условия на определенном этапе может стать жизненно необходимым для дальнейшего развития процесса глобализации. Доводы в пользу введения НЧЖ изначально выглядят весьма убедительными, и его противникам придется немало потрудиться, чтобы создать столь же впечатляющую базу контраргументов.

Вторая часть книги Э.Коулта посвящена проблеме определения рыночной стоимости человеческой жизни. Сразу следует подчеркнуть принципиальную разницу между стоимостью человеческой жизни и стоимостью единицы рабочей силы. Последняя, по мысли Коулта, является компонентом первой, но в количественном выражении в формуле стоимости жизни учитывается лишь опосредованно. И в том, и в другом случае речь идет о стоимости *отдельно взятой* жизни человека или о стоимости труда *отдельно взятого* работника. Значительную часть этого раздела составляют теоретические рассуждения, на основании которых Коултом был предложен следующий метод определения рыночной стоимости человеческой жизни. В общем виде формула выглядит так:

$$P_{hx} = P_b + C, \text{ где}$$

P_{hx} – стоимость человеческой жизни в стране X,

P_b – базисная стоимость,

C – капитализация.

В свою очередь, базисная стоимость определяется как:

$$P_b = Y_{px} \times \lambda, \text{ где}$$

Y_{px} – размер среднедушевого валового внутреннего продукта (ВВП) в стране X,

λ – коэффициент возрастной продуктивности.

Значение λ определяется в пределах от 0 до 1 в зависимости от возраста человека по разработанной Коултом шкале, внешне напоминающей известную в экономической теории кривую Лаффера (описывающую зависимость размера собираемых налогов от уровня налогового бремени). Иначе говоря, наибольшая возрастная продуктивность, близкая к 1, установлена Коултом в диапазоне от 40 до 45 лет, и она снижается с уменьшением или увеличением этого возраста в асимптотическом приближении к нулю.

Капитализацию Коулт определил как сумму годовых налоговых выплат данного лица в бюджеты всех уровней, которая отражает размеры его доходов и стоимости имущества на данный момент времени. При этом Коулт подчеркивал, что стоимость человеческой жизни оценивается им, прежде всего, с точки зрения ее *номинальной экономической по-*

лезности для государства. То есть стоимость жизни миллиардера, который уклоняется от уплаты налогов, и стоимость жизни нищего будут примерно одинаковыми. Впоследствии некоторые экономисты предлагали использовать в указанной формуле не размер налоговых отчислений, а непосредственно величину рыночной стоимости активов, находящихся в собственности данного лица, и стоимости принадлежащего ему имущества. При этом, однако, экономическое содержание формулы существенно меняется, в частности в связи с тем, что активы и имущество существуют независимо от физической жизни конкретного индивидуума.

Одним из очевидных слабых мест формулы Коулта является то, что она лишь в малой степени учитывает экономическую полезность достаточно многочисленной категории лиц, не обладающих значительным личным богатством, но чья профессиональная деятельность может оказывать существенное позитивное (или, наоборот, негативное) воздействие на хозяйственное развитие той или иной страны. В том числе: политиков, государственных служащих, ученых, общественных и религиозных деятелей, разведчиков, а также членов террористических организаций, «агентов влияния» и т.д. Кроме того, возникает очередной вопрос. Как следует оценивать стоимость жизни, например, высококвалифицированного специалиста, который по тем или иным причинам не имеет возможности работать по специальности?

Хотя проблемы подобного рода трудноразрешимы в принципе, некоторыми последователями Коулта (Р.Лесли, Л.Чангом и другими) были предприняты попытки таких оценок. Лесли, например, предложил использовать при расчете капитализации человеческой жизни поправочный (повышающий) коэффициент k в диапазоне от 1 до 10, который бы определял (конечно, весьма приблизительно) экономический эффект от жизнедеятельности физических лиц. В последние годы за рубежом, равно как и в России, появились работы, специально посвященные этому вопросу (см., например: Тахтаманов Ф. Методические рекомендации по оценке экономической эффективности работы сотрудников государственных ведомств. Лондон; Казань: Фонд «Оксидентал», 2004). Как бы то ни было, эта тема, несомненно, еще потребует дополнительных исследований и в ближайшие годы вряд ли будет закрыта.

Л.Чанг, со своей стороны, предложил исчислять НЧЖ не по предложенному Коултом варианту, а непосредственно исходя из величины стоимости человеческой жизни. Эта идея, однако, не нашла отклика у большинства адептов «human life eonomy», в том числе и по той при-

чине, что в данном случае будет иметь место двойное налогообложение доходов и имущества.

Третья часть книги Коулта посвящена проблеме теоретического обоснования и практического применения некоторых интегральных показателей, в первую очередь, валовой внутренней стоимости человеческой жизни (gross domestic human life value – ВВСЧЖ), который он предлагал использовать для оценки текущего состояния экономики конкретных стран наряду с такими индикаторами, как ВВП, ВНД (валовой национальный доход), национальное богатство и др. Следует признать, что если использование ВВСЧЖ приобретет достаточно широкий характер, это будет означать коренные изменения в практике экономического анализа. Что же касается других предложенных Коултом показателей: личного продукта (personal product), потребительной стоимости человеческой жизни (human life consumer value) и других, то аргументы в их пользу представляются не столь убедительными, а сами эти индикаторы нуждаются в более глубоком экономическом анализе.

В целом из книги Коулта и работ его последователей могут быть сделаны следующие основополагающие выводы, которые, собственно говоря, сегодня рассматриваются в качестве краеугольного камня «экономики человеческой жизни».

1. Человеческая жизнь имеет рыночную стоимость, которая зависит в том числе от размеров доходов и имущества индивидуума, а также от его возраста и профессиональных качеств.

2. Человеческая жизнь может являться объектом налогообложения.

3. Человеческая жизнь при определенных обстоятельствах может выступать предметом купли-продажи.

На первый взгляд может показаться, что указанные выводы изначально отвергают то, что принято называть «гуманистическими принципами» современной экономики, которые, казалось бы, направлены главным образом на повышение благосостояния населения. В то же время даже поверхностное осмысление столь употребительного сегодня понятия «человеческий капитал» позволяет усомниться в «еретичности» идей Коулта и присных. Впрочем, моральная сторона вопроса волновала и самого создателя «human life economy». Впоследствии Коулт писал:

«В процессе работы над книгой я не мог отделаться от ощущения, что моей рукой водил дьявол. Сомнения в правильности того, что я сделал, не покидают меня до сих пор. Однако разве не было бы разумным в

данном случае руководствоваться критерием материального благосостояния, которого может достигнуть человечество при помощи "экономики человеческой жизни"?».

В.Коронелли в своей книге «По направлению к экономике человеческой жизни: восхождение в ад» (Coronelli V. Towards Human Life Economy: Ascend to Hell. Oxford University Press, 1999) язвительно отметил:

«Я отнюдь не разделяю переживаний Коулта. По моему разумению, дьявол не слишком нуждается в том, чтобы водить чьей-то рукой по бумаге, поскольку обладает способностью наполнить любую *человеческую* идею совершенно противоположным нравственным содержанием. Что же касается материального благополучия человечества (или, в общепринятом понимании – его счастья), то именно этой целью испокон веков оправдывались самые чудовищные злодеяния».

Видимым следствием основных положений теории Коулта может являться тезис о возвращении человечества к рабовладельческой формации, но уже на несравненно более высокой технологической и интеллектуальной базе. В определенном смысле это, несомненно, так, но гипотетические последствия воплощения в жизнь этой теории требуют более серьезных объяснений. В свое время известный английский футуролог русского происхождения сэр Николас Белецкий в фундаментальном исследовании «Возможности демократии: взгляд из будущего» (Beletsky N. The Possibilities of Democracy: A Glance from the Future. Edward Elgar Publ. Ltd., 1987) следующим образом определил «конечную точку» развития демократии:

«Демократию (особенно в ее современном виде) роднит с автократией то, что она находится в возвратно-поступательном движении к обретению своего высшего принципа: юридического и морального права любого человека в полной мере распоряжаться своей и чужими жизнями, образно говоря, права убивать и быть убитым. Конечно, под этим не следует понимать убийство в буквальном смысле этого слова. Речь идет об институционально оформленном праве человека передавать «эквивалент» своей жизни в распоряжение других лиц и, в свою очередь, распоряжаться «эквивалентами» чужих жизней. Я искренне надеюсь, что этот принцип никогда не будет воплощен в реальность».

В.Коронелли, прекрасно осознавая, по всей вероятности, всю потенциальную опасность «human life economy», не удержался тем не менее

от соблазна развить приведенный выше тезис (в этом, наверное, и заключается «притягательность бездны», которая открывается при ознакомлении с теорией Коулта). На свой же вопрос «Кто может выступать в качестве покупателя человеческой жизни?» Коронелли дает четкий ответ: «Государство, а также любые другие субъекты общества, при условии наделения их соответствующими правовыми полномочиями». Далее он пишет:

«Покупка или продажа жизни, исходя из мысли сэра Николаса, на самом деле означает переуступку другому (физическому или юридическому) лицу права не на саму жизнь, а на «сертификат жизни». Предназначение этого сертификата – выполнять функцию носителя стоимости жизни. Как представляется, в современном развитом обществе каждый человек по достижении совершеннолетия должен получать такой сертификат, который одновременно является правом на получение от государства определенного набора социальных благ (пособий по безработице, пенсий и т.п.). Стоимость этого сертификата может быть приравнена к базисной стоимости (по Коулту) жизни данного индивидуума. В США, например, она будет равняться примерно 40 тыс. долл.² с поправкой на коэффициент возрастной продуктивности. Сертификат может быть использован в качестве банковского вклада с начислением по нему процентов. Продажа сертификата означает отказ его владельца не только от денежного, но и от «правового» эквивалента. Последний при переуступке права вообще перестает существовать: обязательства государства по оказанию социальной помощи перед данным лицом аннулируются при соответствующем снижении расходов налогоплательщиков».

Хотя в приведенных рассуждениях много неясного, в целом предложенная Коронелли схема очень напоминает систему ваучерной приватизации в России в середине 1990-х годов. Продажа ваучера означала не только потерю права на его денежный эквивалент, но и права (весьма, впрочем, сомнительного) на получение дополнительного дохода в будущем. Правда, по сравнению с предложениями последователей Коулта (в числе которых невольно оказался и сам Коронелли) ваучерная афера может показаться невинной детской шалостью.

Вообще, внимание широкой публики к «экономике человеческой жизни» было привлечено отнюдь не экономистами и даже не журналистами. Общественность обратила свои взоры на первоисточники лишь

² В России, по состоянию на сегодняшний день – около 4 тыс. долл.

после публикации романа-антиутопии Жана-Клода Бернье «Общество», написанного под явным воздействием воззрений Коулта, О'Ши и прочих. Основой существования общества, по Бернье, по существу, является идеализированный принцип современной либеральной экономики: *неограниченная свобода на жестко ограниченном пространстве*. Законы в таком обществе направлены в основном лишь на то, чтобы регулировать ограничительные рамки, в то время как внутри этих рамок жизнь людей определяется стихийно («рыночно») складывающимися, подвижными нормами. Тем самым достигается *иллюзия* абсолютной индивидуальной свободы, равно как и свободы творчества во всех ее проявлениях. Однако выход за изначально установленные пределы невозможен, а продолжительность жизни в описанном Бернье государстве устанавливается по следующим правилам:

«Граждане, достигшие критического шестидесятилетнего возраста, не имеющие особых заслуг перед Обществом и прав на дальнейшее существование, в *обязательном порядке* подвергаются *добровольной* эвтаназии (*курсив мой*. – А.Г.). Добровольной эвтаназии подвергаются также те лица, которые не в состоянии выполнять свои налоговые обязательства перед Обществом».

Этот пассаж, как и многие другие, выдержан в духе Оруэлла, но, с другой стороны, является гиперболизированной трактовкой мысли, высказанных О'Ши и некоторыми другими приверженцами «human life еconomy». Шумный успех романа Бернье в немалой степени способствовал популяризации идей Коулта и, как следствие, зарождению запоздалой волны критики в адрес «экономики человеческой жизни». Но к этому времени данное направление экономической науки уже успело шагнуть далеко вперед и превратиться в мощный плавающий бастион, потопить который оказалось не так-то просто.

К России «human life еconomy», казалось бы, пока не имеет прямого отношения хотя бы потому, что у нас до последнего времени воззрения ее отцов-основателей практически не были известны. Между тем «human life еconomy» является порождением либеральной экономической мысли, которая во многом определяет способ мышления руководства отечественного управленческого аппарата. Начало реализации так называемых «национальных проектов», направленных по своему замыслу на реальную помощь населению и отечественным производителям, то и дело прерывалось громкими репликами бывшего советника президента по экономическим вопросам А.Илларионова о том, что единственным

целесообразным национальным проектом для России является экономический рост, а остальное, мол, приложится само собой. Дело здесь, наверное, в оскостенелости мышления, «сне разума», все той же «порабощенности идеей». И если рассматривать в качестве стратегической цели развития страны высокие темпы ее экономического роста, то предложенные Коултом инструменты, прежде всего НЧЖ, являются прекрасным средством достижения этой цели. Более того, использование указанного налога может резко активизировать рост не только абсолютного, но и душевого показателя ВВП, поскольку НЧЖ одновременно призван регулировать численность населения. Я не говорю уже о том, что еще со времен знаменитого доклада Денниса Медоуза Римскому клубу правомерность использования показателя темпов роста в качестве мерила экономического благополучия неоднократно оспаривалась. Важно другое: логика российского экономического топ-менеджмента лежит в той же плоскости, что и логика Коулта и О'Ши, а потому внедрение положений «экономики человеческой жизни» в и без того ущербную отечественную практику экономического развития отнюдь не представляется чем-то запредельным.

Ящик Пандоры

«**П**остроения Коулта – это своего рода лабиринт, борхесовский "сад расходящихся тропок", виртуальные дебри, по которым можно бродить бесконечно долго, сворачивая с тропинки на тропинку, попадая в тупики и в буреломы, но иногда – поднимаясь на холмы, с которых открываются бескрайние дали».

Эта образная характеристика теории «human life economy» дана Алексом Маккеем в его работе «Экономика человеческой жизни и экономическая глобализация» (McCay A. Human Life Economy and Economic Globalization. Warwick Studies in Globalization. L.; N.Y., 2000). Возможно, именно отмеченными особенностями отчасти и объясняется жизнестойкость идей английского экономиста и его последователей. За последние годы концептуальные положения «экономики человеческой жизни» были дополнены разнообразными моделями с использованием обширного экономико-математического аппарата. Знаменательным представляется и тот факт, что разработки в этой области распространились на те сферы экономики, к которым они, на первый взгляд, не имеют никакого отношения.

Книга А.Маккея посвящена, главным образом, вопросу о трансформации сущности денег в современных условиях и возможным изменениям в международной валютной системе. Эта система в ее сегодняшнем виде, как известно, базируется на Ямайских соглашениях и плавающих курсах валют. Прямым следствием этих соглашений явилась возможность крупномасштабных спекуляций на купле-продаже валют, то есть получения прибыли «из воздуха», вне процесса производства. Игра на валютных и фондовых биржах является одной из ключевых характеристик экономики «мыльного пузыря» (bubble economy). Это специфическая стадия развития мировой хозяйственной системы, при которой состояние самой экономики (равно как и валютных курсов) в значительной степени определяется не столько производственными, сколько искусственно привнесенными параметрами, в том числе отчасти и внутри- и внешнеполитическими «ожиданиями», этническими и религиозными конфликтами, стихийными бедствиями. Все это замечательно с точки зрения воздействия на валютные курсы, возможностей «обвала» тех или иных валют и масштабной межрегиональной «перекачки» финансовых ресурсов. Однако при переходе процесса глобализации в стадию формирования единой системы планетарного управления плавающие курсы превращаются в досадную помеху, поскольку служат прямым препятствием к введению общемировой валюты.

Маккей предлагает два варианта выхода из этой гипотетической ситуации. Первый из них подразумевает формирование в крупнейших регионах мира автономных валютных систем по образцу «зоны евро» (например, в рамках недавно созданного Африканского Союза с введением новой коллективной валюты – «афро»). Впоследствии такие системы должны, судя по всему, объединиться, результатом чего станет эпохальное событие – введение мировой валютной единицы. Это долгий путь, рассчитанный на десятилетия, сопряженный с достижением многочисленных компромиссов, чреватый длительными проволочками и необходимостью решения массы сложнейших разноплановых проблем.

В качестве второго варианта Маккей называет возможный пересмотр Ямайских соглашений и возврат к фиксированным курсам. При этом он предлагает увеличить размер допустимых отклонений со стандартных 2,25% до 5–6%. Осознавая, что такая мера грозит многим странам очень серьезными неприятностями, вплоть до финансового коллапса и полной дестабилизации всей международной валютной системы, Маккей полагает, что единственная возможность успешно реализовать указанный план – сделать это предельно быстро. Фиксированные курсы, по его

мнению, должны устанавливаться параллельно с введением в обращение новой мировой валюты, которая будет являться средством платежа и обращения примерно в 40 странах, чей совокупный ВВП составляет более 75% от мирового. В дальнейшем, в течение 3–4 лет, старые денежные единицы должны быть изъяты из обращения, а функционирование новой мировой валюты – распространиться на большинство остальных стран. В развернутом изложении Маккея этот план, конечно, выглядит не столь примитивно, хотя и в изложенном им варианте можно найти немало узвзимых мест.

Более интересными представляются рассуждения Маккея по поводу целесообразности использования универсального эквивалента денег. После последовательной отмены золотого, золотовалютного и золотодевизного стандартов деньги оказались «ни к чему не привязанными». Ориентация тех или иных денежных единиц на так называемые «мировые валюты» является, по существу, замыканием денег на самих себе, а это несет огромную потенциальную опасность для всего мирового финансового рынка. Предложение Маккея заключается в том, чтобы **национальные валюты были привязаны к стоимости человеческой жизни**. Одним из практических следствий этого является видоизмененный метод пресловутого «валютного правления» (currency board). В данном случае, однако, находящаяся в обращении денежная масса жестко привязывается не к размеру национальных золотовалютных резервов, а к валовой внутренней стоимости человеческой жизни (ВВСЧЖ). Лежащую в основе последней стоимость жизни Маккей предложил рассчитывать иначе, чем Коулт: вместо показателя душевого ВВП использовать показатель среднедушевых доходов населения. Результирующим выводом из этих рассуждений может являться положение о том, что **обменный курс валют двух любых стран должен отражать соотношение стоимости человеческой жизни в этих странах**.

Откровенно говоря, до сих пор непонятно, чего в предложении Маккея больше: рационального или, мягко выражаясь, иррационального? Вообще, исходя из задач настоящей статьи, ответ на этот вопрос не так уж важен; более значимым является другое: распространение применения (пока еще в теории) предложенного Коултом понятийного аппарата на все более широкие сферы экономики. Последствия этого нововведения, сегодня представляющегося довольно безобидным, со временем могут вылиться в **реформацию экономического мышления, а затем – и мышления как такового**.

В книге «Современная мировая торговля и экспорт человеческих жизней» японского экономиста И.Мацумуры (Мацумура И. Гэндзай сэкай боэки то ниндзю юсюю. Осака, 2002) автор ставит перед собой простейший, казалось бы, вопрос: почему экспорт и импорт рабочей силы никоим образом не учитываются во внешнеторговой статистике? Далее он пишет:

«Трансграничные перемещения людей по своей сути означают превращение одного экспортируемого товара в другой. Фактически наниматель может импортировать рабочую силу и без отрыва наемных работников от места проживания, за счет, например, предоставления заказов на проведение научно-технических и иных разработок, использования рабочих на принадлежащих ему предприятиях в данной стране и т.д. В статистике это иногда (но далеко не всегда) отражается как импорт услуг. Если же наемный работник пересекает границу, то он, на определенный срок или навсегда, превращается в компонент другого общества, во многом подчиняясь его законам, становясь налогоплательщиком, потребителем материальных благ и т.п. Иначе говоря, он превращается в фактор, влияющий на экономическую, демографическую, культурную и иные виды политик государства пребывания. С другой стороны, принимающее государство (общество) в известном смысле становится "распорядителем" дальнейшей судьбы мигранта, привлекаемого на временной или постоянной основе, в том числе за счет оказания воздействия на его менталитет, модель поведения и профессиональные навыки. Поэтому при анализе межгосударственных миграционных потоков речь должна идти не столько об экспорте и импорте рабочей силы, сколько о торговле принципиально иным товаром, название которого – человеческая жизнь».

По поводу такого рода высказываний автору может быть предъявлен целый ряд возражений политэкономического характера, однако отрицать наличие рационального зерна в рассуждениях Мацумуры все-таки не приходится. Главным выводом японского экономиста является то, что **человеческая жизнь должна рассматриваться в экономических исследованиях, равно как и в международной статистике, в качестве полноценного товара, имеющего определенную стоимость.** В случае применения этого вывода на практике только перечисление возможных последствий этого шага может занять не одну страницу. Чего стоит хотя бы предложение Мацумуры о необходимости учета миграционных потоков на основе реальной (рыночной) стоимости челове-

ской жизни в расчетах между государствами. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что большинство таких последствий «автоматически» устраняется, если допустить саму возможность стирания межгосударственных границ и устранения присущих им функций. А это, в свою очередь, может быть достигнуто уже на конечных стадиях глобализации при завершении в целом формирования единого планетарного экономического организма и унификации национальных экономических систем. В результате может быть прослежена четкая прямая зависимость между активизацией практического использования «экономики человеческой жизни» и ускорением глобализационных процессов.

На повседневном уровне внедрение «human life economy» может иметь следствием, прежде всего, то обстоятельство, что **человеческая жизнь будет восприниматься в основном как экономическая категория, а не самостоятельная ценность.** В действительности это уже происходит, и происходящее напрямую даже не связано с изобретениями Коулта и представителей его «школы». В России и в некоторых других государствах, в том числе расположенных на постсоветском пространстве, это явление может вызвать (и уже вызывает) множество негативных последствий, поскольку оно сопряжено с болезненной ломкой общественного сознания.

Осуществляемое в ходе процесса глобализации «умерщвление» института государства (многие исследователи осторожно называют это «модификацией») происходит не только путем децентрализации, то есть передачи значительной части государственных функций на низшие (региональные и местные) уровни управления, равно как и на верхние (наднациональные) ярусы. Наряду с этим происходит и трансформация этих функций, то есть все уровни государственной власти начинают выполнять не столько изначально свойственные им *распределительные и регулирующие*, сколько *коммерческие* функции. Иными словами, государство (во всех его ипостасях) начинает вести себя как хозяйствующий субъект, полноценный участник рынка, для которого основной проблемой становится *не то, как эффективнее потратить деньги в интересах общества, а то, как эти деньги заработать в максимальных количествах.* В новейшей истории России упор в «зарабатывании» государством денег обычно делается на физические лица, то есть население, а не на компании и предприятия, о чем, в частности, свидетельствует устойчивое нежелание руководящих структур вводить прогрессивную шкалу налогообложения. Кроме того, все очевиднее прослеживается переход на «платный принцип» выполнения государством своих социальных

обязанностей. В жилищно-коммунальном хозяйстве и образовании этот принцип уже фактически узаконен, в здравоохранении, правоохранительной деятельности и некоторых других сферах он осуществляется, главным образом, «теневым» порядком. Уже в скором времени население вынуждено будет платить «за каждый чих», к чему оно не готово, прежде всего, психологически. Речь идет о замене «патерналистской» модели в отношениях «государство – общество» на модель рыночно-либеральную. В этом, несомненно, имеются свои позитивные моменты, однако они могут быть реализованы в максимальной мере лишь при условии, что доходы населения достаточны для того, чтобы оплачивать основное количество тех благ, которые ранее предоставлялись государством бесплатно (на самом деле, *как бы бесплатно*).

Проводимая в России монетизация льгот уже успела наглядно продемонстрировать изменение экономического поведения государства без обеспечения соответствующей финансовой базы для элементарного удовлетворения населением своих жизненных экономических потребностей. В результате для большинства людей, проживающих сегодня в стране, расходы на удовлетворение таких потребностей («простое воспроизводство человеческой жизни») превышают их доходы. Поэтому банальный тезис о массовом обнищании населения в России может быть трансформирован в положение о том, что **человеческая жизнь становится нерентабельной**. Это уже прямая реминисценция теории Коулта, хотя сам ее создатель не имеет к ней никакого отношения.

На фоне продолжающейся депопуляции в России (имеется в виду сокращение численности коренных народов, прежде всего русского) и в условиях нарастания внешнего миграционного давления это определение приобретает довольно зловещий смысл. «Рентабельный слой», составляющий не более 20–25% населения, экономически не заинтересован в сохранении остальной его части, возмещать затраты на физическое существование которой он вынужден из собственного кармана. Замещение «непродуктивных» слоев населения низкооплачиваемыми мигрантами выглядит гораздо привлекательнее. Это достаточно очевидно и без терминологии «human life economy», однако ее использование в данном случае лишь способствует более четкому уяснению ситуации.

Развитие отечественной экономики если не по Коулту, то в бессознательном соответствии с Коултом вообще ставит под сомнение возможность ее «социализации». Следует напомнить, что в развитых странах социальное бремя (иначе говоря, расходы на обеспечение рента-

бельности жизни основной части населения) несет на себе не только государство, но и частный бизнес. В экономической литературе это принято называть «социальной ответственностью бизнеса». При этом вовлечение бизнеса в выполнение социальных функций происходит не само по себе, а за счет целенаправленных усилий государства, вплоть до осуществления им «принудительных» мер. В России этот процесс находится лишь в зачаточной стадии, и за то время, пока он наберет необходимую интенсивность, население страны может сократиться до критического уровня (при котором невозможно нормальное «обслуживание» занимаемой государством территории).

В развитых странах сложившееся положение также не является статичным. Сколь угодно заметное ослабление государственного прессинга в отношении частного бизнеса чревато заметным сокращением присутствия последнего в социальной сфере. К тому же сама идея о целесообразности такого присутствия постоянно подвергается обструкции со стороны самих деловых кругов, а также некоторых видных представителей академического сообщества. Для бизнеса в целом, по всей видимости, определяющей будет являться установка, в свое время выдвинутая в виде тезиса главой Чикагской экономической школы Милтоном Фридменом:

«Социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении им своих прибылей».

Бросается в глаза, что по своему смыслу и тональности сентенции А.Илларионова в точности совпадают с высказыванием Фридмена, поэтому ответ на вопрос о духовном вдохновителе отечественного светоча экономической мысли в значительной мере становится ясным. Остается дождаться, что же окончательно возьмет верх в российской экономической «политике»: здравый смысл или «идея»? Учитывая то, что за последние лет сто здравый смысл в России обычно приносился в жертву идейным соображениям, выводы напрашиваются весьма грустные.

Новый дарвинизм и новый бихейворизм

Лауреат Нобелевской премии Френсис Крик, один из создателей модели ДНК, по своим взглядам – ярый позитивист, однажды сказал:

«Наука в целом и естественный отбор в частности должны стать основанием, на котором нам следует строить новую культуру...»

Если под культурой понимать способ восприятия действительности индивидуумом и базирующуюся на этом модель его общественного поведения (а именно это, судя по всему, имел в виду Крик), то теория Коулта, несомненно, может внести немалую лепту в формирование некоего глобального архетипа современного мировоззрения, в котором подвергающемуся сегодня жесточайшей критике учению Дарвина будет, как и прежде, отведено одно из центральных мест. «Экономика человеческой жизни» при всей ее, на первый взгляд, сугубо экономической направленности, на самом деле имеет с дарвинизмом немало общего и в не меньшей степени способна воздействовать на общественную жизнь. Поэтому можно вслед за Криком утверждать, что *«human life есопоту» может стать основанием, на котором будет строиться новый способ поведения человека в обществе.*

Известный российский экономист и философ В.Скрипка, являющийся, по его собственному признанию, последователем Дж.Бьюкенена (которого, в свою очередь, можно считать своего рода предтечей Коулта), в одной из своих лекций утверждал:

«Рыночное поведение человека предполагает, что он может распоряжаться главным принадлежащим ему товаром – собственной жизнью – двумя основными способами: либо как инвестор, либо как продавец. Первое означает, что он вкладывает свой интеллект, способности и профессиональные навыки в собственное дело и в соответствии с его спецификой изменяет свой образ жизни. Второй путь связан с продажей (строго говоря, долгосрочной арендой или лизингом) собственной жизни какому-либо лицу или группе лиц и, как и в первом случае, с соответствующими изменениями в своих привычках, модели поведения и стиле существования. И в том, и в другом случае основой экономического успеха индивидуума является выгодность совершенной им транзакции, а поэтому можно утверждать, что приобщение человека к определенному набору материальных благ и стилю жизни является результатом своего рода естественного отбора».

Здесь необходимо обратить внимание на два момента. Первый из них связан с вопросом о том, что же все-таки продается: человеческая жизнь или труд (те же самые профессиональные навыки)? На этот счет могут быть различные мнения, хотя несомненно, что, вступая в трудовые отношения, человек вместе со своим трудом продает и *определенную часть собственной жизни* (хотя бы с точки зрения ее временной составляющей). Однако при этом некоторые исследователи полагают,

что по мере развития производительных сил зависимость человека от своего труда ослабевает, и он может тратить больше времени на свои увлечения, напрямую не связанные с его профессиональной деятельностью. Другие, и в их числе О'Ши, считают, что такая зависимость, наоборот, возрастает. В качестве аргументов они приводят как японскую систему «пожизненного найма», так и, прежде всего, жесткие рамки, в которые поставлены сегодня сотрудники многих американских и европейских (равно как и российских) корпораций в части использования своего личного времени, в том числе расходования его значительной доли на участие во всякого рода корпоративных мероприятиях. При этом они отмечают, что интенсивность труда в современных условиях не только не снижается, но имеет тенденцию к росту, и поэтому основная часть наемных работников вынуждена использовать большую часть свободного времени лишь на восстановление физических сил.

Второй момент, пожалуй, имеет более принципиальное значение. Если рассматривать человеческую жизнь как товар, то выясняется, что она отнюдь не является товаром потребительским. Это, скорее, инвестиционный товар длительного пользования, на который не распространяется следующее правило: «Потребитель покупает не то, что он хочет, а то, что он хочет, в рамках того, что ему предлагают». Рынок товара под названием «человеческая жизнь» определяется, таким образом, не диктатом производителя, а, наоборот, всевластием покупателя. Из этого следует, что, стремясь заключить сделку по продаже собственной жизни, ее владелец должен в максимальной степени подстраиваться под условия потенциальных покупателей, что неизбежно приводит к изменению качеств товара, выставляемого им на продажу.

С другой стороны, человеческую жизнь можно отнести к числу так называемых «однородных» товаров, аналоги которых, пусть даже менее высокого «качества», всегда могут быть приобретены на рынках других стран или регионов. Наряду с этим на мировом рынке указанного товара практически нереально заключение картельных или подобных им соглашений между производителями по поводу цены на предлагаемый товар. Немногочисленные возможности воздействия на цены «снизу» в сторону их повышения связаны с деятельностью профсоюзных структур, но их эффективность в зарубежных странах, как правило, не слишком велика, а в России в настоящее время – вообще близка к нулю. Не случайно поэтому, что поддержание достаточно высокого уровня безработицы для бизнеса является необходимым условием обеспечения свободы маневра на рынке ЧЖ.

В связи с этим индивидуумы вынуждены осуществлять операции по продаже (сдаче в аренду) собственной жизни в основном самостоятельно. Исходя из вышеизложенного, можно с достаточной долей уверенности предположить следующее. С течением времени в цене ЧЖ будет снижаться удельный вес компонентов, непосредственно связанных с профессиональной квалификацией того или иного лица, и повышаться доля параметров, характеризующих уровень его адаптивности к существующим условиям жизнедеятельности (психологическая устойчивость, способность работать в команде, приоритет корпоративных интересов над личными, преданность руководству, лояльность к действующей политической системе, толерантность, приверженность определенным нравственным ценностям и т.д.). Все это вместе взятое определяет необходимость формирования каждым индивидуумом своей собственной поведенческой стратегии с целью максимизации продажной цены ЧЖ и повышения ее конкурентоспособности в условиях ужесточения «естественного отбора». Разумеется, нечто подобное происходило задолго до появления работ Коулта и, в известной степени, происходит и сейчас вне какой-либо связи с положениями «human life economy». Однако появление новой теоретической платформы может дать мощный импульс развитию новой бихейвористской модели и в немалой степени формированию той самой «новой культуры», о которой говорил Крик.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. «Экономика человеческой жизни» отнюдь не является революционным учением и не означает какого-либо переворота в экономической науке. Наоборот, она представляет собой логическое следствие эволюции либерального направления в экономике и, как уже отмечалось, действенным инструментом ускорения глобализационных процессов. В этом смысле она полностью соответствует известному «расширенному принципу соответствия» Бора, согласно которому каждая новая теория обязана включать в себя все предыдущие теории в качестве предельных частных случаев. Следовательно, все вытекающие из теоретических основ «human life economy» практические рекомендации, в том числе и в сферах, напрямую не связанных с экономикой, имеют неплохой шанс быть воспринятыми быстро и относительно безболезненно.

Что же может представлять собой новая модель поведения, вытекающая из «экономики человеческой жизни»? Этот вопрос пока еще находится в стадии изучения, однако в некоторых работах представителей социальных наук уже предприняты попытки дать на него хотя бы

приблизительный ответ. Так, один из учеников В.Скрипки, А.Мезенцев, полагает:

«Внедрение рыночных механизмов в человеческие отношения, как это ни печально, – процесс объективный и неизбежный. Нам придется смириться с тем, что любая услуга, оказываемая одним индивидуумом другому, будет все в большей степени рассматриваться как эксплуатация не только чужого труда, но и человеческой жизни и предполагать соответствующее материальное вознаграждение. Это не противоречит сложившейся в обществе практике взаимопомощи, а *всего лишь* (курсив мой. – А.Г.) делает такую помощь платной».

Вышесказанное означает, по всей видимости, что обыденное обращение к соседу за помощью, например в перемещении книжного шкафа из одной комнаты в другую, отныне должно *обязательно* подразумевать выплату ему «соответствующего вознаграждения» в денежной или какой-либо иной форме. Равным образом, возврат взятой в долг у родственников или друзей определенной денежной суммы будет предполагать, как минимум, уплату им оговоренного процента за инфляцию, упущенную выгоду и т.д.

Более интересными, однако, представляются мысли, высказанные Людвигом Брюннером в его книге-бестселлере «Правила Брюннера», написанной как своего рода пародия на знаменитые «Законы Паркинсона». Вообще, сам факт появления подобной книги означает, судя по всему, что «классические» пособия по поведению человека в обществе (такие, как работы Дейла Карнеги) не то чтобы окончательно утратили свою актуальность, но в существенной мере отошли на второй план. Несмотря на откровенно издевательскую манеру, в которой написаны «Правила Брюннера», не исключено, что многие из его советов могут быть восприняты определенной категорией читателей буквально. Значительная часть книги посвящена теме «культурного развития личности» в современном обществе. При этом в рассуждениях Брюннера прослеживаются три не слишком новых, но приобретающих особое звучание тезисы, не высказанные автором напрямую, но явно подразумевающиеся:

1. *Продажная цена человеческой жизни зависит не только от уровня профессиональной квалификации личности, но и от особенностей его поведения.*

2. *Значение последних в формировании продажной цены ЧЖ с течением времени в целом будет возрастать.*

3. Для того чтобы выработать оптимальный поведенческий стереотип, необходимо в максимальной степени воспринять те культурные ценности, на которые ориентируется основная часть общества в текущий промежуток времени.

Слово «воспринять», кстати, довольно часто встречается в книге Брюннера. На мой взгляд, его следовало бы понимать не только в значении «взять на вооружение», но и «сродниться», «приобщиться» и т.п. В главе, посвященной восприятию телевизионной рекламы, Брюннер пишет:

«Если передача, которую Вы смотрите, прерывается рекламой, ни в коем случае не хватайтесь за пульт. Вы сами прекрасно знаете, что на других каналах Вас ждет абсолютно то же самое. Несмотря на все попытки ограничить рекламное время на телевидении, реклама все равно доберется до Вас и будет продолжать действовать Вам на нервы если не в явной, то в скрытой форме. Единственный способ относиться к ней спокойно – это заставить себя полюбить ее. Вы должны воспринять батарейки "Энерджайзер", автомобиль "Рено" и жевательную резинку "Орбит" как старых, добрых приятелей, встреча с которыми на экране всегда доставляет Вам удовольствие. В этом случае реклама перестанет являться для Вас раздражителем, а превратится в источник положительных эмоций и непреходящей радости.

Как добиться этого? Рецепт очень прост и проверен на практике: Вы должны периодически приобретать те товары, рекламу которых Вы видите перед собой ежедневно. Разумеется, купить их все вряд ли будет возможно, поэтому начните с малого: попробуйте приобрести хотя бы некоторые из них, пусть даже самые дешевые. Вы сами сможете убедиться, что после этого реклама напрочь утерять для Вас свое угнетающее воздействие – наоборот, вы с нетерпением будете ждать встречи с Вашими знакомцами».

Приблизительно в таком же ключе выдержаны и другие разделы книги. Подспудно читателю постоянно навязывается мысль о том, что «стратегической линией» человеческого существования должно являться стремление с максимальными удобствами подстроиться под окружающий мир, принимая его таким, как он есть. Вполне вероятно, что автор ставил перед собой прямо противоположную цель, однако в результате получилось то, что получилось:

«Обязательно смотрите сериалы! Гоните от себя мысль о том, что это – продукция второго или третьего сорта. Эту продукцию сегодня потребляет большая часть человечества, и негоже ставить себя выше других! Скажу больше: Вы должны не просто смотреть сериалы, а проникаться переживаниями их героев, "пропускать" их жизнь через свою и, в этом смысле, – сродниться с ними. Для чего это нужно? Во-первых, это поможет приобрести житейский опыт в решении конкретных проблем, которого всем нам зачастую не хватает. Во-вторых, это станет для Вас прекрасным способом отдыха и эмоциональной разрядки после трудового дня. И, наконец, в-третьих (и это, пожалуй, главное), сериалы могут оказать Вам неоценимую помощь в общении с Вашими коллегами...

Конечно, смотреть все демонстрируемые сериалы просто невозможно физически. Поэтому выберите для ежедневного просмотра два–три из них, желательно те, которые смотрит большинство Ваших партнеров по коллективу. Вскоре Вы сами почувствуете, что даже краткий обмен мнениями (скажем, во время обеденного перерыва) о том, что произошло вчера с Вашими любимыми героями, резко повысит Ваш рейтинг среди сослуживцев, что, в свою очередь, вызовет одобрение начальства и будет способствовать Вашему карьерному росту».

Комментариев здесь, конечно, не требуется. Отмечу лишь, что примитивизация сознания во многих видах деятельности становится залогом и едва ли не обязательным условием жизненного успеха и связанного с ним роста продажной цены человеческой жизни. При этом таким глупостям, как, например, кантово «звездное небо над нами», в том, что называется «высшей нервной деятельностью», уже почти не остается места.

В России, где сознание людей подверглось скоротечной и радикальной мутации, интеллектуальная деградация общества представляется особенно наглядной. Если ранее вектор ментального развития той немалой части населения, которую было принято называть интеллигенцией, был направлен, условно говоря, «вверх», то сегодня не будет преувеличением сказать, что он изменил свое направление на противоположное. В настоящее время для многих представителей этой видоизмененной среды образцом интеллектуального чтения считаются произведения таких писателей, как, скажем, Пелевин и Зюскинд, а к числу наиболее обсуждаемых фильмов относятся «Ночной» и «Дневной дозор» и, в лучшем случае, «Турецкий гамбит». Повсеместное распространение флюидов, исходящих от идей Коулта и его последователей, может лишь

явиться незаметным для глаза цементом, закрепляющим преобразование культуры в ее суррогат.

Что, в конечном итоге, означает все вышесказанное? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Даже в случае, если практическая апробация воззрений Коулта даст положительные результаты (что, в особенности в среднесрочной перспективе, представляется весьма вероятным), то это, конечно, ни в коем случае не будет иметь следствием экономическую стагнацию или, тем паче, развал системы мирового хозяйства. Наоборот, как уже отмечалось, «human life economy», скорее всего, окажет стимулирующее воздействие на рост и одновременно на решение ряда других «мегаэкономических» проблем. С другой стороны, доминирующие позиции, которые сможет занять «экономика человеческой жизни» в современной экономической мысли, отнюдь не исключает, на первый взгляд, возможности возникновения новых теорий, в том числе и противоположной направленности.

Вместе с тем, чем успешнее проявит себя «human life economy» в реальной практике, тем в большей степени декоративными будут выглядеть теории-конкуренты. А поскольку глобализацию (на ускорение которой, по своей сути, и направлено «учение» Коулта) можно рассматривать как «конечную фазу» развития человечества, то в этом смысле «экономика человеческой жизни» может стать завершающим аккордом в развитии экономической теории. В связи с этим будущее последней навеивает невольные сравнения с окаменелостью форм и догматичной застылостью содержания. С этой точки зрения, тезис о «конце экономики» в определенной степени созвучен известным рассуждениям Френсиса Фукуямы о «конце истории». Упорядочение и унификация принципов человеческой деятельности в таких областях, как политика, экономика и культура, в силу своей внутренней логики предопределяет вхождение самого человечества в стадию гомеостаза и придает едва слышимой музыке сфер все более выраженное эсхатологическое звучание.

Однако, как следует из приведенных рассуждений, «нормальная» экономическая логика может привести к выводам, находящимся на грани абсурда, и окончательно уподобить живых людей неодушевленным шестеренкам гигантского агрегата. Глобальное управление, безусловно, потребует особых механизмов, способных оперировать сотнями миллионов жизней. Но если в основу таких механизмов закладывается само понятие «человеческая жизнь» в качестве «расчетной единицы», то это означает, что цинизм управленческого мышления уже преодолел некую запретную грань. А из этого, в свою очередь, следует, что пути

Бога и людей разойдутся окончательно. Все это, разумеется, можно считать лишь образной ассоциацией, однако она отчасти отражает суть явлений, происходящих в мире, стремительно склоняющемся к своему закату.

Вместо послесловия

Никакой «экономики человеческой жизни», конечно, не существует. Равным образом, не существует и большинства из вышеупомянутых «процитированных» произведений и их создателей – все они являются плодом фантазии автора. В то же время гипотетическая «human life economy» – это своего рода прообраз идей, которые в скором времени могут восторжествовать в сознании тех, кто претендует на управление мировым развитием, и будут, как должное, приняты самим человечеством. Это то, что может случиться и, по существу, уже происходит.

Новое глобальное общество может двигаться по обозначенной выше траектории и без помощи «human life economy» и подобного рода доктринально оформленных теоретических разработок. Однако такому обществу рано или поздно придется столкнуться с дилеммой, предполагающей окончательный выбор между материальными и нравственными ориентирами, поскольку в полной мере совмещать одно с другим в сегодняшнем мире вряд ли возможно. Беда в том, что это общество может даже не заметить момента прохождения «точки принятия решения» и продолжить развиваться согласно привитым ему целевым установкам, неуклонно приближая свою духовную смерть.

Россия, видимо, уже близка к такому моменту. Остается надеяться, что ей удастся, в отличие от гоголевской тройки, хотя бы притормозить на развилке и задуматься о возможном выборе.

Как у личности, так и у народа есть задачи текущего дня, есть задачи целой жизни. Не всегда они совпадают, и то, что разумно в целях дня, может быть губительно в целях жизни. Некоторые дикие народы настолько непредусмотрительны, что, имея пищу в данную минуту, не способны подумать даже о завтрашнем дне и, пожирая все случайно добытое сегодня, подвергают себя в ближайшие дни опасности не иметь сил даже для нового добывания пищи. Ту же непредусмотрительность обнаруживают маленькие дети. Где нет

разума – там люди вообще живут минутой и днем. С появлением разума, наоборот, является мысль о целой жизни, и чем тоньше разум, тем более долгий период будущего он охватывает своей предусмотрительностью. <...> Разум в политике связывает государственные вопросы дня с вопросом о целой жизни нации, о ее исторических судьбах.

Лев Тихомиров

Ксения Мяло

НА КРУГИ СВОЯ: ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

In the final part of her article the author focuses on shifts that occur in the social psychology. These shifts are results of triumph of a specific version of the consumer society which has established in Russia. Triumph of this modification is combined with the most rough and ruthless ideology of inequality. It should be emphasized that, from the author's viewpoint, precisely these deformations of the public conscience constitute the main principle of the paradox described in previous parts of the article. The Russian public is unwilling to break a movement which, according to the opinion which is gaining increasing currency, leads to deadlock. In conclusion the author comes back to the current situation in France. She demonstrates that despite a very strong historical commitment of the French to the ideal of equality the French public conscience is absolutely unwilling to appreciate significance of social and political processes that go on in Russia nowadays and to put these processes in the proper global context.

¹ Окончание. Начало статьи см.: Россия XXI. 2006. №5, 6.

В определенной мере прав депутат Г.Гудков, когда пишет: «Абсолютное большинство народа не верит в собственные силы. Возмущение сложившимся порядком вещей сочетается в умах большинства наших граждан с психологией приспособленчества, со странной уверенностью, что кто-то должен прийти и "всех рассудить", либо с глуповатой надеждой: "Уж меня-то это не коснется..."»².

Верно, конформизм чрезвычайно распространен в нашем обществе, причем в молодом поколении, пожалуй, и больше, чем в старшем. Последнее своими протестными выступлениями все-таки сумело наложить заметный отпечаток на политический ландшафт 90-х годов и не допустить претворения в жизнь некоторых сверхжестких в социальном отношении планов, которые сегодня, когда мигикане уходят, получают «зеленую улицу». Притом не встречая соразмерного их жесткости сопротивления, хотя и вызывая недовольство. В эпоху Путина заметнее, нежели в предыдущее десятилетие, заявили о себе также и упования на верховную власть, которая в конце концов во всем разберется³, покарает виновных и вознаградит невиновных, так что можно говорить о настоящей социально-психологической регрессии. О том, что потенциал гражданской ответственности и даже само стремление ощущать себя субъектом, а не объектом политического процесса, в обществе не возрастает, но резко уменьшается. И это напрямую коррелирует с надеждами «мышки-норушки» не только уцелеть во всеобщем развале, масштабы которого уже абсолютно очевидны⁴, но и поживиться чем-нибудь.

Кроме того, стоит добавить, сказываются и усталость от вот уже 20 лет непрерывной разрушительной тряски, и почти полный распад былых форм социальной солидарности, даже самого ее языка; новые же

² Независимая газета. 2006. 27 октября.

³ Об устойчивости такого комплекса – или синдрома, как угодно, – свидетельствует уже не раз зафиксированная опросами склонность к оригинальному распределению вины и заслуг между властными уровнями. Ответственность за все плохое (рост цен, жилищно-коммунальных платежей, преступности, коррупции и т.д.) возлагается на правительство, а президенту в заслугу вменяется повышение пенсий, зарплат бюджетникам и т.д. и т.п. Такое вот своеобразное понимание принципа разделения властей.

⁴ Очевидны настолько, что здесь и не стоит более подробно останавливаться на этом вопросе. Любой может обратиться к соответствующим данным Госкомстата, к фундаментальным работам, подводющим итоги реформ (в частности, С.Глазьев, С.Кара-Мурза, С.Батчиков. Экономические реформы в России. 1991–2002 гг. М., 2004), наконец, к выступлениям и интервью официальных лиц.

покуда не сложились. А прозрачный намек спикера Госдумы и лидера «Единой России» (в ходе состоявшегося в конце минувшего года VI съезда ФНПР) на то, как *не следует* понимать слово справедливость, заставляет с основаниями предположить, что сложиться им будет весьма мудрено, если вообще суждено сложиться.

Все это, вместе взятое, конечно, в определенной мере объясняет вялость и неоформленность протестных реакций на возрастающее социальное давление, но, однако, не позволяет подступиться к разгадке опisanного парадоксального противоречия между растущим ощущением тупика и готовностью продолжить реформы, собственно, и заведшие в этот тупик.

Говорить же о «всеобщем возмущении» покуда не приходится – можно наблюдать лишь недовольство, иногда действительно приближающееся к порогу возмущения, но, в общем, не переступающее его. Общество спорадически огрызается, но, как правило, речь идет о локальных и быстро затухающих вспышках. Что же до поводов к таким вспышкам, то и они, за исключением проблемы иммиграции, действительно имеющей социально масштабный характер, чаще всего поражают своим частным характером, несвязанностью с теми вопросами, от решения которых напрямую зависят сегодня жизнь и смерть страны.

* * *

Д опустим, человека, уже усвоившего философию и психологию «норы», не волнует ни развал отечественной науки, ни утрата страной ее геостратегических позиций, ни практическое уничтожение целых отраслей национального хозяйства, ни даже регулярные катастрофы гражданских самолетов. Последнее, конечно, причиняет реальную боль, но, видимо, все же не настолько сильную, чтобы возбудить общество до конкретных вопросов и требований к властям пре-держащим.

Но есть одна область бытия, где воедино сплетаются социальное и частное, даже биологическое, одна ценность, которая заставляет даже самую малую пичужку, подавляя страх, ерошить перья и кидаться в бой. Которая, наконец, позволяет облечь плотью само понятие жизни вида, рода, нации, страны. Эта ценность – дети. И, казалось бы, в обществе, отказавшемся от штурма исторических вершин во имя семьи и простых человеческих радостей (так это подавалось), значение и, стало быть, оберегание ее должны были бы возрасти многократно.

Реально же произошло нечто иное: с утратой ценностей высшего порядка, выброшенных на свалку под общим ярлыком «совковости», парадоксальным образом (хотя парадоксальность эта только кажущаяся) ослабела и болевая чувствительность общества в этом центральном нервном узле того, что именуется жизнью, даже в сугубо биологическом ее понимании. И ни конформизмом, ни усталостью, ни окарикатуренными «царистскими иллюзиями», ни даже надеждой поживиться на гигантском развале не объяснить пассивного принятия быстрого роста детской смертности⁵, платности операций и вообще лечения, от которых в буквальном смысле слова зависит сама жизнь ребенка, массовых отравлений в детских учреждениях⁶, фальсификации лекарств. Наконец, чудовищной статистики гибели детей в ДТП, причины которой лежат на поверхности: выходящее из-под всякого контроля дорожное движение, причем не только в Москве. Однако любая, самая робкая попытка ГИБДД навести хоть какой-то порядок в этой сфере встречается в штыхы, и – о, да! – здесь уже можно говорить о возмущении. Стремительность и организованность ответных реакций автомобилистов уже стала притчей во языцех, и она и впрямь поражает. Особенно по контрасту с тем, что описано чуть выше.

Не сегодня ведь сказано: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мтф., 6, 21).

И если, например, возможный запрет автомобилей с правым рулем, о чем время от времени заходит речь, или попытка убрать их с тротуаров, по которым без риска для жизни уже не могут ходить не только дети, но и взрослые, вызывает в обществе реакцию неизмеримо более острую, нежели гибель детей, то, значит, общество это поражено тяжелым недугом, значит, в нем повреждена сама способность к нормальному, т.е. адекватному жизнестроительству, а не жизнеразрушению, восприятию вещей. Причины же лежат много глубже, нежели может показаться на первый взгляд, и напрямую соотносятся с той самой проповедью «норы», сокровенной сутью которой и был демонтаж традиционно сложившейся иерархии ценностей и потребностей. А что до пафоса частной жизни, то он служил лишь демагогическим прикрытием основного ядра, которое очень быстро обнаружило свою разрушительную силу.

⁵ По этому показателю Россия сползла едва ли не на последнее место среди развитых стран – если, конечно, ее еще можно считать таковой (См.: *Московская правда*. 2006. 9 ноября).

⁶ Лето 2006 г. обозначило здесь настоящий скачок, когда счет пострадавших шел уже на сотни.

Вот в итоге всей этой «рокировочки» центром жизни постсоветской России и оказалось не «дитя человеческое», как следовало бы ожидать по логике вещей, но *предмет потребления*, а сама она «подседа» – притом очень глубоко, с присущей ей способностью во всем доходить до конца – на иглу гедонизма.

Причем сама грубость и убогость (по крайней мере, для подавляющей части населения) этого гедонизма ничуть не меняет сути дела. Как в разговоре со мной пронизательно заметил один еще очень молодой человек, можно питаться лишь сухим хлебом и быть гедонистом. Т.е. само питание помещать во главу угла, помнить «хлеб наш насущный даждь нам днесь», но забывать другие слова Христа: «Не хлебом единым жив человек...» (Мтф., 4, 4). А ведь они были обращены даже к тем, кто действительно питается только хлебом, т.е. вынужден обходиться абсолютным минимумом. Однако обсуждать, а тем более осуждать *их* поведение никоим образом не входит в мои намерения. Во-первых, потому что нужно иметь моральное право на это, т.е. быть таким же нищим, но способным явить высокий тип жизни – и это главное в моральном аспекте. А во-вторых – и это главное в аспекте социальном, – не эти люди покуда определяют общий нравственный климат в стране. Но вот в том весьма обширном и вязком слое, что лежит между двумя полюсами, самых бедных и самых богатых, к «хлебу» добавляется еще многое, и поэтому применительно к нему можно говорить о ситуации ценностного выбора, определяющего общий вектор движения страны.

Для одних такой «добавкой» является автомобиль, вещь, в обществе потребления и вообще-то насыщенная особым символическим значением, а в России ставшая предметом неприкрытого культа и атрибутом мало-мальского престижа. Так называемой *успешности*, этой упрощенной кальки американской «этики достижений» (achievement ethics), против которой и был направлен антипотребительский молодежный бунт 60–70 годов и которая у нас приобрела беспросветно материальный смысл.

Вот, например, что поведал один из наблюдателей жизни отечественного «круга избранных», очерки из которой довольно регулярно публикует «Независимая газета» (рубрика «Стиль жизни»). Как правило, это панегирики, но и из них можно извлечь немало любопытного. Ибо сообщаются (отчасти бессознательно, но не исключено, что порою и преднамеренно, с тщеславным желанием продемонстрировать свою *успешность*) такие подробности, каких не выдумать никакому «совку» – злопыхателю, живущему в совсем иной вселенной. Ну, например,

можно узнать, как приятно, в знойные летние дни, когда миллионы москвичей задыхаются в своих жалких квартирках, «выгуливать» автомобили. Их, конечно, не один в гараже, они требуют внимания, как живые существа, а обязанность не слишком обременительна – ведь машины, конечно, кондиционированы. Ну, а потом можно заехать в кондиционированный же ресторан и там... Далее все в подробностях, со вкусом, демонстративно, с презрением к «материальным неудачникам». Меня же, человека, совершенно безразличного к ресторанным радостям, когда я читала сей опус, интересовало одно: зачем? Зачем все это столь кичливо выставляется напоказ – в стране с такими социальными разрывами, как Россия? И вспомнился очерк довольно известной азербайджанской писательницы Асаг Масуд о пребывании Иоанна-Павла II в этой стране. Она приводит слова понтифика, сказанные им на встрече с представителями тамошних властных и предпринимательских кругов, причем сказанные как бы вскользь и вне всякой связи с общим контекстом речи: «Не ешь при голодных. А уж если приходится делать это, пригласи и их».

Максима, казалось бы, предельно проста. Однако опыт истории просто кричит о том, что во все времена и под всеми широтами правящие классы никогда не могли усвоить ее полностью, а то и вообще пренебрегали ею. За что не раз платили весьма высокую цену. Что же до нашей нынешней российской элиты, то тут вообще нет никаких тормозов, нет, видимо, даже и зачаточных нравственных представлений, которые могли подсказать меру допустимого. Могу предположить, что в иных случаях нет и образования, которое позволило бы задуматься над некоторыми историческими прецедентами.

И, напротив, идеология «успешности», в том ее рептильном значении, в каком это понятие утвердилось сегодня в России и может считаться ее ноу-хау, прямо-таки требует от *элит* демонстрации своего превосходства над *лузерами*. Кто же зачисляется в это весьма обширное племя, видимо, не вполне полноценных граждан? Вот ответ на этот вопрос и удалос получить человеку, упомянутому мною в начале всего пассажа и, видимо, достаточно отстраненному наблюдателю. «Недавно, – пишет он, – мне пришлось услышать буквально следующее: "Если мужчине стукнуло 20, а он передвигается по городу на метро, он лузер". Таков был приговор одной бизнес-леди»⁷.

Мне могут возразить: это частный случай, не стоит обобщать. Ответу: не частный, а крайний, потому что записывать в лузеры двадцати-

⁷ Независимая газета. 2006. 15 ноября.

летних – это и в самом деле «круто». Но лишь по степени откровенности, с какой высказано и так уже очевидное для многих, если не для всех, сформулировано то, чем пронизана, чем дышит вся российская действительность. Словечко легко пускается в ход ведущими одной из самых известных московских радиостанций, психологи (об этом поведал тот же «Стиль жизни») всерьез обсуждают, по каким приметам можно опознать лузера в метро – там удобнее всего вести свои наблюдения. Да ведь и сами «двадцатилетние лузеры» отлично видят, хотя, наверное, по большей части еще не могут отрефлектировать свои ощущения, что мы стоим на пороге превращения в общество с наследственными сословными привилегиями. В самом деле, не могли же их «успешные» ровесники уже самостоятельно заработать на «Мерседес», и на виллу, и на дом в Лондоне.

И если бы еще только это! Но нет, можно говорить о гораздо более широком объеме ущемляемых прав *проигравших* – прав важнейших: на образование, на лечение, на путешествия, наконец, т.е. на свободный выход в мир. И меня очень позабавило недавнее заявление протоиерея Всеволода Чаплина, что, мол, если «Основы православной культуры» не станут обязательным школьным предметом, то многие родители могут объявить «вотум недоверия государственной школе и отказаться от обучения в ней своих детей»⁸. Ну и куда же, любопытно узнать, они их пошлют? В швейцарский пансион или в английскую привилегированную школу? Какое, право, странное представление о финансовых возможностях большинства российских граждан. И я не перестаю удивляться нашей Церкви, вообще, похоже, не замечающей тех социальных проблем, которыми, как перенасыщенный раствор, наполнена жизнь России. Равно как и связи этих проблем с общим нравственным состоянием общества, по поводу которого встревожились лишь тогда, когда начались убийства священников, а до того мы слышали лишь о «духовном возрождении России» и ее «возвращении к традиционным ценностям». Так, может быть, и отказ в праве на гражданское достоинство, заложный в самом словечке «лузер», относится к таковому?

Недавно в связи с этим мы обменялись мнениями с одной моей знакомой, очень много работающей с молодежью и хорошо знающей оттенки умонастроений в этой среде. Она признала, что проблема действительно существует, что на ее основе может развиться, да уже и развивается, тяжелый комплекс социальной неполноценности, с многообразными и весьма острыми последствиями. И сказала, что в ряду прочих

⁸ НГ – религия. 2006. 6 декабря.

терапевтических приемов в своей работе с подростками она прибегала, в частности, к чтению известного стихотворения Роберта Бернса: «Мы хлеб едим и воду пьем / И укрываемся тряпьем.../». Я возразила: «Бернс – это прекрасно. Только напомним вам, что основной пафос его стихотворения составляет как раз несмирненность, противостояние "одетым в шелк", и в этой-то несмирненности и обретается обездоленными их социальное достоинство. Существование же "одетых в шелк" признается как данность, которую, однако, считают греховной и отталкивающей. И смешно ведь подумать даже, чтобы кто-нибудь из героев Бернса мог называть их "элитой", не правда ли?»

А вот пытаться молодым людям, которым вся действительность на каждом шагу кричит, что они лузеры, внушить, что – нет, не лузеры, это будет история про лису и зелен виноград. По-настоящему справиться с комплексом может помочь лишь то, что когда-то называлось праведным негодованием, дух протеста. Что совсем не обязательно означает бунт. Напротив, бунты чаще всего происходят там и тогда, где и когда именно слишком долго не формируется протест, где недовольство не находит выхода в осмысленных и социально-созидательных формах. У России здесь богатый опыт. И, согласитесь, вне осмысленного протеста сегодня вряд ли может сложиться подлинное гражданское самосознание».

На этом мы пришли к «консенсусу», но сошлись также и на том, что эту последнюю задачу сложновато, если вообще возможно, решить при засилии монопольных СМИ, целенаправленно продолжающих работу, начатую еще во второй половине 80-х годов прошлого века. Риторика «национального единения», отметившая первое пятилетие века нового, ничего не изменила здесь по существу. Скорее наоборот: усугубила ситуацию, позволив олигархии, под прикрытием лозунга национальных интересов и колокольного звона, еще более агрессивно утверждать свою, вопреки расхожему мнению об ее отсутствии, вполне сложившуюся идеологию. Слагают же ее, в сухом остатке, два блока. Первый из них – философия неравенства, предъявляемая обществу в форме самого грубого социал-дарвинизма и сама по себе способная окончательно разорвать его. Поэтому в качестве амортизатора встраивается второй блок, каковым является симулякр объединительной национальной идеи. Ее было поручено найти еще десять лет назад, и она была найдена.

Имитацией **общего дела** стало построение «русского православно-го (!) общества потребления», как выразилась в памятный год 850-летнего юбилея Москвы та же газета «иностранец», что в том же 1997 году предоставила свои страницы для гельмановской апологии всерос-

сийской расхватухи⁹. Однако чудовищный этот оксюморон не вызвал тогда сколько-нибудь заметной реакции там, откуда ее естественно было бы ожидать прежде всего, т.е. в церковных кругах. Как, впрочем, и в обществе в целом. А ведь уже тогда можно было заметить, что идеологический тяни-толкай, сложенный из двух отторгающих друг друга блоков, способен на протяжении хоть какого-то времени исполнять порученные ему функции лишь при одном условии: все большей нравственной и культурной деградации населения.

Ибо по мере углубления неравенства все труднее будет удовлетворять разожженные потребительские аппетиты массы людей, обретающейся за пределами узкого круга избранных. Хрупкий консенсус, не имеющий никакой иной основы, кроме обещанного доступа к изобилию, может рухнуть – с непредсказуемыми последствиями. А потому население нужно целенаправленно опускать на тот уровень, на котором оно готово будет довольствоваться суррогатами, сохраняя и даже отстаивая выбранный с начала 90-х годов вектор движения. Движения, все дальше уводящего страну от путей развития.

Решать задачу призвано прежде всего TV, что и объясняет его примитивизацию, скудость информационных программ, отупляюще низкий уровень программ развлекательных. К слову сказать, сам их жанр изобретен не в России, но является прямым заимствованием (в ряде случаев – вплоть до названий), в чем можно убедиться, посмотрев хотя бы жутковатый – по глубине раскрытия в нем некоторых тайн манипулирования сознанием – фильм Джорджа Клуни «Признания опасного человека». А один из героев остросатирического и тоже американского фильма «Оружие массового развлечения» на упрек: «Вы дебилизируете людей!» – прямо отвечает: «Дебильный электорат – основа демократии».

Россия, однако, встав на этот путь, и здесь сразу же превысила все планки: ее кинематография, похоже, вообще утратила способность осмысливать и даже ставить социальные проблемы. А чтобы посмотреть серьезный зарубежный фильм, из разряда упомянутых мной, то, как правило, нужно сидеть глубоко за полночь. Prime-time им не предоставляется, и уже это для миллионов людей перекрывает доступ к настоящей культурной информации. В ответ порою можно услышать: «Ну пусть покупают диски, кассеты, ставят тарелки» и т.д. и т.п. Что ж, спасибо за откровенность: мне она как раз позволяет зафиксировать ту

⁹ И вот, когда я уже редактировала эту статью, в программе «Вести» (14.01.07, 20.00) пафосно прозвучали слова «потребительская революция». Прозвучали, напомню, по государственному каналу.

точку, где грубая идеология неравенства соединяется со стратегией дебилизации масс.

С той разницей, однако, что у нас целью ее является уже не соответствующая обработка электората (институт выборов опочил, едва успев сделать несколько вздохов), а именно приучение народа к жизни на уровне «Panem et circences!» Стоит напомнить, что автором этого хрестоматийно известного выражения является древнеримский сатирик Ювенал, и жажда «хлеба и зрелищ» в его беспощадной поэзии выступает как один из самых несомненных признаков деградации римского народа, склонившегося под иго империи. И, добавлю, затем и пальцем не шевельнувшего для ее защиты. Ибо на таких путях «демос», народ, стремительно превращается в «охлос», чернь.

Что же до «русского православного общества потребления», то чем успешнее реализуется программа дебилизации масс, тем менее затратно поддерживать его. Тем легче тормозить проявления недовольства, подкармливая население дешевыми подделками.

Например, если недоступен «Мерседес» или «Ауди», то сойдет и потрепанная иномарка, тоже быстро становящаяся объектом фетишизации. Если не дорогой мех, то турецкое или китайское тряпье всегда можно купить. Если по-прежнему подлинный свободный выход в мир остается достоянием немногих, то есть массовка Хургады или Анталии. Дорога косметика в бутиках? Обойдемся и той, что вперемешку со стиральными порошками и чистящими средствами продается в бесчисленных ларьках. В целом же по потреблению косметики Россия бьет все рекорды, обходя куда как более благополучные страны. Как, впрочем, и по объему продажи петард: он растет примерно на 30% в год. Что это означает на практике, каждый – по крайней мере, в Москве – мог убедиться в последнюю новогоднюю ночь. Но разве только в эту ночь! Пальба идет в любое время года и суток и в любом месте, что резко выделяет Москву среди других мировых столиц, где, конечно, тоже бывают фейерверки, но где они довольно строго регламентируются. Как регулируется и уличное движение. А вот то, что происходит в Москве и вообще в России, приводит на ум весьма проницательное наблюдение Майн Рида: «Дайте мне точные цифры, сколько пороха извел тот или иной народ на фейерверки, на ракеты и шутихи, и я скажу вам, на каком уровне физического и духовного развития он находится. Чем выше цифра, тем ниже опустился душой и телом этот народ, ибо соотношение здесь обратно пропорциональное».

Майн Рид сделал свой вывод после посещения одной из крайне бедных и отсталых латиноамериканских стран – ведь написано-то это еще в

XIX веке. Но Россия начала XXI века, недавняя сверхдержава, являющаяся подобную обратную пропорциональность, к тому же на фоне быстрого вымирания населения и запустевания огромных территорий, – это нечто иное, и гораздо более устрашающее. Ибо перед нами всеохватывающий регресс, попятность исторического движения – можно сказать, даже его выворотность, являющаяся, между прочим, отличительной чертой черномагических ритуалов. Т.е. тех, что стремятся запускать процессы, противные божественному промыслу. На языке же социальной психологии можно говорить о приближении к порогу колониального синдрома, или *культы карго*, когда потребление по преимуществу «заморских» товаров начинает не только преобладать над собственными их производством, но, главное, становится атрибутом особого престижа и даже, на более примитивных уровнях, предметом поклонения. Этот синдром в различных его вариантах исчерпывающе описан и в классике этнологии, и в литературе бывших колониальных стран – от поэзии негритюда до романов Рабиндраната Тагора.

Однако для Мексики века девятнадцатого, о которой и писал Майн Рид, как и для ряда других стран, можно было говорить о громадном историческом несчастье этих стран и народов, ни один из которых не выбирал для себя такую участь добровольно, но, напротив, так или иначе стремился бросить ей вызов и вырваться из ловушки недоразвития.

Случай России совершенно иной. Здесь, с учетом всех скидок на манипулирование сознанием, на безграничное (какого не знает Запад) всевластие СМИ, на наивность и неподготовленность общественного сознания, особенно на первых порах, к обрушившимся на него информационным ударам и сеансам «промывания мозгов», сознания, действительно неспособного охватить масштабы и понять цели затеянной со страной коварной игры, все-таки оставаясь честными перед самими собой, нельзя не признать, что огромной частью населения выбор в пользу потребления, отказ от напряжения, которого неизбежно требует сильное историческое действие, были сделаны добровольно. Да, конечно, не всеми – утверждать это было бы крайне несправедливо по отношению ко многим, кто пытался протестовать тогда и не смиряется со случившимся до сих пор. Однако переломить определяющий вектор общественных настроений им не удалось. А о том, что именно он был определяющим, о добровольности этой пародии на «Great Refusal» западных шестидесятников красноречивее всего свидетельствует то, что даже и сегодня, когда места для всех названных скидок уже не остается, а нынешнее российское общество назвать наивным и неискушенным

можно разве что в горячем бреду, оно все еще не желает от сделанного выбора отказаться. Хотя результаты его вопиют.

* * *

Нельзя не признать: болезнь потребительства, принципиальная ориентация на «обладание», которую Эрих Фромм в своей знаменитой книге «Иметь или быть?» назвал «характерной особенностью западного индустриального общества», поразила и Россию. Причем гораздо сильнее, глубже, грубее, чем самый Запад. Во-первых, потому что западные страны так или иначе пережили антипотребительский бунт 60-х годов. И как бы ни был искажен и угашен исходный импульс этого бунта, невозможно представить себе западного интеллигента, воспевающего хвалы товарному изобилию, «двумстам сортам сыра», о которых так любила разглагольствовать советская фрондирующая интеллигенция, да и просто колбасе, ставшей настоящим фетишем, олицетворением всей совокупности потребительских благ и взыскуемого устройства жизни. Вот ведь даже сегодня, когда выросло целое поколение, не помнящее никаких очередей за колбасой, зато уже как привычную рутину воспринимающее наличие в стране то ли миллиона, то ли трех миллионов¹⁰ беспризорников, когда согласно официальным данным каждый пятый призывник страдает дефицитом веса (до 10–15 кг), актер В.Золотухин или профессор МГУ Л.Смирнягин¹¹ не находят ничего предосудительного в том, чтобы вновь обращаться к аргументам этого, «колбасного», ряда. Да и не они одни: апеллирование к «полным прилавкам» остается козырной картой идеологов сделанного выбора.

А во-вторых (и это главное), в странах Запада болезнь потребительства никоим образом не соединялась с погружением в недоразвитие: приоритетное место продолжали занимать и занимают цели модернизации, а это уже само по себе ставит неизбежные ограничения «дебилизации электората». В России же потребительский срыв по фазе совпал с отказом от развития, что объясняет и ту легкость, с которой отказались от демократии. Дело ведь не только в том, что в России 90-х годов утверждалась не демократия, а пародия на нее. Но также и в том, что ни-

¹⁰ Точных цифр не может назвать ни одна инстанция, и разве это одно уже не является исчерпывающей характеристикой общества, в котором мы живем?

¹¹ См.: Аргументы и факты (2006 №25) и Независимая газета (2006. 24 октября) соответственно.

какого особого желания бороться против извращения идеала, во имя которого вроде бы и крушили великую державу, в обществе не обнаружилось. Оказалось, что больше все-таки хотелось не конституции, а севрюжины с хреном и что вязкая стабильность в стране будет сохраняться до тех пор, пока, по тем или иным причинам, не окажется перекрытым доступ к «полным прилавкам». Которые, в обществе с деформированной структурой социальных потребностей, по-прежнему занимают приоритетное место по отношению к ценностям личного и национального достоинства, свободы, солидарности, развития – и даже здоровья и жизни детей.

И хотя глубинная связь принципа удовольствия с Танатосом, в общем, хорошо известна¹², с таким социальным размахом, как в современной России, она, быть может, являет себя впервые, по крайней мере, после падения Римской империи. «Мелкомасштабность» реализации этого принципа, и вообще присущая обществу массового потребления, а в России обернувшаяся уже упомянутой убогостью¹³, отнюдь не отменяет главного: глубокой деформации, вследствие превращения удовольствия в смысл и цель жизни, всей системы ее приоритетов с вытекающими отсюда социально-психологическими результатами.

И вот именно подспудное нежелание отказа от цели, каковой стало неистовое желание вскочить все-таки в уходящий поезд «всеобщего благоденствия» (в конце 80-х годов это и формулировалось просто, не мудрствуя лукаво: «будет, как у них»), тормозит мыслительное усилие, питает надежды все еще как-то пробиться в потребительский рай, парализует волю. Заставляет смиряться с тем, с чем никогда не могло бы смириться нормальное, не деформированное, не овеванное всепроникающим дыханием Танатоса человеческое сознание.

Наконец, не позволяет даже приблизительно осознать масштаб и характер стоящих у порога новых угроз, смутное ощущение которых уже формирует новую структуру социальных страхов, но все еще недостаточно сильно, дабы побудить к активному мыслительному усилию и, уж тем более, к усилению нового волевого самоопределения.

¹² Как правило, в связи с этим чаще всего говорят о сексе, конечно же, вспоминая романы де Сада. Реже – о чревоугодии, хотя и здесь связь самая прямая, и печатью танатичности отмечены, например, «раблезианские» сцены в великолепном французском фильме «Большая жратва», где одну из своих последних ролей сыграл Марчелло Мазтрояни.

¹³ Для не слишком успешных слов населения, конечно.

* * *

Недавно доктор Леонид Рошаль, отвечая на вопрос журналистов, как он оценивает положение дел, при котором лишь примерно треть детей, страдающих врожденным пороком сердца и нуждающихся в операбельном лечении, может получить бюджетное финансирование, и почему на это то и дело нужно выпрашивать деньги у спонсоров, вызывая к ним по TV и с газетных страниц, ответил: «Это фашизм... Да, некоторые виды лечения стоят больших денег, но если их неоткуда взять, тогда надо менять Конституцию»¹⁴.

Не берусь судить, употребил ли знаменитый врач слово «фашизм», повинувшись сильному чувству, или действительно поставил диагноз; но, по мне, суть дела схвачена абсолютно верно. В самом деле, сегодня о том, что увеличивающееся глобальное неравенство станет, по всем признакам, главной проблемой наступившего века, говорят уже не только одиночки, которых легко было клеймить алармистами, не только создатели зловещих футурологических фантазий, будь то в литературе или в кино.

Тема, особенно в связи с грандиозным левым поворотом в Латинской Америке, выходит в центр политической жизни планеты и на ближайшие десятилетия будет определять ход мировой истории. Чтобы видеть это, равно как и опасность связанной с таким неравенством новой реинкарнации фашизма, вовсе не обязательно быть коммунистом. Никак не является таковым, например, Збигнев Бжезинский, еще несколько лет назад в своей книге «Выбор. Глобальное лидерство или мировое господство» без всяких недомолвок обозначивший связь опасности возвращения фашизма именно с достижениями современной медицины и вообще современных технологий, по определению недоступных неимущим и отставшим в развитии. И более того, подводящих реальную основу под нацистскую идею разделения человечества на две расы: сверх- и недочеловеков. Стоит добавить, что отставшим в развитии и сброшенным к подножию социальной лестницы может грозить очень многое, недавно еще немыслимое, вплоть до превращения в людей-химер, наподобие обитателей «острова доктора Моро»¹⁵.

А Джереми Леггет, член консультативного совета британского правительства по возобновляемым ресурсам, так же прямо, как Бжезинский, говорит о новой угрозе фашизма (имея в виду именно его социальную доктрину, ключевую ее идею разделения на рабов и господ), но

¹⁴ *Московская правда*, 2006. 10 ноября.

¹⁵ *См., в частности, В.С.Овчинский, «Криминология и биотехнологии», М., издательство «Норма», 2005 год.*

связывает эту угрозу прежде всего с перераспределением углеводородных ресурсов.

Наконец, бывший генсек ООН Кофи Аннан предупреждает, что в связи с глобальными изменениями климата человечество может столкнуться с потрясениями, социально-экономический эффект которых превзойдет совокупный эффект двух мировых войн и Великой депрессии. И хотя данный прогноз не затрагивает напрямую проблему неравенства, ясно, что при таком развитии событий она неизбежно выйдет на первый план. Сами же масштабы возможного глобального кризиса, развернется ли он по одной из названных причин или, скорее всего, по их совокупности, не позволяют сегодня предсказать его исход. Но именно уже сегодня требуют напряженного осмысления и готовности к мобилизации всех ресурсов противостояния.

Однако Россия, голосом своих СМИ, все еще отпускает отдающие нафталином шуточки по поводу гигантского сотрясения по Андской дуге, теперь уже с переходом в Карибский регион, кичится масштабами миллиардерских закупок в Лондоне, а также сетует, что красивый «Че» Гевара так нелепо распорядился своей жизнью и совершил «роковую ошибку», ввязавшись в дело революции на Кубе. Россия, которая в контексте всех этих грандиозных проблем и событий, навстречу 100-летию юбилею (всего-то 10 лет остается!) своей великой революции шагает с дурацким рекламным роликом: красный флаг и на нем – слоган: «Великая Октябрьская революция цен». А ведь с каким грузом фундаментальных работ – конечно, с разных позиций написанных, но ведь это естественно, когда речь идет о событиях такого масштаба и сложности – пришла Франция к аналогичному юбилею *своей* революции. Но разве менее страшной?

Сегодня в элитных (что на новорусском языке непременно означает богатых) московских клубах стало модно, вволю потоптавшись на всем советском и отменив 7 ноября, шумно и весело праздновать 14 июля. Распевая «Марсельезу» и поднимая бокалы *французского* вина, как повествует та же светская хроника. Предполагается, что и тогда было так же весело... и безопасно. Мысль же о том, что сказали бы, а скорее всего, и сделали при виде подобного зрелища санкюлоты, похоже, не посещает пирующих. И, возможно, «здесь танцуют» – это все, что иным из них известно о Французской революции, своего рода атрибуте «праздника, который всегда с тобой».

Между тем Париж тогда буквально пропах кровью, а головы казненных носили на пиках по всей столице. Первой же из них стала, как раз 14 июля, голова коменданта Бастилии маркиза де Лоне, затем счет по-

шел на тысячи и тысячи. При этом около 60% казненных составили рабочие, крестьяне, ремесленники и служащие. В огромном количестве шла под нож гильотины прислуга¹⁶. То есть 14 июля стало прологом трагедии общенационального масштаба. В самой Франции никто и не вырывает из истории этих мрачных страниц. Однако, выйдя из тюрьмы (ныне музея) Коньержери, откуда на роковой телеге увозили на казнь приговоренных и откуда в свой последний путь отправилась Мария-Антуанетта, на противоположной стороне улицы на фронтоне Дворца Правосудия можно сразу увидеть тот же самый девиз «Свобода. Равенство. Братство», во имя которого свирепствовал террор.

Соседство это стало для меня одним из самых сильных парижских впечатлений. Впрочем, вряд ли здесь можно говорить просто о впечатлении. Чувство такое, будто ты прикасаешься к обнаженному нерву или оголенному проводу, в котором все еще ощущается пульсация некогда прошедшего по нему мощного заряда творящей историю энергии. Так естественно, так ненарочито и нерасторжимо слит здесь с самой жизнью города двуединый лик революции – Свободы на баррикадах и Медузы Горгоны. А первым, еще задолго до Виктора Гюго, запечатлел его Эдмунд Берк, знаменитый английский¹⁷ историк, политик, публицист. И до сих пор портрет, набросанный им по самому ходу событий, остается в чем-то непревзойденным, словно бы Берку удалось зарисовать в движении, от самого ее зарождения до губительного обвала, гигантскую волну цунами.

Тревожные признаки он заметил очень рано, и уже 9 августа 1789 года в письме к лорду Чалмонту, говоря о «великолепном спектакле», который являет борющаяся за свою свободу Франция, вместе с тем отмечает: «...в самом событии, мне кажется, есть что-то парадоксальное и мистическое. Невозможно не восхищаться духом происходящего, но в ярости парижан есть нечто шокирующее»¹⁸.

Когда же ярость эта достигает апогея и террор разворачивается во всей своей мощи, под пером Эдмунда Берка рождается сходный с химерами Гойи образ: «Из могилы убиенной во Франции монархии поднялся огромный, страшный, бесформенный призрак с лицом, более ужасным,

¹⁶ В.Ревуненков, *«История Французской революции»*. Спб., 2003.

¹⁷ Хотя иные полагают, что точнее было бы сказать – ирландский, в крайнем случае – англо-ирландский, ибо Берк был ирландцем не только по рождению, но по многим чертам своего мировосприятия.

¹⁸ Эдмунд Берк. *Размышления о революции во Франции*. М.: «Рудомино», 1993. С. 6.

чем может представить себе любое воображение, и сломил дух человеческий»¹⁹.

14 июля 1789 года в истории Франции, да и Европы в целом, неотделимо от 21 января 1793 года, дня казни Людовика XVI. Как и от коллективных рвов-могил, куда, словно кочаны капусты, ссыпали головы «подозрительных». Так что же чествует Франция в день своего государственного праздника? Единственно приемлемый ответ дает государственный девиз, этот неразъемный трехчлен, из которого, не обрушив его, невозможно изъять ни одного элемента. И откуда он сохраняет свое значение средоточия *главных* смыслов и целей национальной истории, веселье 14 июля будет удерживаться на той грани, за которой оно становится кощунственной пляской на крови. Более того: ритуалом осквернения этих смыслов, превращением трагедии в кровавый фарс, когда и сами жертвы революционного насилия лишаются присущего им особого ореола.

Именно так уже и обошлась Россия со своей собственной революцией. А о московском подражательстве праздничным Елисейским Полям или об инфантильной акции по сожжению макета Бастилии у стен Петропавловской крепости вообще не стоило бы говорить, когда бы за всеми этими хэппинингами не просматривался умысел: каким-то образом породнить, а то и уравнять в их значении 14 июля 1789 года в Париже и 22 августа 1991 года в Москве. Однако эти две даты находятся в обратном соотношении между собой. День водружения российского триколора на постамент свергнутого памятника Дзержинскому как раз *закрывает* эпоху, открытую днем падения Бастилии. Ибо обрубание всех связей с «красным наследием» на поверку (и это отлично видно при панорамном обзоре прожитых Россией 15 лет) обернулось открытым отречением от тех целей, без устремления к которым эпоха модерна не имела бы своего идеального измерения. То есть таким поприем «Марсельезы», о котором даже и не мечталось Лямшину, исполнявшему свое сочиненьице всего-то в скромной комнатке и в узком кругу единомышленников. А тут – пусть уж и не одна шестая, но все-таки одна седьмая часть суши! Есть над чем задуматься. И задаться вопросом: не находится ли процесс исторической регрессии, запущенной на таком огромном пространстве, в некоей сокровенной связи с неотъемлемым от глобализации, в ее нынешнем формате, углублением глобального неравенства?

¹⁹ Возможно, как допускает автор предисловия Коннор К.О'Брайен, именно от этого образа, говоря о «призраке коммунизма», оттолкнулся Маркс.

* * *

Сегодня французская печать переполнена брезгливыми, а нередко и злорадными комментариями по поводу куршевельского скандала. Но вот что любопытно было бы узнать: ну а если бы наши отечественные олигархи вели себя не столь мерзко и вызывающе – проблемы бы не было? Разумеется, ее не было бы в формально юридическом аспекте, но понятно, что речь о другом. Ведь *что* представляет собой российский новый класс, можно было заметить уже задолго до Куршевеля-2007. Причем различить в его облике черты гораздо более важные, да и опасные, чем невоспитанность и вызывающее хамство нуворишей. А если этого не замечают или делают вид, что не замечают, то логично заключить: несмотря на естественную брезгливость, которую вызывают выходки «новых русских», сама по себе российская олигархия – не только как социальная страта, но, что гораздо важнее, также как и утвердившийся у нас в стране тип политической власти – для Запада, в том числе и для Франции, в общем, приемлема. Притом приемлема гораздо больше, нежели ушедшее в прошлое советское общественное устройство.

И потому, хотя порою зажимая нос, российских олигархов терпят. Им продают недвижимость – конечно, более всего в Англии, но ведь и на Лазурном берегу или в Испании отказов тоже нет. Наконец, что важнее всего, их детей принимают в привилегированные школы, куда не так-то легко поступить и выходцам из своих социальных низов. Там юных «новых русских» обещают, обучат хорошим манерам и... позволяют приобрести связи, которые нигде больше приобрести нельзя. А это и есть самая надежная дорожка к «*gloom at the top*», к «месту наверху». Не на самом верху, конечно, но это вовсе не означает, вопреки довольно распространенной точке зрения, что российские олигархи вообще отторгаются Западом как несовместимая ткань. Нет, отторгаются лишь их чрезмерные притязания, ибо тень должна «знать свое место». Но не олигархия как таковая.

Так обстоит дело даже во Франции, исторически несомненно более левой, нежели США или Англия. Ведь и здесь в печати не затрагиваются кричащие социальные проблемы современной России, и не затрагиваются отнюдь не из соображений деликатности или уважения к принципу невмешательства – куда там! Напротив, редко попадетя номер «*Le Monde*», «*Le Monde diplomatique*», «*Le Nouvel Observateur*» и т.д., где не встретила бы шпилька, а то и нечто более тяжеловесное, по поводу пороков российской действительности. Но удивительное дело! Все опусы такого рода выглядят отпечатанными в одной матрице, отличной еще в бытность СССР – а то и царской России. Чечня, «русский

империализм» – конечно; угнетенные свободомыслящие журналисты и правозащитники, а заодно с ними и Ходорковский – разумеется; ГУЛАГ – само собой. Можно даже и детей свозить на экскурсию в Освенцим – и в какой-нибудь из тех парков, типа венгерского «Загляни за железный занавес», что, как грибы после дождя, множатся сегодня в Восточной Европе, принося, между прочим, немалый доход²⁰.

В подобных сорокалетней давности мыслительных схемах «детей Солженицына»²¹ застыла и левая интеллигенция, и она-то, пожалуй, особенно агрессивна, опускаясь даже до прямого отождествления нацистской Германии и СССР. Что же до иных и гораздо более современных проблем России, то они парижских интеллектуалов занимают не больше, нежели шум дождя, барабанищего по стеклу. И я не исключаю, что, выйди завтра население нашей страны из сковывавшего его оцепенения и потребуй оно, в тех самых формах, которые продемонстрировала Франция весной 2006 года, восстановления своих поправленных прав на равенство и справедливость, сочувствие европейских, в том числе и французских, лидеров общественного мнения ему отнюдь не гарантировано. В отличие от хора голосов, которые непременно возопят о «сталинистском реванше», о новой угрозе «советской экспансии», о «диктатуре КГБ» и прочая, и прочая. Впрочем, опыт октября 1993 года у нас уже есть. И я слишком уважаю «острый галльский смысл», дабы предполагать здесь наивность, недомыслие простаков.

Нет, конечно, о наивности или неинформированности в данном случае не может быть и речи. Достаточно взглянуть не только на стереотипный набор обвинений в адрес России, до малейших черт похожий на

²⁰ Именно такую поездку анонсировала, например, газета «Provence» от 5 апреля 2006 года, буквально на следующий день после самой мощной из весенних демонстраций протеста.

А ведь какую бурю негодования вызвало бы во Франции чье-нибудь, изошедшее извне, предложение организовать аналогичную экскурсию, например, в Вандею, где в иных местах камни до сих пор вопиют. Холодным душем был обдан даже Солженицын, в свое время вознамерившийся почтить возложением венка жертвы революционного террора. И столь ревнивое отношение французов к драмам собственной истории могло бы даже вызывать уважение, если бы одновременно с полной бесцеремонностью не влагались персты в чужие раны.

²¹ Так назвала себя группа молодых тогда (в конце 70-х) людей, известных под общим именем «новых философов» и сумевших произвести глубокую мутацию образа СССР во Франции, в ключе «Архипелага ГУЛАГа». Здесь они опередили даже Рейгана, с его «империей зла».

своего российского либерального близнеца, но также и на объем и характер связей российских либеральных СМИ, этих рупоров отечественной номенклатурно-криминальной олигархии, с журналистскими и политическими кругами Франции, чтобы картина предстала в ином и весьма жестком свете. И стало ясно, что при полном понимании масштабов и значения той исторической регрессии, в полигон которой превратилась Россия, на регрессию эту с открытыми глазами *дают согласие*. Так сбрасывают на чужую территорию грязные производства. Ибо, поскольку в нынешнюю парадигму построения нового мирового порядка как условие *sine qua non* включены и углубление глобального неравенства, и погружение в недоразвитие, а то и в хаос целых народов и регионов планеты (за примерами ходить недалеко), то все члены клуба высокоразвитых стран, в число коих Россия, разумеется, не входит, принимают его.

Разногласия между США и Европой по этому вопросу не следует преувеличивать. В главном согласие есть, а потому за краткими периодами весьма умеренных охлаждений неизбежно следует новый виток трансатлантического сближения, что мы и можем наблюдать уже сегодня. Что же до олигархической России, то она, хотя ее время от времени и будут ставить на место, тем не менее гарантирует сохранение основного формата игры в несравненно большей мере, нежели Россия, которая, не приведи Бог, очнется и поломает весь сценарий. А потому клубные посиделки и даже «бокал вина под Марсельезу»²² – это пожалуйста, можно даже и Куршевель, без крайностей, но идеалы равенства и справедливости, к которым во Франции апеллирует любой мало-мальски масштабный социальный протест, сберегаются исключительно для внутреннего употребления. И покуда российская олигархия будет удовлетворительно выполнять доверенную ей роль капо, блокирующего социальную энергию собственного народа, благосклонность Запада, в конечном счете, ей гарантирована.

Разумеется, фригийский колпак Марианны при этом постепенно выцветает, а само понятие прав человека, в том редуцированном виде, в каком трактуется оно сегодня, превращается в инструмент селекции народов и стран. Одним из которых, в зависимости от их поведения, международные инстанции жалуют право на развитие, других же сурово карают. А какую цену придется заплатить за такую инверсию опорной идеи эпохи модерна – покажет будущее, и, весьма вероятно, не столь уж отдаленное.

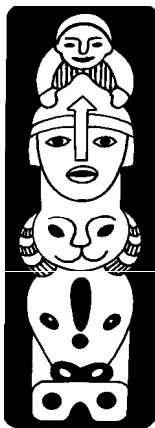
²² «Независимая газета», 14 июля 2006 г.

Уже в Древней Греции мифы вызвали пытливість ума величайших мыслителей, но никогда мифы, создания древних или отдаленных по месту и низким по степени развития народов не были предметом столь настойчивого систематического изучения, как в наш век. Не говоря уже о массе собирателей сказок и других подобных произведений у всех народов цивилизованного мира, трудно указать кого-либо из известных психологов, филологов, историков культуры, не посвящавшего значительной доли своих трудов на исследование мифологических вопросов.

Это потому, что основной вопрос самопознания: «Что такое я?» – сводится для современного человека на исторический вопрос: «Как я (как один из множества) стал таков»? <...> Стремление к самопознанию привело к сознанию связи я с настоящим и прошедшим человечества...

Александр Потеня

Вячеслав Найдыш

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ
МИФОЛОГИИ
И ЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ
В РОССИИ¹

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

In the second part of his article the author analyses social, cultural and ideological prerequisites of the Russian philosophy of mythology emergence. This discipline emerged and developed in the second half of the 18th century and in the early 19th century in the works of the first Russian historians and myth creators. It was aimed at search and elaboration of basic methodological and worldview orientations for concrete scientific cognition of the Slavic mythology. Period of empirical and theoretical prerequisites accumulation of the philosophy of mythology in Russia grew up into process of its immediate emergence and went on until appearance of the «mythological school» in the Russian folklore studies (the 1840s and 1850s). This school developed well beyond limits of specific theoretical generalizations related exclusively to the Slavic mythology and achieved the level of conceptual abstracts of the general theory of myth. Results and achievements of the Russian philosophy of mythology have not lost their significance down to recent times.

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2006. №6. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-03-00260а).

4. Социально-культурные предпосылки становления отечественной философии мифологии

Становление отечественной философии мифологии имеет свои особенности по сравнению с развитием западноевропейской традиции философии мифологии².

Принятие письменности в связи с принятием христианства; резкое противостояние языческого и христианского полюсов в средневековой духовной культуре; длительный накал их религиозной борьбы, взаимное отторжение; то обстоятельство, что поиск форм их взаимопонимания был предельно минимизирован, привели к следующему. Славянская мифология почти не оставила после себя ярких, значительных письменных и литературных памятников (теокосмогоний, развернутых повествований о богах и их участии в судьбах людей и др.), подобных тем, которые нам известны из древнегреческой, древнеиндийской, скандинавской культур. А немногочисленные остатки славянской мифологии, ее фольклорные продолжения, «низшая демонология» и другие явления народной культуры в силу религиозно-идеологических обстоятельств долгое время относились к языческому пережиткам и вплоть до второй половины XVIII в. не были предметом систематического изучения, не попали в поле зрения научно-философского анализа.

Для того чтобы сложился хотя бы элементарный интерес к славянской мифологии и простейшие формы ее понимания, предварительно необходимо было расширить в принципе враждебное язычеству «поле зрения» церковной идеологии – ввести в него элементы чужих форм мифологии, придать им определенную значимость. Только на фоне иных мифологий открывались перспективы выделения специфики (точно) славянской мифологии. А такой «иной», чужой мифологией могла быть, разумеется, лишь греко-римская, проникавшая в мир православия через каналы культурного взаимодействия с Византией и Западной Европой. Так, отечественная научно-философская мысль первоначально знакомилась с мифологией как формой культуры не на собственной славянской почве, а через усвоение античного наследия. Это усвоение было медленным, прерывистым, осуществлялось весьма противоречиво, растянулось на длительный исторический период.

Прежде всего следует указать на глубинные корни этого знакомства – связи древнерусской культуры с античным миром. Они осуществлялись по двум основным каналам: через древнегреческие колонии в Се-

² *Детальнее см.: Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М., 2002.*

верном Причерноморье и через Византию. Известно, что Северное Причерноморье было объектом колонизаторских устремлений греков еще в первые столетия античной цивилизации. Как показывают археологические источники, Северное Причерноморье (особенно устья рек Дуная, Южного Буга и Днестра) заселялось в основном малоазийскими ионийцами. Ядро их составляли выходцы из Милета – древнейшего очага античной культуры, родины первых древнегреческих философов – Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена («милетская школа»). Интенсивная колонизация Северного Причерноморья началась уже в середине VII в. до н.э.³ Персидская экспансия резко изменила этнокультурную ситуацию в западной Малой Азии и вызвала массовый отток греческого населения, значительная часть которого нашла себе убежище в Северном Причерноморье. Так, после поражения антиперсидского восстания и падения Милета в 494 г. до н.э. в Ольвию организованно переселились жрецы милетского Дельфиниона, некоторые религиозные союзы со своими документами, рукописями и др.

Греческие колонии в Северном Причерноморье были мощнейшими очагами античной культуры в районах, непосредственно примыкающих к территориям, заселенным восточными славянами. Так, ритор Дион Хризостом, посетивший в 100 г. до н.э. Ольвию, отмечал высокий уровень образованности ее жителей, увлечение классическими уже тогда для них произведениями Гомера, Гесиода и др. Некоторые даже знали «Илиаду» наизусть⁴. Отдельные элементы античной культуры (художественные образы, мотивы, сюжеты, предметы роскоши, искусства и др.) в той или иной форме переходили от греков в культуры народов, с которыми греки непосредственно контактировали (скифы, сарматы, даки и др.), а эти народы, в свою очередь, передавали их своим соседям – славянам⁵.

Конечно же, эти культурные влияния античности на древнеславянский мир были существенно ограничены. В первую очередь тем, что славянский мир в эпоху расцвета греческой колонизации Северного

³ Евсений Кессарийский. Хроника. 11, 88.

⁴ Багалей Д.И. Русская история. Т.1. М., 1914. С.57.

⁵ Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // Советская археология. 1964. №2; Городцов А.В. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды Государственного Исторического музея. М., 1926 Вып.1; Свирин А.Н. К вопросу о связях художественной культуры Древней Руси с античным миром // Труды отдела древнерусской литературы (Далее – ТОДРЛ). Т.XXII. М.; Л., 1966; и др.

Причерноморья находился еще в состоянии разложения первобытно-общинного строя, у славян еще отсутствовали развитые формы письменности, был узок диапазон культурных потребностей. Между греческими колониями и славянскими племенами существовал не только территориальный, географический «зазор», но и значительный разрыв в мере культурно-исторической продвинутости. Дописьменные культуры и развитые письменные культуры находятся на качественно различных «цивилизационных» этажах, уровнях культурных потребностей и ценностей. Потому и степень взаимности культурных интересов была невелика.

Подобный культурный разрыв был преодолен в эпоху христианизации Руси и распространения древнеславянской письменности. С этого времени в культурном развитии восточных славян наступает новая эпоха, характеризующаяся знакомством с достижениями античной цивилизации, античного искусства⁶, в том числе и с античной мифологией. Но и в этом случае античная культура усваивалась не напрямую, а в основном в тех формах, в каких она была воспринята и преобразована византийской культурной традицией⁷, а затем перенесена из южнославянских (древнеболгарского, древнесербского) очагов распространения славянской письменности⁸. Именно через усвоение византийских рецепций античной мифологии мифологические образы и представления стали материалом для первоначального осмысления своеобразия мифологии в культуре Древней Руси.

Интенсивность культурных взаимодействий между южными и восточными славянами не была постоянной и изменялась в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств (политические интересы, культурные, церковно-религиозные потребности и т.п.). Принято выделять две волны максимально интенсивного южнославянского влияния на культуру восточных славян. Первая волна пришла вместе с официальным принятием христианства Русью в 988 г. Вторая приходится на конец XIV – начало XV в.

⁶ Примером здесь, в частности, являются античные скульптуры, привезенные из Херсонеса в Киев князем Владимиром (Полное собрание русских летописей (Далее – ПСРЛ). Т.1. М., 1962. С.116).

⁷ См.: Культура Византии. Т.1–3. М., 1989–1991; Перетц В.И. Сведения об античном мире в Древней Руси XI–XIV вв. // Гермес. 1917. №13–20; 1918. №8–12; Радциг С.И. Античное влияние в древнерусской культуре // Вопросы классической филологии. М., 1971. Вып. III–IV; и др.

⁸ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.

В конце X века и в XI столетии с принятием христианства на Русь приходит массив древнеболгарской литературы, созданный учениками и последователями Салунских братьев – Кирилла и Мефодия, книжность южнославянской школы. Основная часть этого массива представлена переводами византийских произведений. Наибольшей интенсивности первая волна южнославянского культурного влияния достигает в годы княжения Ярослава Мудрого (1019–1054), когда после захвата Византией Болгарии (1018) в Киевскую Русь эмигрировали многие болгарские и македонские книжники. Таким образом древнеболгарская литература выполняла функцию культурного посредника между Византией (как основной хранительницей античного наследия) и славянским миром, активно развивавшим в ту эпоху свою духовную культуру.

Первый период активного усвоения античной культуры через межкультурное взаимодействие с южными славянами заканчивается с установлением византийского господства на Балканах (1018–1187). Вскоре вслед за освобождением в конце XII в. болгар и сербов от византийского господства, когда сложились благоприятные условия для воссоздания и развития традиций межславянского культурного взаимодействия (в том числе и восстановления славянской культуры и письменности в южнославянских землях уже с помощью древнерусской книжности), начинается татаро-монгольское нашествие. В середине XIII в. Киевская Русь гибнет под ударами татаро-монгольских орд. Связи с Балканами прервались. Прекратилось усвоение античного наследия. Надолго затормозилось развитие древнеславянской культуры вообще.

По иному пути пошло развитие культуры южных славян. Во второй половине XIII в. и первой половине XIV в. Сербия и Болгария пережили период социально-политического и культурного расцвета. Во время Второго Болгарского царства начинается подъем болгарской письменности, складывается так называемая Тырновская литературная школа (Евтимий Тырновский, Константин Костенецкий, Йоасаф Вединский, Киприан, Григорий Цимбалак и др.). Главным межславянским религиозным, культурным и идеологическим центром становится Афон.

Культурный расцвет южнославянских народов трагически прервался турецким нашествием, поражением Сербии и Болгарии в конце XIV в. Началась массовая эмиграция из южнославянских земель. Один из ее потоков направился на север – в Молдавию, Украину, Белоруссию и Россию. Среди эмигрантов было много книжников; на новом месте жительства в близкой им духовно-религиозной среде они продолжали заниматься культурной деятельностью, много переводили с древнегреческого языка, им доверяли высокие церковные и

светские посты. Так, в конце XIV – начале XV в. «вторая волна» южнославянского культурного влияния накатилась на восточнославянскую культуру, значительно оживила глубинные культурные связи восточных и южных славян.

Таким образом, византийское влияние на древнерусскую культуру имело ряд специфических особенностей. Во-первых, оно носило преимущественно религиозный, православный характер. Во-вторых, опосредовалось южнославянской культурой и письменностью. И, в-третьих, было исторически неравномерным. Это отразилось и на особенностях усвоения античной мифологии восточнославянской культурой.

Если византийская культура была прямой наследницей античной мифологии, то на Руси дело обстояло иначе. Восточнославянская книжность не знала в прямом переводе ни одного законченного, целостного памятника древнегреческой литературы и ограничивалась лишь переводами работ византийских авторов (в которых содержались отдельные фрагменты античной мифологии) либо переводами средневековых западноевропейских литературных произведений на сюжеты античных мифов. Древнерусскими книжниками сведения об античной мифологии черпались из разных вторичных источников. В частности, из византийских хроник, романов об Александре Македонском (так называемая Сербская и Хронографическая Александрии), произведений о Троянской войне («Притча о кралях» и роман Гвидо де Колумна «История разрушения Трои»), сочинений Григория Богослова и Максима Грека, апокрифических произведений. Уже начиная с XI века, в русских летописях появляются мифологические образы и сюжеты, заимствованные из трудов отцов церкви⁹, а в «Повести временных лет» встречаются упоминания о деяниях Ореста и Агамемнона¹⁰. На Руси мифы назывались «баснями», а мифотворчество «баснословием», и такое словоупотребление просуществовало до XIX в.¹¹ По-видимому, справедливо мнение, что не следует преувеличивать роль и значимость этих сведений об античной мифологии в отечественном литературно-художественном процессе¹².

⁹ См.: Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе. СПб., 1875. С.24.

¹⁰ См.: ПСРЛ. Т.1. С.42.

¹¹ Когда нужно было подчеркнуть аморализм античных мифов, их называли «блудами», «погаными блудами».

¹² Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе X–XVI вв. // ТОДРЛ.

Наиболее ранним источником сведений об античной мифологии, по-видимому, явилась «Хроника» византийского автора Георгия Амартола, составленная в IX в. и переведенная на Руси не позднее XI в.¹³ В этой «Хронике» античная мифология отображена скупом, весьма тенденциозно изложен лишь один мифологический сюжет и перечислены имена античных богов¹⁴. Идейная направленность «Хроники» определяется общей христианской неприязнью к верованиям, культам и обычаям язычников. Автор постоянно отмечает их аморальность, непристойность, приписывание чести и славы божьей Солнцу, небу, Луне, звездам и др.

«Хроника» Георгия Амартола была лишь «первой ласточкой» античной мифологии на просторах древнерусской культуры. Для древнерусских книжников намного более обстоятельным источником сведений об античной мифологии явилась составленная в середине VI в. «Хроника» Иоанна Малалы, славянский перевод которой был сделан в середине XIII в.¹⁵ В «Хронике» Иоанна Малалы представлен более широкий спектр сюжетов и образов античной мифологии, чем у Георгия Амартола. Но важно, что в «Хронике» Малалы уже содержались рассуждения о сущности мифотворчества.

Сущность мифа автор трактовал в духе эвгемеризма: боги рассматривались Малалой как обожествленные исторические личности древности, которым поклонялись язычники. Малала излагал античные мифы так, как будто герои мифов, олимпийские боги, были простыми смертными царями (Зевс и Кронос), изобретателями (титан Прометей – изобретатель грамматики), отдельными героическими личностями, обладавшими особенными качествами и др. При этом, в отличие от Амартолы, Малала не акцентировал особого внимания на языческом, дохристианском характере античных мифов, а, наоборот, всячески его затемнял, подчеркивая культурно-историческую, а не религиозную значимость античной мифологии. Так, еще в киевскую эпоху древнерусские книжники познакомились не только с образами и сюжетами античных мифов, но и с античной философией мифологии, античными концепциями сущности мифотворчества, с эвгемеризмом.

Т. XXXIII. Л., 1979. С. 4.

¹³ См.: *Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянско-русском переводе. Т. I–III. Пг.; Л., 1920–1930.*

¹⁴ *Зевс, Посейдон, Аполлон, Гефест, Гермес, Гера, Деметра, Дионис, Афина, Артемида и Афродита.*

¹⁵ См.: *Шусторович Э. М. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Т. XXIII. М., 1967.*

В древнерусской культуре XI–XII вв. появляются и первые попытки представить историческую эволюцию язычества¹⁶. Наиболее обстоятельная и интересная попытка содержится в знаменитом «Слове об идолах». «Слово...» представляет собой комментарий греческого текста поучения Григория Богослова на праздник Крещения 6 января, направленного против античного язычества с его жертвоприношениями и оргиальными обрядами¹⁷, составленный неизвестным русским книжником XII в. Отталкиваясь от текста константинопольского патриарха Григория Богослова (IV в.) и обобщая собственные впечатления от славянского язычества, русский книжник выделяет четыре этапа славянского язычества.

1. Время, когда славяне «клали требы упырям и берегиням» (в современном понимании – эпоха палеолитического анимизма и разделения духов на злых и добрых).

2. Время, когда славяне поклонялись, «начали трапезы ставить Роду и роженицам», т.е. эпоха неолитических земледельческих культов плодородия.

3. Культ Перуна, бога грозы, молний и грома, ставшего божеством войны и покровителем князя и его дружины в эпоху становления древнерусской государственности.

4. Принятие христианства отодвинуло язычество на «украины» государства.

Автор проявляет пронизательность, объективность, понимание ряда важных исторических закономерностей. Все выделенные им слои язычества долго сосуществовали (с убывающей интенсивностью от центра к окраинам) в духовной культуре Древней Руси, по сути вплоть до XVIII–XIX вв.

Вторая волна южнославянского влияния занесла на Русь в XV в. легенды Троянского цикла¹⁸, романы об Александре Македонском¹⁹, роман Гвидо де Колумна «История разрушения Трои»²⁰. Все они так или иначе расширяли представления древнерусских книжников об античной ми-

¹⁶ См.: Рыбаков Б.А. *Язычество древних славян*. М., 1981. Гл.1.

¹⁷ См.: Аничков Е.В. *Язычество и древняя Русь*. СПб., 1913. С.61–66; Гальковский Н.М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси*. Т.11. М., 1913. С.17–35.

¹⁸ «Притча о кралях», сербский перевод западноевропейского рыцарского романа.

¹⁹ *Весьма условные исторически и выдержанные в духе средневековых рыцарских романов* (Александрия. М., 1968).

²⁰ См.: *Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о троянской войне по русским летописям XVI–XVII вв.* Л., 1972.

фологии, которая, по-видимому, не вызывала у них особого мировоззренческого и эмоционального отторжения. Скорее наоборот – интерес к ней усиливался. Вполне справедливо, на наш взгляд, утверждение, что античные греческие «боги едва ли вызывали ту откровенную неприязнь, к которой призывал своих читателей Георгий Амартол... Средневековые любили диковинное, загадочное, экзотическое. Античные мифы удовлетворяли эти запросы древнерусских книжников»²¹. Не случайно древнерусские мастера создавали художественные композиции, иллюстрирующие античные мифы и сказания (подвиги Геракла, образы кентавров, Горгоны Медузы и др.)²².

Но среда древнерусских книжников была очень узкой и элитной, она не отражала всей гаммы социальных настроений и ценностей того времени. В народной массе, в среде низшего и среднего духовенства образы античной мифологии вплоть до XVIII в. трактовались как изображения языческих и бесовских сил. Книги, в которых в той или иной форме упоминаются образы и сюжеты античной мифологии, церковью нередко приравнивались к колдовским, астрологическим, гадательным, осуждались и заносились в список «отреченных» книг²³.

Подавляющее большинство священнослужителей Северо-Западной Руси восприняло античные изображения, которые в середине XVIII в. начинают проникать с Украины и Белоруссии (где в силу их близости к Западу влияние античных традиций было более ранним), как языческих идолов, отношение к которым может быть только воинствующе негативное. Известно немало примеров варварских погромов античных статуй в XVII–XVIII веках в разных городах Московской Руси.

Ситуация кардинально изменяется лишь в петровскую эпоху. Петровские преобразования с их идеалами европеизации, широкого просвещения и перевоспитания общества чрезвычайно расширили культурный горизонт и задавали качественно новое отношение к античной мифологии. Античная мифология буквально навязывалась русской культуре. В греко-римской мифологии усматривали и необходимое условие, и один из главных признаков европеизации страны.

²¹ Творогов О.В. Указ. соч. С.22.

²² См.: Даркевич В.П. Подвиги Геракла в декорации Дмитровского собора во Владимире // Советская археология. 1962. №4. С.115; Чернецов А.В. Древнерусские изображения кентавров // Советская археология. 1975. №2. См. также иллюстрации в издании: Троянские сказания.

²³ См.: Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903; Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг. СПб., 1899–1908. Вып. I–IV.

Античная мифологическая образность, интерпретация античной мифологии в духе западноевропейского классицизма с его возвышенным отношением к героике, к подвигу, самопожертвованию пронизывали сверху донизу систему императорской власти, весь ее официоз. Петр рассматривал мифологические образы как наиболее характерные символы императорской власти, как средство выражения ее значимости и силы. Обязательным условием всех официальных церемоний и празднеств в XVIII веке была античная мифологическая атрибутика. В мифологические одежды облакался не только парадный фасад императорской власти, но и повседневно-бытовая жизнь «государевых слуг», особенно представителей правящей элиты. В системе оценок их деятельности и, что особенно важно, их верности важным критерием являлось именно личностное отношение к античной мифологии. В нем усматривали признак того, насколько сознательно «слуга царя» воспринимает петровские реформы, насколько искренне он разорвал путы консервативных традиций.

Все это, разумеется, не могло не повлечь за собой повышения общественного интереса к античности и ее мифологии, резкого возрастания потребности в соответствующей литературе. Такой интерес стимулировался государством²⁴. Распространение мифологических знаний стало важным моментом образовательной политики государства.

Аморализм античных богов в России не выпячивали. В мифологии выделяли в первую очередь то, что свидетельствовало об утверждении высших и достойнейших моральных качеств, что не отделяло, а сближало их с христианскими моральными регуляторами. Так, профессор Московского университета С.Е. Десницкий во второй половине XVIII в. писал, что наряду с нелепыми представлениями о богах в римском обществе было множество таких представлений, где богам приписывались высшие и достойнейшие человеческие качества. И потому римские боги «почитались всенародно защитниками человечества, награждателями добродетели и очистителями неправды. Отсюда может видеть всяк, что и языческое римлян суеверие в самом своем начале подавало святость наблюдаемым в обществе правилам нравоучения еще и прежде, нежели оные рассуждения философское и истинное благочестие подтвердило»²⁵.

²⁴ Показательно, что Петр I лично дал указание о переводе и издании «Мифологической библиотеки» Аполлодора.

²⁵ Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1. М., 1952. С.255.

Официальная моральная переоценка античной мифологии способствовала ее экспансии и в сферу религиозно-церковной жизни. Петровские церковные реформы, усиление роли и влияния государственной идеологии на церковную жизнь, смена большей части церковных иерархов выходцами из Юго-Западной Руси, с Украины²⁶ привели к своеобразному явлению. В религиозной литературе не только допускалось, но и поощрялось свободное употребление, наряду с христианскими, античных мифологических образов. В этом усматривали признак осовременивания норм религиозно-церковной жизни.

Во второй половине XVIII в. очередная волна европейского мистицизма, эзотеризма, каббалистики, масонства, мифологии докатывается и до России²⁷. Мистицизм и эзотеризм нашли для себя в России благодатную почву и заполнили ту духовную (прежде всего, нравственно-проповедническо-аскетическую) нишу, которая образовалась в результате секуляризации отечественной духовной культуры, инициированной еще Петром I. Особенный успех в этом отношении масонства («вольных каменщиков»)²⁸ среди остальных мистических учений объясняется, по видимому, следующим. Оно предложило некоторое целостное мистическое мировоззрение (сочетавшее теософию, каббалистику, герметизм и др.) и внецерковную организацию, которые содержали мощную систему обрядности и символики. Такая система выступила действенным, волевым средством нравственного перевоспитания личности и управления ею («тесания дикого камня сердца человеческого»²⁹). Идеалы самопознания и самосовершенствования сочетались здесь с идеалом жертвенности, прежде всего гражданского самопожертвования, которым нередко злоупотребляли в узкокорпоративных интересах.

Мистицизм, масонство, эзотеризм – формы мифотворчества, продукты иррационалистического мировосприятия, в котором отчетливо про-

²⁶ В силу исторических условий она была ближе к западной культуре и усвоила западное отношение к мифологии.

²⁷ Эта же волна в конце века принесет с собой в Россию и романтизм.

²⁸ Как отмечают современные исследователи русского масонства, во второй половине XVIII – начале XIX в. «столько выдающихся русских людей были масонами, что легче назвать тех, кто не принадлежал к Ордену» (Лейтон Л.Дж. Эзотерическая традиция в русской романтической литературе. Декабризм и масонство. СПб., 1995. С.39).

²⁹ См.: Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917; Довнар-Запольский М.В. Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1–2. М., 1914; Лопухин И.В. Масонские труды. Материалы по истории русского масонства XVIII в. М., 1913; и др.

являлась ведущая тема – игра Случая («карточной фортуны»). Объективная случайность, непредсказуемость единичных событий в динамике сложной многофакторной системы наделялись чертами inferнальности. Случайность трактовалась при этом двояко. Или как средство разрушения, хаотизации устоявшихся структур повседневности; или, наоборот, как способ преодоления их косности, стабильности посредством прорыва к новым возможностям и перспективам. Раскрывая истоки такого интереса к фактору случайности в русской литературе этой эпохи, Ю.М.Лотман писал, что, начиная с петровской реформы, «жизнь русского образованного общества развивалась в двух планах: умственного, философского развитие шло в русле и темпе европейского движения, а социально-политическая основа общества изменялась замедленно и в соответствии с другими закономерностями. Это приводило к резкому увеличению роли случайности в историческом движении»³⁰. Таким образом, для периода второй половины XVIII – начала XIX в. характерна общая тенденция ремифологизации отечественной духовной культуры, насыщения ее мифологическими образами и сюжетами, а вместе с тем – впервые – и значительного возрастания интереса к сущности и истории мифологии.

О степени распространения мифологических образов в отечественной культуре XVIII в. свидетельствует возраставшая потребность в издании словарей античной мифологии. Анонимный автор словаря античной мифологии в предуведомлении цель свою сформулировал так: «... Сей мой труд увеселения в чтении не сделает, а пользу принесет не малую как знающим чужестранные языки, так и не искусившимся в оных; ибо лексикон мифологический иметь не всяк почитает за нужное, а случающиеся в книгах имена, особливо языческих богов, делают читателю немалое затруднение и остановку в любопытстве, почему к удовольствию его препоручаю сию книгу»³¹. Для образованного человека XVIII в. античная мифология выступала громадным резервуаром образов, которым придавались символические смыслы (религиозного, морального, политического, идеологического, личностного характера), вызывавшие в его сознании вполне определенный круг значимых ассоциаций, а иногда и просто намеков, через которые толковались кон-

³⁰ Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1997. С.794.

³¹ Храм древности, содержащий в себе египетских, греческих и римских богов имена, родословие, празднества и бывшие при оных обряды, знатных древних мужей достопамятные дела и приключения. М.: Университетская типография Н.Новикова, 1784. С.4.

кретные события современной ему социально-политической, культурной, повседневно-бытовой жизни. Чтобы не отстать от жизни, действительно необходимо было время от времени почитать, а еще лучше – обстоятельно изучать мифологический словарь. Итак, только в XVIII столетии античная мифология стала значимым достоянием отечественной культуры и смогла выполнять в ней религиозные, культурные, идеологические, образовательные и воспитательные функции.

В вопросе о сущности мифологии отечественная теоретическая мысль не выходила за пределы концепций, распространенных в эпоху Просвещения в Западной Европе (эвгемеризм; миф как вредное заблуждение, созданное жрецами; миф как аллегория). Так, например, В.Н.Татищев трактовал мифологию в просветительском духе как вредное и пагубное заблуждение, изобретенное языческими жрецами: «Баснь есть достойная ума тогдашних времен, который древних достопамятных вещей к своим догадкам употреблял и догадки за подлинный слух издавал»³². На такой же позиции стоял и М.И.Попов: «Корыстолюбивые жрецы, прияв во власть свою народные умы, вовлекли их в пущую мглу невежества: дали идолам своим над человеками неограниченную власть помощи, и пагубы, и живота, и смерти...»³³. Самостоятельные разработки концепций мифа в отечественной литературе XVIII в. нами не выявлены; скорее всего, их не было.

В конце XVIII в. античная мифология приобрела еще одну функцию в отечественной культуре. Она стала тем образцом, по которому отмеряли и под который подгоняли накапливавшиеся эмпирические данные о славянской мифологии. В античной греко-римской мифологии долго усматривали тот канон, по которому должна быть скроена и наша собственная славянская мифология. Так античная мифология стала своеобразной «моделью» для развития нового направления отечественной научно-философской мысли – изучения и воссоздания славянской мифологии³⁴.

³² Татищев В.Н. *История Российская: В 7 т. Т.1. М.; Л., 1962. С.293.*

³³ Попов М.И. *Описание древнего славянского баснословия, собранного из разных писателей. СПб., 1768. С.IV.*

³⁴ *Из-за недостаточности эмпирических данных, многие из которых в силу своеобразия нашей истории утеряны, по-видимому, безвозвратно, вплоть до настоящего времени славянская мифология не воссоздана в той мере, в какой воссоздана и изучена античная мифология. В области славянской мифологии еще и сейчас полно лагун, заполнение которых сталкивается со значительными трудностями (См.: Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М., 1965;**

5. Первые отечественные мифографы

Интерес к славянской мифологии – относительно молодое явление в истории нашей культуры. Составители летописей гнушались сказаниями язычества и упоминали о них от случая к случаю с неизменной негативной оценкой. Историко-культурный и научно-теоретический интерес к отечественной мифологии возникает лишь во второй половине XVIII в. на гребне общеевропейской волны увлечения народной культурой и расцвета романтизма.

Развитие мировоззренческих и стилистических идеалов в русской культуре XVIII в. шло в направлении от классицизма к романтизму. Русский классицизм сформировался в петровскую эпоху – во многом по европейским канонам – и был пронизан свойственным ей пафосом гражданственности, идеями подчинения личности государству, стремлением к европеизации, «модернизации» повседневно-бытовых и культурных форм. Вместе с тем русский классицизм рядом черт отличался от западноевропейского, в частности тем, что широко обращался к сюжетам на национально-исторические темы (Сумароков, Княжнин и др.)³⁵. Эти сюжеты, с одной стороны, давали сатирическое обличение старины и традиционности, а с другой, – представляли отечественную древность как эпоху возвышенную, изображали ее сквозь призму идеалов героической античности или образов классической патриархальной идиллии. В такой же идиллическо-патриархальной манере изображался современный быт простонародья, приукрашенный, отлакированный и поддурманный.

Решительный поворот во второй половине XVIII в. общественного интереса в Западной Европе к народной культуре, ее истории, к произведениям народного творчества, к фольклору, национальной мифологии, постепенно распространяется и на Россию. Здесь в общественном сознании также формируются и утверждаются идеалы народности, возникает широкий интерес к народной культуре, народной старине, к фольклору, отечественной мифологии. В конце XVIII – начале XIX в. романтизм возглавил эту тенденцию и еще более ее усилил – придал ей мировоззренческий масштаб, разнообразил ее формы (и превалирующего мироощущения, и литературно-художественного стиля, и идиллического умонастроения).

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси; Он же. Язычество древних славян. М., 1981; и др.).

³⁵ *Детальнее см.: Коваленская Н.Н. Русский классицизм. М., 1964.*

Гениальная фальсификация Макферсона (1760)³⁶ оказала благотворное влияние на развитие идеи народности и в России³⁷. Она способствовала проникновению в русскую литературу интереса к мифологическим воззрениям народов Западной Европы, переместила этот интерес от греко-римской античной к мифологиям народов Запада и Севера Европы. Появились переводы английских баллад, ряд статей о литературе и мифологии народов Европы в различных периодических изданиях³⁸. Новые веяния постепенно пробивают себе дорогу.

В середине XVIII в. интерес к славянскому народному творчеству возникает сначала в самых общих декларативных, протонаучных формах, без какой-либо систематической методологии. Обращение к «поэзии нашего простого народа» как к источнику для изучения законов русского стихосложения возглавил Тредьяковский. В программе создания русского литературного языка (по западноевропейской, например французской, модели) с сознательной установкой на разговорную речь, на естественное употребление (писать как говорят), а не искусственные нормы церковнославянского языка уже потенциально была заложена ориентация на народное творчество и народную поэзию. Тредьяковский призывал видеть в народной поэзии один из важнейших источников новой национальной литературы и нового литературного языка. Это дало ему основания критически оценить роль церкви в истории русского языка. Он упрекал церковь за то, что в борьбе с язычеством она заодно объявила войну и «языческому стихосложению», лишив тем самым нас народных песен. Он считал, что народная поэзия имеет очень древнее и божественное происхождение; ее изобретателями были пастухи;

³⁶ *Собрание песен якобы принадлежавших «барду Оссиану... жившему и певшему свои песни в III столетии в горной Шотландии».*

³⁷ См.: Маслов В.И. *Оссиан в России (библиография)*. Л., 1928. – Даже Гоголь, глубоко понимавший и ярко, неповторимо выражавший народное творчество, верил в подлинность Оссиана.

³⁸ Мнение о том, что намек на увлечение Оссианом сохранился в известных строках Пушкина о Ленском, читавшем Онегину «отрывки северных поэм», Ю.М.Лотман считал необудительным (См.: Лотман Ю.М. «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. С.602). – Кстати сказать, Макферсон как фальсификатор фольклора в ту эпоху был не одинок. В начале XIX в. появлялось немало подобных и часто удачных фальсификаций. Одна из них – искусный подлог «древних» чешских песен Краледворской рукописи В.В.Ганкой в начале XIX в. Есть серьезные основания и для гипотезы (А.Мазон, А.Зимин и др.) о том, что в XVIII в. было создано и «Слово о полку Игореве» (См.: Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006).

впоследствии народно-поэтические произведения использовали языческие жрецы для укрепления своего господства; несмотря на многовековое негативное отношение к ним церкви, народная память тем не менее сохранила эти произведения.

Во второй половине XVIII в. народной поэзией интересуется уже широкий круг деятелей науки и искусства; народное творчество начинают ценить, уважать, его отдельные элементы пытаются перенести в профессиональную литературу и искусство. Вместе с тем на народную поэтическую старину (которая содержала пласты древней славянской мифологии) нередко еще смотрели не как на объект научного познания, а как на оригинальный источник литературно-художественных образов, способный дать новые формы и средства увлечения и увеселения читателя, при этом не лишенный вульгарности и площадности.

Обращение к народной культуре теснейшим образом переплетается с идеей историзма, с формированием исторического сознания, истории как науки. Исторические труды В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, И.Н.Болтина, Г.Ф.Миллера, М.М.Щербатова заложили предпосылки для дальнейшего развития отечественной истории, источниковедения, этнографии, фольклористики и др. Впрочем, источниковедческая, методологическая и мировоззренческая база этих первых исторических исследований была еще крайне слабой, а фольклорно-мифологический материал использовался крайне редко, эпизодически.

О необходимости строгого, объективного, «вне всякого произвола» изучения и толкования памятников и воззрений народа говорил И.Н.Болтин – самобытный мыслитель, историк, основоположник отечественной «философии истории». Активный деятель екатерининской эпохи, один из соратников Г.А.Потемкина, он хорошо знал не на словах, а на деле этнокультурное своеобразие почти всех регионов России. В Петербурге Болтин благодаря знакомству с графом А.И.Мусиным-Пушкиным (членом Российской Академии наук, обер-прокурором Синода, придворным консультантом Екатерины II по историческим вопросам) имел возможность пользоваться его обширной и ценной коллекцией рукописей исторического содержания. Он принимал участие в издании ряда из них (первой, 1792 г., была «Правда Русская иди Законе великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха»).

Болтин был хорошо знаком с народным бытом, народными преданиями и обычаями, народными песнями, пословицами, поверьями, памятниками народной поэзии и видел в них живые остатки, свидетельства минувших времен. Болтина отличает критическое отношение к эстетическим качествам былинных произведений, он усматривал в народ-

ном творчестве (например, в былинах об Илье Муромце, пирах князя Владимира и др.) классовые мотивы³⁹. Болтин смотрел на народное творчество прежде всего как на объект познания, а не эстетического наслаждения. В этнографическом изучении народов он видел путь к научному воссозданию их истории. Большое внимание он уделял сравнительному изучению языков и народного быта⁴⁰.

В широком общеевропейском русле освоения народного творчества и формирования исторического сознания возникает отечественное направление культуры, которое ориентировано на выделение из многогранного фольклорного комплекса особого пласта славянской мифологии. Первый опыт систематизации славянской мифологии и обрядности принадлежит М.Д.Чулкову⁴¹. Начатое им дело продолжили М.Попов, Г.Глинка, А.Кайсаров⁴². В их пионерских трудах выделены и получили первичную обработку отечественные и зарубежные источники сведений о древней славянской мифологии и обрядности, представлены первые попытки их анализа, систематизации и издания⁴³. Наши первые отечест-

³⁹ Песни «подлые», выражающие интересы черни, людей безграмотных, бродяг, нищих, слепых, «кои ходят по торгам, где чернь собирается».

⁴⁰ Детальнее см.: Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Т.1. СПб., 1897; Пытин А.Н. Русская наука и национальный вопрос в XVIII в. // Вестник Европы. 1884. Т.III.

⁴¹ Михаил Дмитриевич Чулков – личность исключительно колоритная. Выходец из социальных низов, актер театральной труппы Федора Волкова, студент Московского университета. В 1769 г. начинает литературную деятельность, приступает к изданию сатирического журнала «И то и сию». Успешно продвигался по чиновничьей лестнице, был на хорошем счету у Екатерины, получил дворянское звание. Один из тех, кто закладывал основы отечественной экономической науки.

⁴² А.С.Кайсаров считал, что «создание национальной мифологии является одним из звеньев общего патриотического дела» (Азадовский М.К. История русской фольклористики. Т.1. М., 1958. С.132), включения русской литературы в единый общеевропейский литературный поток. Кайсаров, друг Жуковского, учился в Московском и Геттингенском университетах. В 1806 г. А.Кайсаров защитил диссертацию на тему «О необходимости освобождения рабов в России». Был профессором русского языка и словесности, затем деканом историко-филологического отделения Дерптского университета. Личность яркая, творческая, с обостренным чувством гражданственности. Во время Отечественной войны 1812 года инициировал создание походной типографии. Погиб в 1813 г., действуя в составе «летучего отряда».

⁴³ Глинка Г. Древняя религия славян. Митава, 1801; Кайсаров А. Мифология славянская и

венные мифографы реконструировали древнерусскую мифологию, прежде всего руководствуясь чувством патриотизма и здоровой научной соревновательности. Общая установка была совершенно определенной: если существовали древнегреческая, древнеримская мифологии, национальные мифологии европейских народов, то должна существовать и древнерусская мифология. Мысль совершенно справедливая, но на первых порах она воплощалась гипертрофированно, с большим количеством «перегибов», крайностей и др.

В этих ранних мифографических работах славянская мифология воссоздается не столько как объект научного исследования, сколько как область художественно-литературного творчества. В поэтической древности народа усматривается прежде всего арсенал необычных образно-поэтических средств для увеселения и удивления читателя. При этом авторы даже не всегда стремятся к объективной передаче материала. Они считали возможным включать в сборники и свои собственные сочинения, выполненные, как сейчас бы сказали, «в стиле ретро». К тому же была совершенно не разработана методологическая база таких исследований. Не было опыта обращения с первоисточниками, к ним относились еще весьма поверхностно и подчас даже легкомысленно.

Главная проблема состояла в отсутствии надежных источников славянской языческой и мифологической традиции. Источники, из которых черпались образы древнеславянских богов, носили внешний, вторичный, поздний характер, а нередко вообще были весьма сомнительного качества⁴⁴. Поэтому в этих первых работах по древнеславянской мифологии наряду с действительными образами мы встречаем и множество мнимых образов славянских богов⁴⁵, которые либо создавались богатой фантазией первых отечественных мифографов, либо заимствовались из германских и скандинавских мифологий. Над авторами довлели каноны древнегреческой мифологии, трактованной как идеал, на который

российская. М., 1807; Попов М. Древности славянскія или приключенія славянских князей. Т.1–3. М., 1770–1771; Он же. Описание древнего славянского языческого баснословия. СПб., 1786; Чулков М.Д. Абвега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. М., 1786; Он же. Словарь русских суеверий. М., 1782.

⁴⁴ Среди них труд Прокопия «О войне с готами» (VI в.), «Хроника» Титмара Мерзенбургского (начало XI в.), «Деяния гамбургских епископов» Адама Бременского (середина XI в.), работа Гельмольда «Славянская хроника» (середина XII в.) и др.

⁴⁵ Баламир, Гассан, Доброд, Световид, разные Лады и Лели и др.

надо равняться⁴⁶. И потому пантеон мнимых древнеславянских богов дополнялся классическими образами древнегреческой мифологии – Аполлоном, Эриниями, Эротом, Кипридами и пр. За божества часто принимались даже междометия, сопровождавшие народные обряды, песни. Кроме того, назначения богов непосредственно выводились из этимологии их имен.

Первые отечественные систематизаторы народного творчества, славянские мифографы во многом действуют еще «на ощупь», руководствуются не рационально-теоретическими, а ценностными установками, что и определяло значительные субъективные различия в их позициях. Так, например, М.И.Попов и М.Д.Чулков считали, что поскольку народная поэзия создавалась в древние, грубые и жестокие языческие времена, то в цивилизованный век необходимы и вполне допустимы исправления ее вульгарностей, разногласий, введение «меры в стихах» и т.п. На этом основании они переделывали стихи, переписывали их расположение, вставляли или убрали отдельные мысли и т.д. Это соответствовало романтическим мировоззренческим установкам того времени: подделки и фальсификации трактовались не как стремление к сознательному обману читателя, а как субъективная (а иногда и мистериальная) попытка личностного воссоздания духа национальной древности, приближения к ней, прочувствования и переживания ее. Именно так появляются талантливые подделки восточнославянской мифологии, например «гимна Бояна» в «Свитке первого века» (на мнимо старославянском языке), в подлинность которого верил даже Державин.

Таким образом, в первых трудах отечественных мифографов восточнославянская мифология как отдельный качественно своеобразный объект научно-рационального познания еще не выделился в полной мере. Такое выделение здесь только намечается, фиксируются отдельные стороны, свойства этого объекта. Субъект еще не противопоставляет себя объекту: он считает возможным произвольно влиять на объект, изменять, модифицировать его. Научно-теоретическое отношение к объекту здесь еще не вполне отделялось от художественно-эстетического. Не продумана методология анализа, вопросам методологии уделялось крайне недостаточное внимание. Это вызвано, в частности, тем, что в XVIII веке в отечественной культуре еще слабо развиты средства и методы рационального познания, общественное сознание не освоило нормы научной, философской и художественно-эстетической

⁴⁶ *Одна из первых попыток увидеть в славянской мифологии полное подобие античной принадлежит Яну Длугошу в его «Истории Польши» (ок. 1460 г.).*

критики⁴⁷. Разумеется, такое положение дел в изучении славянской мифологии не могло длиться долго; спустя четверть столетия оно поднялось на качественно новый, более высокий уровень.

Первая волна интереса к народному творчеству спала в самом конце XVIII столетия. В XIX век Россия вступила со всем багажом традиций предшествующего столетия. В первое десятилетие XIX в. народно-поэтические произведения встречаются в журналах крайне редко. Но уже с половины 20-х годов ведущие журналы вновь со вниманием относятся к русской народной поэзии и вообще к этнографическому и фольклорным материалам, в том числе и к славянской мифологии.

6. П.М.Строев как основоположник отечественной философии мифологии

1812 год был особым рубежом, узловым и решающим моментом русской истории. Победа в Отечественной войне вызвала подъем национального самосознания, русского национального духа. Вновь оказались востребованными высокие национальные чувства, осмысление национально-культурных начал в истории. Обострению интереса к истории народа и его культуры немало способствовал также выход в свет в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина. Карамзин как бы вновь открыл историю России. Он значительно расширил эмпирическую базу исторического исследования, опирался на оригинальные исторические источники, документы (Троицкую, Лаврентьевскую, Ипатьевскую летописи, Двинские грамоты, судебники и др.). Написанный ярким образным доступным языком, научный труд Карамзина был одновременно и выдающимся явлением художественной литературы. Он воссоздавал не только канву исторического процесса, но судьбы и характеры людей, исторических деятелей и имел колоссальный успех у образованной публики всех слоев русского общества. Однако основные интересы Карамзина лежали в области политической, а не духовной истории. Потому вопросы славянского язычества были затронуты им в самой незначительной степени. Он лишь устранил из славянской мифо-

⁴⁷ *Суровая, но не лишенная объективности оценка отечественной философской (т.е. критической, рационально-теоретической) мысли XVIII в. дана Г.Г.Шпетом. «...Восемнадцатый век не оставил новому ни философского наследства, ни даже философского завета. Деятельный век и свою приобретательскую, и свою творческую работу должен был наладить собственными усилиями» (Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Первая часть // Сочинения. М., 1989. С.96).*

логии некоторые мнимые божества, созданные буйной фантазией отечественных мифографов XVIII в. Глубокого анализа народной культуры, мифопоэтического творчества славян он не осуществил, оставив эту задачу своим последователям.

В 20-е годы XIX столетия в России получает распространение шеллингизм. Одна из важнейших сторон творчества Ф.Шеллинга – систематизация философии мифологии романтизма, создание символической теории мифа. Поэтому распространение шеллингизма закономерно приводит и к попыткам углубления представлений о природе мифологии, о своеобразии языка, его качественных отличиях от христианства. Так, например, о лекциях учившегося в Германии кантианца и шеллингизма профессора А.И.Галича «злые языки» говорили, что в них он предпочитает «язычество христианству, распутную философию девственной невесте христианской церкви, безбожного Канта самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому»⁴⁸. Преподавательская деятельность Галича была недолгой. Он не был глубоким самостоятельным мыслителем; но дух времени чувствовал и пытался его выразить, правда, подчас весьма «невыдержанным слогом», что стоило ему профессорской кафедры.

Интерес эпохи (мировоззрение которой не освободилось вполне от мистериальных, inferнальных элементов) к образам и сюжетам древнерусской мифологии и фольклора воплотил в своем художественно-поэтическом творчестве А.С.Пушкин⁴⁹. А.С.Пушкин любил русскую народную старину, рассказы о прошлых временах; с громадным вниманием относился к народным преданиям, народной поэзии, сказкам, фольклору. В течение многих лет он разыскивал (в основном из вторичных источников) и собирал фольклорные и мифологические сюжеты, образы, символы и др. Среди них:

и таинственный образ «мирового дерева» над морем («У лукоморья дуб зеленый...»),

и образ беса в «Сказке о попе и его работнике Балде», волшебный «остров Буян»,

и прекрасная «царевна Лебедь» в «Сказке о царе Салтане»,

и вещи «золотой петушок» и «золотая рыбка»,

и предсказатель судьбы хозяина «конь ретивый»,

и «волшебное зеркало», и «семь богатырей», и «три дороги на распутье», и т.д.

⁴⁸ Сухомлинов М.И. *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т.1. СПб., 1889. С.328.*

⁴⁹ Миллер В. *Пушкин как поэт-этнограф. М., 1899.*

Велики заслуги А.С.Пушкина перед отечественной наукой о славянской мифологии. Причем не только в сборе и художественной переработке фольклорно-мифологического материала, но и в широком распространении в общественном сознании интереса к изучению народной поэзии, сказочного фольклора, мифологии. В первой трети XIX в. он, по сути, был «мотором» этого процесса, его лидером.

Фольклорно-мифологические интересы Пушкина, отдавшего свою дань масонству, гармонично сочетались с присущими ему творчеству чертами инфернальности, поиском мифопоэтических форм там, где рациональные средства осмысления ему казались недостаточными. Среди таких мистериальных образов и сюжетов – игра Случая, карточной фортуны, непредсказуемость случайных событий, в частности в системе межличностных отношений. Непредсказуемость всегда настораживает, она опасна. Ведь за ней открывается возможность хаотизации мира, нарастания в нем зла и недоброжелательности. Об этом и говорит и (взятый из «Новейшей гадательной книги») символический эпиграф к «Пиковой даме»: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность».

Важную роль в развитии отечественной фольклористики и зарождении изучения славянской мифологии сыграл «Румянцевский кружок» – блестящая плеяда ученых, объединившаяся вокруг графа Н.П.Румянцева⁵⁰. Румянцевский кружок поставил перед собой выдающуюся задачу. А именно: через изучение архивов, проведение этнографических исследований, археологических раскопок исследовать, сохранить и донести до широкой общественности сведения об отечественной истории, прошлом нашей Родины. Этот кружок был первым в России крупным центром археографии, на базе которого была образована Румянцевская (впоследствии Ленинская, а сейчас Российская государственная) библиотека. Румянцевский кружок положил начало цикла публикаций и изучения материалов по вопросам славянской этнографии, фольклора мифологии. Здесь закладывалась традиция научного, рационально-критического анализа фольклорных произведений, разграничения в фольклорном памятнике народно-поэтического вымысла и исторической реальности. Благодаря деятельности Румянцевского кружка сло-

⁵⁰ *Н.П.Румянцев (1754–1826), сын полководца П.А.Румянцева-Задунайского, государственный деятель, канцлер, выдающийся дипломат, много лет жил в Европе и хорошо знал ее культуру. Возвратившись в Россию, Николай Петрович много сил и энергии отдал развитию отечественной науки, организации и финансированию научных изысканий, перенесению западноевропейского опыта исторических исследований, их организации на российскую почву.*

жился массив фактуально-эмпирических предпосылок возникновения отечественной философии мифологии; здесь же во многом сформировались и теоретико-методологические ее основания.

Одним из ярких представителей этого кружка был Павел Михайлович Строев (1796–1876). Он со студенческих лет проявлял склонность к источниковедческой работе, студентом стал членом кружка графа Н.П.Румянцева. В течение всей своей творческой жизни П.М.Строев занимался археографическими исследованиями. Они состояли в основном в изучении книгохранилищ и архивохранилищ больших старинных монастырей. Именно монастыри являлись древнейшими центрами письменности и располагали большими рукописными фондами. Строеву удалось обнаружить многие ценнейшие памятники древнерусской истории и письменности, в том числе славянский текст хроники Георгия Амартола, «Изборник Святослава» (1073), Судебник Ивана III, Софийский временник и др.⁵¹ По сути П.М.Строев – создатель русской археографии. Но он был не только хорошим археографом, но и широко мыслящим исследователем с теоретическим складом ума. С самого начала своей творческой деятельности он задумывался не только над методическими вопросами сбора эмпирического материала, но и над теоретико-методологическими проблемами изучения древнейших пластов народной культуры, в том числе славянской мифологии.

В 1815 г. вышла в свет книга молодого еще исследователя-археографа П.М.Строева «Краткое обозрение мифологии славян российских», в которой представлена первая в отечественной культуре попытка разработки философско-методологических принципов изучения славянской мифологии («баснословия») и народного фольклора. В этой работе впервые в истории российской науки развернута критическая оценка предшествующего опыта славянской мифографии и поставлен вопрос о необходимости разработки теоретических принципов научно-философского исследования славянской мифологии.

Автор подчеркивает, что первые исследователи восточнославянской мифологии так, в сущности, ее специфику и не отразили; они смешали ее с мифологиями других народов: «Все новейшие писатели славяно-русской мифологии... причисляют обыкновенно к божествам славяно-русским таких, которых они совсем не знали, но которые почитались другими славянскими народами (поляками, германскими славянами и т.п.)»⁵². И в другом месте он с иронией развивает эту мысль: «...Эти

⁵¹ См.: Барсуков Н. Жизнь и труды П.М.Строева. СПб., 1878.

⁵² Строев П. Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. С.16–17, прим.

Услады, Купалы, Зиметерлы, Полелы, Дашубы, Диды, Лады, Лели и проч. и проч., о коих столько до сих пор говорено было, существовали, кажется, в одном воображении повествовавших о них писателей. Они думали, что у славян непременно должно существовать быть ни больше ни меньше богов, сколько было их у греков и римлян, и для того старались заменить вымышленными, на словопроизводстве основанными именами тех богов, о коих не находили никаких известий»⁵³. Он подчеркивает мысль о том, что настало время зафиксировать специфику именно славянорусской мифологии.

Мировоззренческие позиции П.М.Строева и его взгляды на истоки мифологии вполне традиционные для того времени. На них лежит печать несомненного влияния немецкого романтизма. Он смотрит на мифологию сквозь призму христианской доктрины об исходном монотеизме человека. Мифология для него – это собрание языческих, неразвитых мнений о едином Боге. «Собрание языческих мнений о Боге называется мифологиею», – пишет он⁵⁴. И объясняет появление таких мнений неразвитостью, непросвещенностью сознания древних людей: «Люди, будучи от природы уверены в непреложном бытии существа Высочайшего, управляющего миром, стараются отыскивать его всюду: всякое впечатление, сильно действующее на их чувства, каждое явление Природы, благотворное, или вредное его действие – все заставляет их подразумевать что-то необыкновенное, сверхъестественное. Таковые понятия о Существе Высочайшем или Боге всегда бывают сообразны со степенью просвещения народов. Пребывающие еще в младенчестве имеют религию нелепую, простую и весьма ограниченную; часто все богопочитание состоит в поклонении дереву, камню или какому-нибудь животному. Но коль скоро они начнут выходить из первобытной дикости, понятия их о Божестве мало-помалу распространяются; от предметов чувственных переходят они в область отвлеченного; пороки и добродетели получают тогда названия богов и принадлежности, им свойственные. Поэзия наиболее способствует распространению понятной Религии, ибо Стихотворцы, в жару своего восторга, видят во всех действиях сверхъестественные силы»⁵⁵.

Каждый народ имеет свою собственную мифологию, свои нравы, свой образ жизни, свою религию. Все это определяется в значительной мере местоположением народа. Поэтому и славянская мифология – это самобытное явление, которое нельзя искусственно сближать с древне-

⁵³ Там же. С.41–42, прим.

⁵⁴ Там же. С.5.

⁵⁵ Там же. С.5–6.

греческой, античной мифологией, – отмечает Строев. Более того, он высказывает вполне обоснованное предположение, что даже «каждое племя Славян имело *собственную* свою мифологию»⁵⁶.

Строев поднимает проблему разграничения собственно славянской мифологии от немецкой, финской, татарской, отмечая при этом, что очень часто славянскую мифологию «растворяют» в мифологиях соседних народов. А это стало возможным потому, пишет он, что «мы имеем весьма слабое мнение о баснословии Славян... Славянская литература образовалась поздно. Скорое распространение христианской веры разрушило идолопоклонство и вместе с оным лишило нас языческих стихотворцев, кои могли бы украсить свою мифологию и доставить о ней надлежащее сведение»⁵⁷.

По его мнению, многобожие возникает как результат приобщения к основному Богу производных и дополнительных богов. Он пишет, что «Перун был главнейшим и, по всей видимости, единственным богом первобытных Славян»⁵⁸. Но постепенно с распространением первобытных верований в Перуна славянская мифология обогащается новыми богами: «Религия Славян, состоявшая сначала в поклонении одному Перуну, или богу-громовержцу, с продолжением времени легко могла распространиться»⁵⁹ среди других племен и подключить к себе их богов, введя в славянский пантеон Велеса – покровителя стад, Стрибога – бога войны, Борея – бога ветров и др. Кроме высших богов, в славянскую мифологию входили и образы «низшей мифологии»: «славяне почитали также нимф, духов горных и лесных. Предания о русалках, ведьмах... леших, домовых и водяных демонах и поныне еще существуют»⁶⁰ в народном сознании.

В заключение своего небольшого обзора Строев подчеркивает его первоначальный и предварительный характер и выдвигает задачу дальнейшего изучения славянской мифологии как в ее истории, так и в быту народа. Он пишет: «Пусть будущий писатель мифологии славянорусской дополнит и исправит сей слабый и несовершенный мой опыт. Желательно было бы также, чтобы кто-нибудь обратил внимание на нынешние игры простого народа, на суеверные обряды и обычаи сельских жителей, в коих, по всей вероятности, осталось весьма много языческо-

⁵⁶ Там же. С.16.

⁵⁷ Там же. С.9.

⁵⁸ Там же. С.23.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 33.

го»⁶¹. Строев совершенно справедливо указывает на то, что наука о славянской мифологии должна начинаться с формирования исходного массива эмпирических данных. Они еще не все погибли в пучине времени, многое сохранилось в памяти народа, и его еще можно собрать и восстановить. Он сетует, что мифографы XVIII столетия в этом отношении сделали недостаточно как по объему, так и по качеству, смешав исходные фактуальные эмпирические данные с порождениями своей собственной фантазии.

Несмотря на небольшой объем и во многом эскизный характер данной (и забытой уже) работы П.М.Строева, тем не менее именно 1815, год выхода ее в свет, можно считать началом зарождения отечественной философии мифологии. В этой работе Строева впервые поставлены философско-методологические проблемы изучения восточнославянской мифологии.

Во-первых, необходимость проведения демаркационной линии между научно-рациональным и художественно-эстетическим отношениями к мифологии. Во-вторых, выделение восточнославянской мифологии как специфического объекта научного исследования, отделения его от мифологий других народов и культурно-исторических ареалов. В-третьих, установка на дальнейшее накопление фактуально-эмпирических данных и выявление в многообразном этнографическом и фольклорном материале остатков древней восточнославянской мифологии. В-четвертых, осознание необходимости дальнейшей разработки теоретико-методологических установок исследования восточнославянской мифологии как особого, специфического объекта науки о сущности мифа.

Таким образом, период накопления эмпирических и теоретических предпосылок философии мифологии в России перерос в процесс ее непосредственного становления, начиная с работы П.М.Строева «Краткое обозрение мифологии славян российских» (1815), и продолжался вплоть до возникновения «мифологической школы» в отечественной фольклористике (1840–1850-е годы). Эта школа вышла за границы частных теоретических обобщений, касающихся лишь славянской мифологии, и поднялась до понятийных абстракций всеобщей теории мифа. Ее блестящие наработки и достижения мирового уровня не потеряли своего значения вплоть до нашего времени.

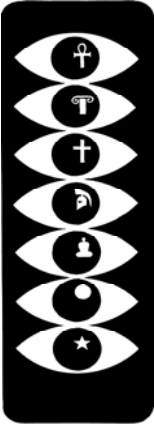
⁶¹ Там же. С.42–43.

Теорий имеется более чем достаточно; в истории суть проблемы не бывает теоретической ... Возьмем падение Римской империи или Гражданскую войну в Америке; причины – на виду и в полном беспорядке; нужна ли нам доктрина, указывающая, как собрать механизм и какая деталь идет сначала, а какая – потом? Будет ли синтез ошибочным, если механизм собран не в том порядке? Все происходит иначе. Сложность истории в том, что она выводит на сцену тысячи или миллионы субстанций и что практически невозможно проследить за каузальным

движением, рассматривая каждую из них в отдельности... А мелкая деталь, из-за которой все меняется, часто проскальзывает сквозь сеть подобного лаконизма. В истории все происходит, как в политике: сложность не в том, чтобы сочинить декрет или составить план, а в том, чтобы осуществить их.

Поль Вен

Оксана Киянская

П.И.ПЕСТЕЛЬ НА СЛЕДСТВИИ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The following article is dedicated to revision of the main aspects of Decembrist's secret societies history. Its author argues that usual to many scholars as well as readers ideas about secret societies are based on the conception created by the Southern society leader Pavel Pestel during interrogation. It had little resemblance to reality. This conception presented Decembrist movement as an endless ideological debate, complicated by bloody regicide projects. Pestel's conception suited him well to hide the real preparations to the seizure of power, leaded by him. It also suited well the new emperor, permitting him to hide from Europe the army's corruption and to justify hard sentences to the accused. The article points out, that the classical Decembrist studies had reached a deadlock, and needs complete rethinking.

¹ В документах сохранена старая орфография.

**СЛЕДСТВЕННЫЕ ПОКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Исследователи, занимающиеся изучением движения декабристов, неоднократно обращали внимание на сложность работы с самым важным источником по истории тайных обществ – со следственными показаниями участников этих обществ. Источник этот огромен: следственные показания декабристов в 1925 году начал публиковать М.Н.Покровский, затем продолжила М.В.Нечкина и ее ученики². Многие документы следствия до сих пор не опубликованы. Они хранятся в 48-м, «декабристском», фонде Государственного архива Российской Федерации.

Материалы следствия стали доступны ученым в 1905 году, когда открылись засекреченные прежде архивы. 1905 год знаменовал рубеж в истории декабристovedения: оно вышло на профессиональный уровень, перестало довольствоваться лишь мемуарами и устными преданиями участников тайных обществ и антиправительственных выступлений 1820-х годов. Но с тех пор прошло более столетия, а исследований, анализирующих логику следствия над декабристами в целом, крайне мало. Среди работ, написанных в годы Советской власти и специально посвященных этой теме, следует назвать, прежде всего, большую статью М.Н.Гернета «Процесс декабристов и уголовная практика Николая I»³, монографии М.В.Нечкиной⁴ и В.А.Федорова⁵.

Советские историки, изучая материалы следствия, сделали очень много. Они, например, опровергли кочевавшие в декабристских мемуарах свидетельства о повальном «героизме» подследственных на допросах, осветили организацию следственного процесса, дали характеристики отдельным следователям, подробно описали деятельность Верховного

² *Восстание декабристов. Документы и материалы (Далее – ВД). Т.1–20. М. (Л.; М.), 1925–2001. Не имеют отношения к следствию над декабристами лишь два тома этой многотомной серии: в 7-м томе (М., 1958) академически издана «Русская Правда» П.И.Пестеля, 8-й том (М., 1925) представляет собой персональный справочник членов тайных обществ.*

³ *В переработанном виде эта статья вошла в книгу: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т.2. М., 1961.*

⁴ *Нечкина М.В. Следственное дело А.С.Грибоедова. М., 1982.*

⁵ *Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами. М., 1988.*

уголовного суда, вынесшего декабристам приговоры. И доказали, что ответ на поставленный следствием вопрос напрямую зависел от тактики, которую избирал для себя тот или иной арестованный заговорщик, от его душевного состояния в момент ответа на вопрос, от условий его содержания, от методов, применявшихся на допросах, и т.п. И иногда тактика подследственных оказывалась весьма эффективной, как это было, например, в случае с А.С.Грибоедовым. Грибоедову, бывшему вполне в курсе дел тайного общества, удалось не только избежать наказания, но и получить «оправдательный аттестат» и сделать незаурядную дипломатическую карьеру.

Исследования, проведенные Гернетом, Нечкиной и Федоровым, убедительно показали: изучая феномен декабризма, пользоваться только следственными делами арестованных заговорщиков вряд ли возможно, поскольку подследственные пытались всеми возможными способами скрыть или приуменьшить значение компрометировавших их фактов. К исследованию необходимо привлекать другие группы источников, в частности служебные документы заговорщиков. И только этот путь сможет пролить свет на истинные планы «деятелей 14 декабря», на то, каким образом они пытались претворить свои идеи в жизнь.

Однако историки, работавшие в советской парадигме, не могли противоречить насаждавшейся в историографии концепции «трех этапов освободительного движения», согласно которой декабристы были первыми русскими революционерами, предтечей большевиков. Следствие рассматривалось советскими историками как борьба «хороших», «передовых» декабристов и «плохих», «консервативных» их противников: «Запертые в казематах Петропавловской крепости, находясь в тяжелейших условиях физического и морального воздействия со стороны мощной репрессивной машины самодержавия с ее вековым опытом сыска и дознания, декабристы продолжали единоборство против царских следователей и судей, защищая в показаниях и письмах на имя царя благородство своих идеалов и поступков»⁶.

Соответственно, и Гернет, и Нечкина, и Федоров пишут о том, что следствие по делу о «тайных злоумышленных обществах» было предвзятым, а приговор участникам этих обществ – заранее предрешенным. За спиной следователей стоял император Николай I, лично определявший ход дознания и заставлявший добиваться от подследственных нужных показаний.

⁶ Там же. С.2.

Император Николай I

Такой подход не дает ответы на важнейшие вопросы, неизбежно возникающие при анализе следственных дел: если концепцию следствия разработывал сам император, то откуда он вдруг мог априорно оказаться в курсе большинства фактов из истории тайных обществ? Почему следствие задавало декабристам те или иные вопросы? Почему многое из того, чем реально занимались участники антиправительственного заговора, осталось за рамками следственного процесса? Почему к следственным действиям не привлекались свидетели: друзья и сослуживцы арестованных, а все в итоге свелось лишь к допросам обвиняемых?

Можно предположить, что М.В.Нечкина понимала недостаток подобной концепции, и именно поэтому в ее обобщающем двухтомном труде следствию над участниками тайных обществ посвящено всего несколько страниц⁷.

В постсоветскую эпоху была написана только одна работа, в которой осмысляется логика следствия в целом; статья эта принадлежит перу Н.Д.Потаповой. Пытаясь выявить эту логику, Потапова обоснованно утверждает: «полученные в ходе этого дела показания» нельзя рассматривать как «независимые свидетельства, совпадение которых якобы указывает на их объективность, а несовпадение – на субъективные попытки обмануть следствие».

Однако в статье Потаповой, на первый взгляд, совершенно свободной от всякого идеологического диктата, много общего с советскими работами. Подобно Гернету, Нечкиной и Федорову, исследовательница считает, что «дело» декабристов было – по заданию императора Николая I – полностью сфабриковано следствием. Правда, в выводах она идет гораздо дальше своих предшественников: по ее мнению, тайных декабристских организаций вовсе не существовало, тайные общества – выдумка следствия⁸.

Такой вывод, конечно же, противоречит другим источникам: мемуарам декабристов и их современников, эпистолярному наследию, целому

⁷ Нечкина М.В. *Движение декабристов*. Т.2. М., 1955. С.391–399.

⁸ Потапова Н.Д. *Что есть истина? // Исторические записки*. М., 2000. №3 (121). С.322–323.

комплексу служебных документов арестованных заговорщиков. Поэтому и согласиться с концепцией, предложенной Потаповой, весьма сложно.

Совсем недавно, в начале 2006 года, была опубликована небольшая, но интересная работа А.Г.Готовцевой⁹. В этой статье впервые предпринимается попытка проследить этапы формирования правительственной концепции движения декабристов, выявить эволюцию воззрений правительственных пропагандистов (и прежде всего Д.Н.Блудова) на причины того, что произошло в Петербурге 14 декабря 1825 года. Если в первых правительственных сообщениях гвардейский мятеж в столицах изображался делом рук людей «гносного вида во фраках», то несколько недель спустя он уже стал осмысляться как результат деятельности неких тайных обществ. Сведения об этих обществах накапливались и в итоге были сведены в главный итоговый документ следствия – «Донесение следственной комиссии».

Недостаток работы Готовцевой в том, что, ведя разговор о правительственной концепции развития заговора декабристов, автор анализирует прежде всего газетные материалы. При этом следственные показания декабристов должным образом не изучаются, хотя и в отношении этих показаний исследовательнице удалось сделать ряд ценных замечаний.

В предлагаемой сегодня читателю статье на основе анализа следственных показаний декабристов делается попытка ответить на неизбежно возникающие в работе над показаниями декабристов непростые вопросы; понять, как на самом деле складывалась правительственная концепция развития тайных обществ; кто и когда сформулировал ее впервые.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА: ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ

К 14 декабря 1825 года Николай уже понимал, что гвардейский мятеж в столице вспыхнул не случайно; он был связан с деятельностью неких загадочных тайных обществ. Достаточно подробные сведения об этой подготовке он получил 12 декабря от начальника Главного штаба И.И.Дибича. В донесении Дибич обобщал все

⁹ Готовцева А.Г. *Официальная пресса о декабристах: этапы формирования правительственной версии* // *Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Чернігів, 2006. Вип.33.*

известные ему доносы на тайные общества и результаты агентурных разысканий, предпринятых в связи с этими доносами.

Тогда же, 12 декабря, к Николаю явился гвардейский поручик Яков Ростовцев с собственноручным письмом, в котором, в частности, содержались следующие слова: «Противу Вас должно таиться возмущение, которое вспыхнет при новой присяге, и, может быть, это зарево осветит конечную гибель России! Государственный Совет, Сенат и, может быть, гвардия будут за вас; военные поселения и отдельный Кавказский корпус решительно будут против. Об двух армиях ничего не умею сказать. Пользуясь междоусобиями, Финляндия, Грузия, Польша, а может быть, и Литва от нас отделятся. Европа вычеркнет раздираемую Россию из списка держав своих и соделает ее державою азиатскою, и незаслуженные проклятия, вместо должных благословений, будут вашим уделом»¹⁰. Не ставя перед собою задачу выяснять здесь степень правдивости этого письма и цель его написания, отметим, что оно было способно сильно напугать претендента на престол.

Мятеж был подавлен, но атмосферу тревоги и страха это не разрядило. Согласно полученным императором сведениям, заговорщики были везде: в гвардии, в 1-й и 2-й армиях, дислоцированных на юге и западе России, на Кавказе, в военных поселениях. Не было никаких гарантий, что примеру трех гвардейских полков не последуют другие войска. В письме к Константину, составленному 14 декабря, по горячим следам событий, Николай заметит: «Я надеюсь, что этот ужасный пример послужит к обнаружению страшнейшего из заговоров, о котором я только третьего дня был извещен Дибичем»¹¹.

Спустя несколько дней после восстания император заявил французскому посланнику П.-Л.Лаферронэ: «Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут – слишком много; но с вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования...»¹². Однако Николаю I предстоял долгий путь по выявлению «вожаков» и «зачин-

¹⁰ Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу... // *Декабристы. Биографический справочник*. М., 1988. С.312.

¹¹ *Междоусерствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи*. М.; Л., 1926. С.145.

¹² *Русский вестник*. 1893. №4. С.14.

щиков», по выяснению того, чем же на самом деле был внезапно открывшийся «страшнейший из заговоров».

Раскрыть этот заговор молодому императору было жизненно необходимо: объяснений произошедшего от него ждали собственные подданные и, что самое важное, ждала Европа. В глазах Европы, да и России, права Николая на престол были весьма сомнительными: законный наследник престола, цесаревич Константин Павлович, так и не прислал официального отречения, 14 декабря 1825 года заговорщики выступили под лозунгом защиты интересов Константина. Предстояло переубедить общественное мнение, доказать, что имя Константина для заговорщиков было лишь ширмой, за которой скрывались совсем другие идеи и планы. От того, насколько продуктивен будет разговор с обществом, напрямую зависела судьба самого Николая.

Д.Н.Блудов

Формирование правительственной концепции произошедшего на Сенатской площади началось сразу же после восстания. В ночь с 14 на 15 декабря император (по рекомендации Н.М.Карамзина) призвал к себе литератора и чиновника Министерства иностранных дел Д.Н.Блудова. Именно ему была поручена роль главного пропагандиста правительственной концепции следствия. На следующий день в официальной газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилось написанное Блудовым первое сообщение о произошедших событиях.

Изучая это сообщение, А.Г.Готовцева пришла к выводу: уже в нем интуитивно нащупана некая пропагандистская схема, которая потом станет краеугольным камнем официальной концепции развития тайных обществ. Схема эта, названная исследовательницей «схемой Блудова», состояла в следующем: «откровенно врать было невозможно, но и говорить всю правду тоже не следовало. Информацию нужно было давать, но преподносить ее следовало только в официальной трактовке, никаких иных толкований не допускающей. Истинные масштабы заговора, как и политические лозунги заговорщиков, следовало, по возможности, скрывать. Нужно было также проводить постоянную градацию участников, не забывая при этом выделять группу "заблудших", которым обязательно следовало декларировать "прощение". И, конечно же, венцом этой схемы становился постулат о "преданности" русских людей

"законной монархии". При этом незыблемым было и право Николая I на занятие престола»¹³.

С этим мнением исследовательницы следует согласиться, добавив только, что в ночь после восстания ни Блудов, ни Николай I еще не обладали никакой положительной информацией о произошедшем, плохо представляли себе «политические лозунги» восставших – кроме, конечно, «константиновского» лозунга, звучавшего на Сенатской площади.

Тогда же, в ночь с 14 на 15 декабря 1825 года, в Зимнем дворце начались первые допросы арестованных заговорщиков. Вопросы, которые власть – в лице самого императора, генерала К.Ф.Толя, а затем генерала В.В.Левашова – задавала арестантам, касались, прежде всего, тайного общества. И связи этого общества с «печальным происшествием» 14 декабря.

Правда, в первые дни после восстания следователям многого достичь не удалось. Арестованный на Сенатской площади князь Д.А.Щепин-Ростовский, штабс-капитан Московского полка, обошел молчанием прямой вопрос о собственной принадлежности к обществу. Он сообщил, что причина восстания – готовность офицеров-москвовцев «пролить последнюю каплю крови за императора Константина»¹⁴. Эта версия – о том, что 14 декабря заговорщики действовали во имя цесаревича, – была на первых порах самым удобным способом скрыть правду о заговоре. И потому большинство арестованных участников мятежа поначалу излагали именно ее.

«Я принял намерение после кончины государя Александра Павловича... что я сам собою, присягнув раз, присягать более никому не хотел без личного повеления моего императора», – показывал князь Е.П.Оболенский, руководивший на площади восставшими войсками. И добавлял, что эту мысль разделяли его «знакомые», вышедшие вместе с ним на Сенатскую площадь¹⁵. Штабс-капитан Московского полка М.А.Бестужев утверждал, что он действовал во имя «удержания на престоле великого князя Константина Павловича, которому он присягал», а о тайном обществе ничего не знает¹⁶. Его брат А.А.Бестужев,

¹³ Готовцева А.Г. Указ. соч. С.77.

¹⁴ ВД. Т.1. М.; Л., 1925. С.393.

¹⁵ Там же. С.223.

¹⁶ Там же. С.479.

адъютант герцога А.Виртембергского, поведал, что 14 декабря собирался «испросить у его высочества личного и словесного отречения»¹⁷.

Первым, кто дал показания о тайном обществе, был известный петербургский литератор, отставной подпоручик и один из руководителей заговора К.Ф.Рылеев. Арестованный в ночь с 14 на 15 декабря и сразу же допрошенный, он показал, что тайное общество в столице «точно существует». Тогда же следствие узнало и о существовании общества на юге: «Я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество. Надо взять меры, дабы там не вспыхнуло возмущения»¹⁸. Ничего более конкретного на эту тему следствие от Рылеева не добилося. В следующем, данном через несколько дней, показании он добавит: «На счет южного общества подробностей, более того что показал, не знаю; но полагаю, что оно из сильнейших в России»¹⁹, – и сообщит, что, по его сведениям, руководит обществом на юге полковник Пестель.

Это показание позволило следователям сформулировать названия тайных организаций: общество на юге, «около Киева», превратилось в Южное общество, петербургская, «северная» организация вскоре стала Северным обществом. Названия эти закрепились в вопросах следствия и ответах подследственных, потом перешли в историографическую традицию. Но сведения, полученные от Рылеева, никоим образом не устраивали власть, желавшую получить подробные показания о возникновении, развитии и целях этих обществ.

СЕРГЕЙ ТРУБЕЦКОЙ И ЕГО ПОКАЗАНИЯ

В первые некую связную картину развития заговора – причем заговора, предопределившего восстание на Сенатской площади, – следствие получило 23 декабря. Картина эта принадлежала перу полковника князя С.П.Трубецкого.

Князь Сергей Петрович Трубецкой, не вышедший в день восстания на Сенатскую площадь, – один из самых загадочных и противоречивых деятелей декабризма. И в источниках, и в историографии за ним прочно

¹⁷ Там же. С.427.

¹⁸ Там же. С.151.

¹⁹ Там же. С.155.

закрепилось клеймо изменника. «Князь Трубецкой должен был принять начальство на Сенатской площади. Он не явился, и, по моему мнению, это главная причина всех беспорядков и убийств, которые в сей несчастный день случились», – показывал Рылеев на первом допросе²⁰. М.В.Нечкина называла Трубецкого «вождем, изменившим революции в самый решительный момент», и утверждала, что «параллель» этой измене «нелегко найти в истории общественного движения»²¹. Н.М.Дружинин был уверен: Трубецкой 14 декабря «пал до положения политического предателя»²².

С.П.Трубецкой

Современные исследователи не столь категоричны в оценке поведения несостоявшегося диктатора. Они склонны верить самому Трубецкому, неоднократно утверждавшему – и на следствии, и в мемуарах, – что он не должен был руководить войсками на площади²³. Согласно, например, авторитетному мнению Я.А.Гордина и М.М.Сафонова, накануне восстания в декабристской среде существовали два параллельных плана его проведения: план Трубецкого и план Рылеева. План Рылеева, направленный на захват Зимнего дворца и цареубийство, не устраивал осторожного

политика Трубецкого, однако находил поддержку среди молодых заговорщиков – гвардейских офицеров, единственной реальной опоры организаторов восстания. 14 декабря Трубецкой не участвовал в восстании именно потому, что не хотел реализовывать рылеевский план²⁴.

Анализируя показания Трубецкого, следует признать: распространенное мнение о том, что на первых же допросах диктатор сломался, раскаялся и выдал все планы заговорщиков, в корне неверно. Все его

²⁰ Там же. С.151.

²¹ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.2. С.280–281.

²² Дружинин Н.М. С.П.Трубецкой как мемуарист // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С.361.

²³ Видимо, впервые на это указала В.П.Павлова (См.: Павлова В.П. Декабрист С.П.Трубецкой // С.П.Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.1. Иркутск, 1983. С.42).

²⁴ Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Л., 1989. С.337.

показания, с самого начала до самого конца следствия, – смесь полуправды с откровенной ложью. Трубецкой боролся за собственную жизнь, боролся с немалым упорством и изобретательностью. Боролся, несмотря на явно враждебный настрой следователей, на постоянные обвинения во лжи и прямые оскорбления на допросах. И в борьбе этой он, в конце концов, вышел победителем. Князь остался в живых: его фамилия открывала список приговоренных к вечной каторге.

Трубецкому, арестованному в ту же трагическую ночь с 14 на 15 декабря, пришлось на первых порах очень нелегко. В тонкости его взаимоотношений с Рылеевым следователи вникать не собирались и, идя вослед показаниям поэта, сразу же возложили на него главную ответственность за события на Сенатской площади. «Известно, что при гибельном происшествии 14-го декабря вы обязаны были начальствовать. Объясните: кем, где и когда вы для сего избраны: ибо без предварительных совещаний невозможно было принять команду и никто не стал бы вам повиноваться. После совещания, когда началось действие, чтобы склонить войски к предположенной цели, и по каким причинам к собравшимся сообщникам вы не явились в предназначенное время?» – так формулировался один из первых вопросов, адресованных следствием князю²⁵. Первоочередной задачей Трубецкого было отвести от себя подобные подозрения.

Кроме того, Сергею Петровичу предстояло скрыть от следствия свой реальный «план действий», который он на самом деле собирался реализовывать в декабре 1825 года. По некоторым косвенным сведениям и случайным оговоркам диктатора, план этот заключался в том, чтобы одновременно организовать два восстания – в Петербурге и на юге. Главным своим сторонником в Южном обществе Трубецкой видел близкого друга, подполковника Черниговского пехотного полка С.И.Муравьева-Апостола, руководителя Васильковской управы южан. Согласно позднейшим показаниям Муравьева-Апостола, они с Трубецким решили «начинать действие, не пропуская 1826-й год», и «по сему решению» Северное общество должно было «принять свои меры»²⁶.

На юге же восстание начинал 3-й пехотный корпус, в состав которого входил Черниговский пехотный полк и в котором служило большинство членов Васильковской управы. Во главе корпуса становился со-

²⁵ ВД. Т.1. С.12.

²⁶ ВД. Т.4. М.; Л., 1927. С.284.

П.И.ПЕСТЕЛЬ НА СЛЕДСТВИИ

председатель управы, подпоручик М.П.Бестужев-Рюмин, который должен был вести солдат «на Москву, увлекая все встречающиеся войска». Сергей Муравьев-Апостол отправлялся в Петербург, где ему «вверялось» командование гвардией. Выступление было запланировано на лето 1826 года. Однако непредвиденные обстоятельства: смерть императора Александра I и неразбериха с престолонаследием – заставили Трубецкого принять решение о досрочном выступлении.

Декабристы. Восстание Черниговского полка (Художник Т.Назаренко)

13 декабря диктатор отправил Муравьеву-Апостолу письмо с просьбой о военной поддержке²⁷. Трубецкой не знал, дошло ли его письмо по назначению. Однако письмо могло дойти, васьковский руководитель мог предпринять какие-то шаги по организации восстания. Поэтому необходимо было дать ему шанс хотя бы попытаться воплотить их общие идеи в жизнь, убедив следствие, что подполковник никакой опасности для государственной власти не представляет.

Главным противником Трубецкого в последние годы существования тайных обществ был председатель Директории Южного общества полковник П.И.Пестель. О судьбе Пестеля Трубецкой тоже не знал, не знал,

²⁷ ВД. Т.1. С.20, 48 и др.

в частности, что уже 13 декабря Пестель был арестован. Зато диктатор прекрасно знал, что Пестель вынашивает план как две капли воды похожий на его собственный: одновременное восстание в Петербурге и на юге. От восстания, поднятого Пестелем, Трубецкой почти ничего не выигрывал: в случае победы Пестель не собирался делиться властью с кем бы то ни было, а тем более с политическими оппонентами. Поэтому, начиная игру со следствием, Трубецкой, судя по его показаниям, решил пожертвовать руководителем Южного общества.

Версия, которую Трубецкой предложил следствию в первых развернутых показаниях, датированных 23-м декабря, состояла в следующем. Тайное общество было создано с нравственной и очень благородной целью: «Цель была – подвизаться на пользу общую всеми силами, и для того принимаемая правительством меры или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально», «способствование правительству к приведению в исполнение всех мер, принимаемых для блага государства». Кроме того, люди, которые входили в тайное общество, были по большей части людьми хорошими и очень нравственными²⁸. При этом были сообщены и некоторые подробности о «благородном обществе»: о том, что образовалось оно в 1816 году, затем, в 1818 году, было реформировано. Были названы и многие фамилии участников этих организаций.

Однако, по его словам, «во всяком подобном обществе, хотя бы оно первоначально было составлено из самых честнейших людей, непременно найдутся люди... порочные и худой нравственности», которые испортят прекрасные замыслы. И в данном случае такие люди нашлись, вернее, нашелся один человек – Пестель.

По словам Трубецкого, Пестелю было все равно, какой будет Россия в будущем – монархией или республикой. Пестель был злым и жестоким человеком, который стремился лишь к диктаторской власти и ради этой власти был готов на все. В том числе и на цареубийство: «Он обрекал смерти всю высочайшую фамилию... Он надеялся, что государь император не в продолжительном времени будет делать смотр армии, в то же время надеялся на поляков в Варшаве, и хотелось ему уговорить тож исполнить и здесь»²⁹.

Подтверждая свою мысль об особой кровожадности Пестеля, Трубецкой впервые рассказал на следствии о знаменитых «объединитель-

²⁸ Там же. С.23, 21.

²⁹ Там же. С.26.

ных совещаниях», инициированных Пестелем в Петербурге весной 1824 года. Согласно его показаниям, Пестель планировал объединить южную и столичную организации на условии «беспрекословного повиновения» «управляющим членам». Трубецкой утверждал, что на случай победы заговорщиков у южного руководителя уже есть готовая республиканская «конституция», что Пестель планировал после победы революции передать власть временному правлению, «которое должно состоять из пяти директоров, облеченных во всю верховную власть на неопределяемое время, которое может продолжиться многие годы».

«Выслушав таковой вздор, я уведомил наших членов, что Пестель бредит», – констатировал Трубецкой.

Рассказал князь и о том, чем закончились эти совещания: Пестель «вышел, сказав, что стыдно будет тому, кто не доверяет другому и предполагает в другом личные какие виды, что последствие окажет, что таковых видов нет»³⁰.

Собственно, цель общества в столице, как и личная цель Трубецкого, согласно его показаниям, состояла в противодействии Пестелю. Не будь его, все заговорщики давно бы разошлись и 14 декабря бы не случилось. Пестель, который был арестован за день до восстания и не в столице, а в Тульчине, в штабе 2-й армии, оказывался таким образом главным виновником событий на Сенатской площади.

Трубецкой резюмировал: «Я имел все право ужаснуться сего человека, и если скажут, что я должен был тотчас о таком человеке дать знать правительству, то я отвечаю, что мог ли я вздумать, что кто б либо сему поверил; изболочить его я не мог, он говорил со мною глаз на глаз. Мне казалось достаточною та уверенность, что он без содействия здешняго общества ничего предпринять не может, а здесь я уверен был, что всегда могу все остановить — уверенность, которая меня теперь погубила»³¹.

«Злому» Пестелю Трубецкой резко противопоставлял «мирного» Сергея Муравьева-Апостола. Князь старательно внушал следователям, что, пока Пестель на свободе, брать под стражу Муравьева опасно. Муравьев, по его, Трубецкого, собственной просьбе, «наблюдает» за Пестелем на юге и не дает ему реализовать ужасные планы; васильковский руководитель поклялся, «что если что-нибудь Пестель затеет делать для

³⁰ Там же. С.14–15.

³¹ Там же. С.27.

себя, то всеми средствами ему препятствовать»³². По его словам, Муравьев-Апостол «Пестеля ненавидит» и – единственный среди южных заговорщиков – не только хочет, но и может противостоять его злодейским замыслам³³.

А.Г.Готовцева справедливо утверждает: именно вследствие «откровений» Трубецкого 5 января в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось новое сообщение о ходе следствия, по всей вероятности, опять-таки написанное Блудовым. «Схема Блудова, – утверждает Готовцева, – в полной мере отражается и в этой статье. Теперь, когда власти казалось, что в ее руках собраны все нити злодейского заговора, можно было прямо заявить о его существовании. Собственно, само слово *заговор*, как и словосочетание *тайное общество*, впервые возникают на газетных страницах именно 5 января. Читателю открывают существование разветвленной организации – тайного общества, давно готовившего заговор». По словам Готовцевой, эту статью характеризует «победная интонация» – уверенность в том, что все «злодейские ковы» разрушены³⁴.

Однако совсем скоро следователи получили возможность убедиться, что «откровениям» Трубецкого доверять нельзя не только в целом, но и в частностях. 5 января 1826 года, одновременно с выходом «победной» статьи, в столицу пришло известие о восстании Черниговского полка, вызвавшее в правительственных кругах приступ панического ужаса. Узнав страшную новость, Николай I писал Константину Павловичу: «Не могу не опасаться, как бы Полтавский полк, командуемый Тизенгаузеном, который еще не арестован, а также Ахтырский гусарский и конная батарея, командиры которых тоже должны были быть арестованы, не присоединились к восставшим. Князь Волконский³⁵, который поблизости, если он еще не арестован, вероятно, присоединится к ним. Таким образом наберется от 6 000 до 7 000 человек, если не окажется честных людей, которые сумеют удержать порядок»³⁶. Руководил восстанием Сергей Муравьев-Апостол.

³² Там же. С.15.

³³ Там же. С.34.

³⁴ Готовцева А.Г. Указ. соч. С.78.

³⁵ Имеется в виду генерал-майор С.Г.Волконский, командовавший в начале 1826 года 19-й пехотной дивизией.

³⁶ *Междоусерствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С.174.*

Очевидно, именно поэтому версия Трубецкого не была принята в качестве правительственной концепции развития тайных обществ. Полную победу над «злодейскими ковами» торжествовать оказалось рано, тем более что 3 января 1826 года в столицу привезли главного «злодея», командира Вятского пехотного полка полковника Павла Пестеля.

ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ И НИКОЛАЙ I

На всех этапах существования тайных декабристских организаций Павел Пестель был признанным их лидером. Он обладал выдающимися способностями политического мыслителя: его перу принадлежала знаменитая «Русская Правда» – проект послереволюционного устройства России. По роду своей служебной деятельности Пестель был разведчиком и контрразведчиком: выполнял сложные задания в тылу противника, следил за «настроением умов» в полках, нейтрализовывал армейских вольнодумцев – тех, которые так или иначе оказывались на его пути. Иными словами, Пестель был настоящим политиком – волевым, жестоким и прагматичным³⁷.

П.И.Пестель

Поэтому вполне естественно, что, будучи арестованным по доносу собственного подчиненного, капитана Вятского полка А.И.Майбороды, сдаваться и рассказывать правду о заговоре он не собирался. На первом допросе в Тульчине полковник отговаривался полным незнанием о тайном обществе. И сообщал, что «никогда не был членом ни гласного, ни тайного ученаго общества в России» и поэтому не знает «ни название, ни цель, ни занятия такового»³⁸.

Пестеля, как особо опасного преступника, привезли в Санкт-Петербург в цепях. В этот же день состоялась его беседа с Николаем I – один на один, без свидетелей. Император приказал расковать узника и запомнил эту встречу на всю жизнь. В позднейших мемуарах он напишет: «Пестель был злодей во всей силе слова, без

³⁷ См. об этом подробнее: Киянская О.И. Пестель. М., 2005.

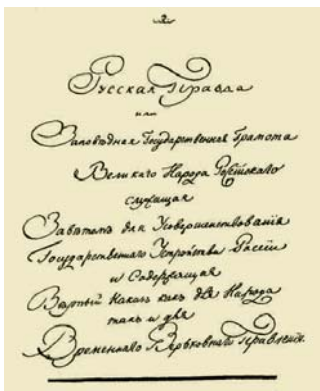
³⁸ ВД. Т.4. С.48–58.

малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в запирательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг»³⁹.

Вряд ли когда-нибудь найдутся документы, проливающие хотя бы некоторый свет на содержание этой беседы. Попытаюсь здесь восстановить ее основные моменты, отдавая себе отчет в том, что это всего лишь реконструкция.

Прежде всего, обращает на себя внимание фраза императора о том, что в Пестеле он обнаружил «дерзкую смелость в запирательстве». Фраза эта написана монархом много лет спустя после восстания и казни главного «изверга». И она на первый взгляд противоречит фактам: известно, что следственное дело руководителя Южного общества самое большое по объему среди декабристских следственных дел.

На допросах Пестель не молчал, в Петербурге он отказался от тактики запирательства и дал подробные показания. Недаром сын декабриста И.Д.Якушкина Евгений, обобщая устные рассказы выживших заговорщиков, писал: «В следственной комиссии он (Пестель. – О.К.) указал прямо на всех участвовавших в обществе, и ежели повесили только пять человек, а не 500, то в этом нисколько не виноват Пестель: со своей стороны он сделал все, что мог»⁴⁰.

«Русская Правда» П.И.Пестеля.
Титульный лист

Вывод может быть только один: император знал, что показания Пестеля весьма далеки от истины. И что полковник сумел скрыть те факты из собственной конспиративной деятельности, которые – по тем или иным причинам – скрыть хотел.

Как и Трубецкому, Пестелю было что скрывать. Как показали недавние архивные разыскания, готовя государственный переворот, Пестель бестрепетно использовал безграничное доверие к себе главнокомандующего 2-й армией пожилого генерала П.Х.Витгенштейна, не гнушался шантажом и подкупом непосредственных началь-

³⁹ Междуцарствие 1825 года... С.33.

⁴⁰ Якушкин Е.И. Замечания на «Записки» («Моя Журнал») А.М.Муравьева // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С.143.

ников, пытался воспользоваться не только полковыми средствами Вятского полка, но и бюджетом 2-й армии. При этом основную ставку Пестель делал отнюдь не на тайное общество: реальная подготовка к реальному восстанию шла в недрах 2-й армии, в сферу собственных интересов Пестель включил немало влиятельных в армии офицеров и генералов⁴¹.

Очевидно, что император, в отличие от позднейших исследователей, понимал, что военный заговор должен быть подготовлен соответствующими средствами. И поскольку Пестель был во 2-й армии одним из самых влиятельных офицеров, пользовался поддержкой главнокомандующего и начальника армейского штаба генерала П.Д.Киселева, состоял в одном заговоре с армейским генерал-интендантом А.П.Юшневским, то, скорее всего, монарху нетрудно было предположить, что ставку арестованный заговорщик делал именно на эту армию. Об осведомленности Николая I о роли 2-й армии в тактических разработках Пестеля может свидетельствовать и то, что в конце 1820-х годов, когда страсти, связанные с раскрытием заговора, улеглись, армия эта вообще была расформирована.

Очевидно, что, беседуя с императором 3-го января, Пестель не раскрыл ему все карты – иначе бы монарх не усмотрел «запирательства» в его показаниях. Но Николай вряд ли в данном случае стремился любыми средствами добиться от Пестеля правды. Ему вовсе не нужно было показывать всему миру, что российская армия коррумпирована, плохо управляема, заражена революционным духом. Гораздо удобнее было представить декабристов как юнцов, начитавшихся западных либеральных книг и не имеющих поддержки в армии.

С другой стороны, Пестель, как и Трубецкой, хотел жить. И прекрасно понимал, что если следствие начнет раскрывать реальный военный заговор, опутавший всю 2-ю армию, выяснять, кто и как на самом деле готовил русскую революцию, то шансов остаться в живых у него практически не останется. Не останется шансов и у тех, кто помогал ему в реальной подготовке реальной революции: все же, согласно его собственным замечаниям, «подлинно большая разница между понятием о необходимости поступка и решимостью оный совершить», «от намерения до исполнения весьма далеко», «слово и дело не одно и то же»⁴².

⁴¹ См. об этом подробнее: Киянская О.И. Указ. соч.

⁴² ВД. Т.4. С.103, 112.

Очевидно, император в ходе встречи пообещал сохранить полковнику жизнь – иначе Пестелю не было смысла идти на сотрудничество со следствием. Нетрудно предположить, что взамен император потребовал от руководителя южан формулировку концепции развития тайных обществ. Концепция, которая устраивала бы власть и давала возможность, отвлекаясь от подготовки реальной военной революции, все же выявить и наказать «вожаков» и «зачинщиков» «страшнейшего из заговоров».

Своеобразным посредником между императором и узником стал, по всей видимости, член Следственной комиссии генерал А.И.Чернышев, который, собственно, и арестовал Пестеля в Тульчине. Историкам известны несколько писем Пестеля к Чернышеву, написанных в ходе расследования. В одном из них Пестель просит следователя познакомить его с «ходом нашего дела»⁴³.

П.И.Пестель
на допросе
(Рис. А.А.Ивановского)

Забегая вперед, скажу, что в итоге царь переиграл заговорщика. Исполнив свою роль, Пестель был казнен. Судя по показаниям и письмам полковника, он понял, что проиграл, очень скоро – примерно в конце января 1826 года. «Если я умру, все кончено, и один лишь Господь будет знать, что я не был таким, каким меня, быть может, представили», – эта фраза в одном из писем к Чернышеву потом будет дословно повторена в его показаниях⁴⁴. Однако Пестель был политиком и довел до конца начатую 3-го января непростую игру.

В первых показаниях (от 4 января), записанных генералом-следователем В.В.Левашовым, и в «прибавлениях», сделанных собственноручно несколько дней спустя, Пестель строит четкую схему ответов. Во-первых, он недвусмысленно сообщает о собственном членстве в тайном обществе: «В конце 1816 года или в начале 1817-го я узнал о тайном обществе от г-на Новикова, правителя канцелярии к[нязя] Репнина, и им был *в оное общество принят*» (Здесь и далее курсив мой. – О.К.).

⁴³ Там же. С.126.

⁴⁴ Там же. С.419; Штрайх С.Я. Декабрист П.И.Пестель. Новые материалы // Бьлое. 1922. №20. С.106.

Во-вторых, он предлагает хронологию событий: тайное общество возникло в 1816 г.; потом, «в 1817 и 1818 году, во время пребывания двора в Москве, общество сие приняло новое устройство»; а «в 1820 или 21 году оно общество по несогласию членов разошлось». Однако сам Пестель и его сторонники с роспуском не согласились: «Я был тогда в Тульчине, и, получа сие известие со многими членами, положили, что московское общество имело, конечно, право переобразования, но не уничтожения общества, и потому *решились оно продолжать* в том же значении. Тогда же общество Южное взяло свое начало и сошлось сей час с петербургским»⁴⁵.

В-третьих, его показания содержат сведения о внутреннем устройстве Южного общества, о его руководящих структурах: «Южная управа была предводима г. Юшневским и мною, а третьего избрали мы Никиту Муравьева, члена общества Северного, дабы с оным быть в прямом сообщении. Северной же думы члены были Никита Муравьев, Лунин, Н.Тургенев, а в скорое вместо онаго к[нязь] Оболенский, а вместо Лунина к[нязь] Трубецкой... Мой округ был в Тульчине, коему принадлежали... чиновники главного штаба. Другой же округ в сообщении с оным был в Василькове, под распоряжением Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина»⁴⁶.

Кроме того, Пестель рассказывает о других тайных обществах, существовавших в России, в частности, о Польском патриотическом обществе⁴⁷ и Обществе соединенных славян⁴⁸. Он заявил и о том, что, возможно, тайное общество существует и на Кавказе, в корпусе генерала А.П.Ермолова: «С корпусом генерала Ермолова не было у нас никакого сношения прямого; но слышал я, что у них есть общество... Все сии подробности извлек к[нязь] Волконский от Якубовича, который, несколько выпив, был с ним откровенен»⁴⁹.

⁴⁵ ВД. Т.4. С.79.

⁴⁶ Там же. С.80.

⁴⁷ «С польским обществом, коего Директория была в Дрездене, в сношении были мы чрез Бестужева-Рюмина и Сергея Муравьева... В 1825 году я сам был в сношении с князем Яблоновским и Гродецким, коих видел в Киеве» (Подчеркнуто мною. – О.К.) (ВД. Т.4. С.79).

⁴⁸ «Сказывал мне Бестужев-Рюмин, что он слышал о существовании тайного общества под названием Соединенные Славяне» (ВД. Т.4. С.82).

⁴⁹ ВД. Т.4. С.81.

Южный лидер отвергает версию Трубецкого о том, что участниками заговора двигали личные мотивы – и прежде всего мотив противостояния его собственным честолюбивым планам: «Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего – убедить дворянство сему содействовать, и от всего сословия нижайше об оном просить императора». Поздние общества хотели «*введения в государство конституции*»⁵⁰. Достичь же этого предполагалось с помощью военной силы.

Однако такая концепция не во всем устраивала власть: разговоры о формах правления не были запрещены законодательно, ими невозможно было оправдать будущие приговоры тем, кто непосредственно в мятежах не участвовал. Очевидно, следуя договоренности с Николаем, уже в первом своем показании Пестель признает царевубийство как «способ действий» участников тайных обществ; подробно рассказывает о «московском заговоре» 1817 г. «В 1817 году, когда царствующия фамилия была в Москве, часть общества, находящаяся в сей столице под управлением Александра Муравьева, решилась покуситься на жизнь государя. Жребий должен был назначить убийцу из сочленов, и оный пал на Якушкина. В то время дали знать членам в Петербурге, дабы получить их согласие, главнейшее от меня и Трубецкого. Мы решительно намерение сие отвергли, и дабы исполнение удержать, то Трубецкой поехал в Москву, где нашел их уже отставшими от сего замысла»⁵¹.

Согласно российским законам и, в частности, известному 19-му воинскому артикулу, умысел на царевубийство приравнялся к самому деянию.

ВЕРСИЯ ПЕСТЕЛЯ: ЗА И ПРОТИВ

Пестель давал показания, а в свете распространялись слухи об его «особых отношениях» со следствием. Такие сведения имел в своем распоряжении хорошо информированный А.И.Тургенев. В письме к брату-декабристу, политическому эмигранту Николаю Тургеневу, он отмечал, что в период следствия «слышал» о том, как «Пестель, играя совестью своею и судьбою людей, предлагал состав-

⁵⁰ Там же. С.79, 81.

⁵¹ Там же. С.81–82.

лять вопросы, на кои ему же отвечать надлежало»⁵². Впоследствии эти слухи дошли и до самих декабристов. Андрей Розен напишет в мемуарах: «Пестеля до того замучили вопросными пунктами, различными обвинениями, частыми очными ставками, что он, страдая сверх того от болезни, сделал упрек комиссии, выпросил лист бумаги и в самой комиссии написал для себя вопросные пункты: "Вот, господа, каким образом логически следует вести и раскрыть дело, по таким вопросам получите удовлетворительный ответ"»⁵³.

Трудно сказать, насколько эти слухи были верны в деталях, писал или не писал Пестель на самом деле для себя вопросы. Но можно утверждать, что сотрудничество руководителя Южного общества со следствием зашло весьма далеко. Не берясь анализировать весь огромный комплекс его показаний на следствии, замечу лишь одно: большинству тех, кого приводили на первый допрос после 4-го января, предстояло отвечать именно по той схеме, которую Пестель сформулировал в своем первом показании. Причем ответы других подследственных зачастую дословно совпадают с текстом показаний Пестеля. Причем эта дословность иногда просто шла вразрез со здравым смыслом.

Особенно близкими к пестелевским оказались датированные 20-м января первые петербургские показания Сергея Муравьева-Апостола, руководителя восстания Черниговского полка.

Сергей Муравьев-Апостол, единственный из заговорщиков, оказавший вооруженное сопротивление при попытке ареста и поднявший свой полк на восстание, был при подавлении этого выступления тяжело ранен. Его вина была очевидна, и в том положении, в котором он очутился, трудно было рассчитывать на благоприятный исход дела. Кроме того, на его совет была гибель на поле боя младшего брата Ипполита, который, собственно, и был послан Трубецким на юг в качестве курьера. При разгроме восстания был арестован и второй брат васьиловского руководителя, Матвей, давно разочаровавшийся в идеалах тайных обществ, но не пожелавший покинуть Сергея в критических обстоятельствах.

В отличие от Трубецкого и Пестеля, подполковник Муравьев-Апостол не надеялся на жизнь и не пытался сохранить ее. Похоже, прав биограф Муравьева, считавший, что на следствии мятежника, который «сам вынес себе приговор», заботило лишь одно: он старался уйти дос-

⁵² См.: Заозерский А.И. *Вторая оправдательная записка Н.И.Тургенева // Памяти декабристов: Сборник материалов. Т. II. Л., 1926. С.117.*

⁵³ Розен А.Е. *Записки декабриста. Иркутск, 1984. С.155.*

тошно, по возможности никого не скомпрометировав⁵⁴. На допросах подполковник особо подчеркивал, что «раскаивается только в том, что вовлек других, особенно нижних чинов, в бедствие, но намерение свое продолжает почитать благим и чистым, в чем один Бог его судить может, и что составляет единственное его утешение в теперешнем положении»⁵⁵.

Тактику, которую принял для себя Муравьев-Апостол в ходе следствия, хорошо иллюстрирует запись в журнале Следственной комиссии, датированная 5-м апреля 1826 года. Подполковник, «очевидно, принимал на себя все то, в чем его обвиняют другие, не желая оправдаться опровержением их показаний»⁵⁶. По-видимому, Муравьев-Апостол просто не желал вникать в предложенные ему следствием формулировки и зачастую просто машинально повторял их.

Он утверждал, что «*был принят* в тайное общество Никитой Муравьевым в Петербурге [в] 1817 году». Между тем формулировка «был принят», верная в отношении Пестеля, в данном случае не соответствовала действительности: Муравьев-Апостол входил в число основателей Союза спасения. И если Пестель действительно стал членом общества в конце 1816 – начале 1817 года, то для Муравьева-Апостола эта дата никак не могла быть верной: Союз спасения был образован в феврале 1816 года.

Сергей Муравьев в общих чертах повторяет предложенную Пестелем хронологию событий: «*во время пребывания двора в Москве общество в сей столице получило новое образование*», затем «*в 1821 году умножение членов в обществе произвело несогласие*» – и «*последствием было уничтожение общества*». Но «*Пестель, бывший тогда в Тульчине*, предложил продолжение онаго, тогда я пристал к Южному обществу». Стоит отметить, что в последнем утверждении Муравьев просто допускает фактическую ошибку: в начале 1821 года, когда Пестель организовал общество в Тульчине, он не входил во вновь созданную организацию. Членство в обществе он возобновил только год спустя, в 1822 году.

Повествование об иных существовавших в России обществах Муравьев ведет тоже во многом «по Пестелю». «Общество южное было в сношении с польским, с коим свел нас первоначально Хоткевич. Сие

⁵⁴ Эйдельман Н.Я. *Апостол Сергей. М., 1975. С.305–324.*

⁵⁵ ВД. Т.16. М., 1986. С.158.

⁵⁶ Там же. С.157.

состояло из главной *директориши в Дрездене* под начальством Хлопицкого и Княжевича... Сношение общества нашего с польским было, во-первых, чрез меня и Бестужева и началось с *Крижановским* в Киеве... В начале 1825-го года *Пестель как директор взял на себя сие сношение и имел оное чрез Яблоновскаго*». Говоря о тайном обществе в корпусе Ермолова, Муравьев-Апостол отмечает, что знает о нем «толко, что мне говорил *Волконский*, и сие заключается в одном его знакомстве с *Якубовичем*».

Намерения тайного общества, по мнению Муравьева, заключались в том, чтобы «*ввести в государстве конституционное правление*». Правда, в отличие от Пестеля, он считает, что это намерение существовало в обществе с момента его образования. И подтверждает, что конституцию вводить нужно было с помощью армии.

Рассказывает Муравьев-Апостол и о Московском заговоре 1817 года. «В тоже время разнесся слух, что Польша российская присоединяется к королевству. По сему предмету общество соединилось у фон-Визена. Присутствовали Александр Муравьев, фон-Визен старший, Якушкин, Матвей Муравьев, Никита Мурав[ьев] и я. Решено было скорей все предпринять, чем позволить сие отделение. Якушкин предложил истребить государя и получил согласие всех присутствующих. На другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим останавливал предпринятое действие, доказывая скудность средств к достижению цели. Мнение сие подействовало и намерение оставлено». В данном случае Сергей Муравьев не идет за показаниями Пестеля: он был непосредственным участником этого события, а Пестель только слышал о нем. Кроме того, Муравьев «припоминает» и еще несколько царевбийственных проектов.

Впрочем, у Муравьева-Апостола есть и некоторые расхождения с показаниями Пестеля, и прежде всего расхождения эти касаются описания структуры и руководящих органов Южного общества: очевидно, то, что показывал на эту тему Пестель, в чем-то следователей не устроило. Муравьев утверждал: «Окончательной состав сего общества был следующий. Три управы под начальством трех главных членов, общество же управлялось тремя директорами: Юшневским, Пестелем и под конец мною. Управы правого фланга под начальством В.Давыдова и Волконскаго, левого фланга под начальством моим и Бестужевым, центральное же под начальством Пестеля и Юшневскаго.

Место пребывания управ Каменка, Тульчин и Васильков»⁵⁷. Следует отметить, что именно в таком виде, разделенное на три управы (Каменская, Тульчинская и Васильковская) и руководимое тремя директорами, Южное общество появится на страницах итогового «Донесения следственной комиссии».

Очень много дословных совпадений с Пестелем и в показаниях других заговорщиков, особенно тех из них, кто входил в Южное общество. «В 1820 году я *взошел в тайное общество* в Тульчине: был принят Фон Визеном», – сообщал Сергей Волконский⁵⁸. «В 1819 или 1820 году я *был принят* в тайное общество Охотниковым в Киеве», – сообщал Алексей Юшневский⁵⁹.

Отвечая на вопрос о намерениях тайного общества, его участники показывали: «Намерение общества было *введение в государство представительное правление*. Средство достижения онаго было распространение отраслей общества и *склонение на сие вооруженной силы*» (Бестужев-Рюмин)⁶⁰; «Намерение общества было *вести в государстве конституцию*. Достигнуть оное полагали, *уверившись в военной силе*» (Юшневский)⁶¹. Кроме того, большинство из допрашиваемых после Пестеля сходным образом отвечало на вопрос о переговорах с Польским патриотическим обществом, о Кавказском обществе, о хронологии тайных обществ и о структуре общества Южного. Более того, именно эта схема, предложенная Пестелем на первом допросе, легла в основу больших вопросников, которые следствие предлагало каждому допрашиваемому.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы арестанты не предпринимали попыток сказать что-то свое, что не ложилось в канву, предложенную Пестелем. Но следствие такие попытки решительно пресекало.

В этом смысле показательна история с подпоручиком Полтавского пехотного полка М.П.Бестужевым-Рюминым, ближайшим другом Сергея Муравьева-Апостола и сопредседателем Васильковской управы. Бестужев-Рюмин участвовал в восстании Черниговского полка и, как и Муравьев, был арестован на поле боя с оружием в руках.

⁵⁷ ВД. Т.4. С.255–256.

⁵⁸ ВД. Т.10. М., 1953. С.102–103.

⁵⁹ Там же. С.185.

⁶⁰ ВД. Т.9. М., 1950. С.37.

⁶¹ ВД. Т.10. С.47.

Еще на юге, на одном из первых допросов, он просил позволения «написать государю»⁶². Сразу же по приезде в Петербург, 24 января, он был допрошен императором.

Как следует из письма, которое Бестужев написал Николаю I через два дня после этого свидания, заговорщик хотел рассказать своему монарху «все о положении вещей, об организации выступления, о разных мнениях общества, о средствах, которые оно имело в руках». «В мой план входило также говорить с Вами о Польше, Малороссии, Курляндии, Финляндии. Существенно, чтобы все то, что я знаю об этом, знали бы и Вы», – объяснял Бестужев-Рюмин императору. Интересно, что никто из декабристоведов до сих пор не отмечал близость этого бестужевского пассажа к письму Якова Ростовцева, столь испугавшему императора 12 декабря: «Пользуясь междоусобиями, Финляндия, Грузия, Польша, а может быть, и Литва от нас отделятся». При том, что никаких данных о знакомстве Бестужева-Рюмина с Ростовцевым нет.

Из того же письма явствует, что Николай I не оправдал надежд арестованного мятежника: его совершенно не интересовало мнение подпоручика «о положении вещей», император кричал на него, был «строг». Разговор с царем привел Бестужева-Рюмина «в состояние упадка духа».

В письме Бестужев просил Николая «даровать» ему еще одну встречу, потому что «есть много вещей, которые никогда не смогут войти в допрос; чего я не могу открыть вашим генералам, о том бы я сообщил очень подробно Вашему величеству»⁶³.

Однако второй аудиенции у царя Бестужев-Рюмин не получил и был вынужден договариваться с «генералами». И хотя в последующих показаниях он в целом придерживался нужной следствию версии, все же постоянно пытался дополнить ее чем-то своим, к этой версии не относящимся.

Так, в показании от 4 февраля он писал: «Можно подавить общее недовольство самыми простыми средствами».

Если строго потребовать от губернаторов, чтобы они следили за тем, чтобы помещичьи крестьяне не были так угнетаемы, как сейчас; если бы по судебной части приняли меры, подобно мерам великого князя Константина; если бы убавили несколько лет солдатской службы и потребовали бы от командиров, чтобы они более гуманно обращались с солдатами и были бы более вежливы по отношению к офицерам; если бы к этому им-

⁶² ВД. Т.9. С.37.

⁶³ Там же. С.42–43.

ператор опубликовал манифест, в котором он обещал бы привлекать к ответственности за злоупотребления в управлении, я глубоко убежден, что народ оценил бы более эти благодеяния, чем политические преобразования. Тогда тайные общества перестали бы существовать за отсутствием движущих рычагов, а император стал бы кумиром России»⁶⁴.

Несмотря на то, что показания Бестужева-Рюмина содержали не меньше имен и подробностей, чем, например, показания Пестеля или Сергея Муравьева-Апостола, почти три месяца – половину февраля, март и апрель 1826 года – заговорщик содержался в тюрьме в ручных цепях. Видимо, «многознание» Бестужева-Рюмина и желание поделиться этими знаниями с другими сыграло не последнюю роль и при вынесении ему смертного приговора.

СОВЕЩАНИЯ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Другой пример того, как следствие отсекало ненужные ему «откровения» арестованных, – истории с расследованием в отношении так называемых «петербургских совещаний» 1820-го года, одного из самых опасных для подследственных эпизода деятельности тайных обществ.

13 января 1826 года Пестелю был задан вопрос: «В чем именно заключались все различные и в разные времена предположенные цели, или намерения, и меры к исполнению их со стороны Северного и Южного обществ, и когда, в каких местах полагалось начать открытая действия?»⁶⁵

Отвечая на этот вопрос, Пестель, в частности, утверждал: «В начале 1820 года было назначено здесь, в Петербурге, собрание Коренной думы Союза благоденствия... Князь Долгоруков, по открытии заседания, которое происходило на квартире у полковника Глинки, предложил Думе просить меня изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений, с тем чтобы потом каждой член объявлял свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец после долгих разговоров было прение заключено и объявлено что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждой член говорил чего он желает: монарха или президента, а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а

⁶⁴ Там же. С.74.

⁶⁵ ВД. Т.4. С.92.

когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: *Le president – sans phrases*; то есть: президент без дальних толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елисавету Алексеевну.

Сие заключение Коренной думы было сообщено всем частным Думам, а в том числе и Тульчинской. С сего времени республиканские мысли начали брать верх над монархическими»⁶⁶.

В этом же показании Пестель назвал имена и других участников этого заседания: М.С.Лунина, И.П.Шипова, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, Никиту Муравьева и некоторых других членов Союза благоденствия.

Версию Пестеля полностью подтвердил Сергей Муравьев-Апостол. 1 февраля ему был задан вопрос, в котором дословно цитировалось показание руководителя Южного общества о совещаниях 1820-го года. Комитет требовал от Муравьева «откровенного и положительного показания ... кто именно находился в том совещании и кто как предлагал поступить с царствовавшим тогда государем и высочайшею фамилиею в случае несогласия на введение того или другого образа правления».

С.И.Муравьев-Апостол

Муравьев-Апостол в своем ответе цитирует предложенный ему вопрос и соглашается признать его содержание истинным: «На счет же совещания, бывшего на квартире у полковника Глинки, я помню, что действительно оно так происходило, что Долгорукий предложил Пестелю объяснить выгоды и невыгоды того и другого правления и что после сего изложения, когда стали собирать голоса, Н.Тургенев сказал (*le president sans phrases*), прочие же все, кроме Глинки, были того же мнения».

Кроме того, следствие просило подполковника рассказать о подобных совещаниях «в других местах», и Муравьев откликается на эту просьбу: «Помнится мне, что вслед за сим заседанием было другое и, если не ошибаюсь, на квартире у Шипова, в казармах Преображенского полка, где были все те же члены, кроме Глинки, гр. Толстого и, кажется,

⁶⁶ Там же. С.100–101.

Н.Тургенева, где в первый раз было говорено о цареубийстве и которое кончилось большим спором между Н.Муравьевым и Долгоруким и где по сему случаю ничто не было решено», «Н.Муравьев, говоря о средствах ввести в Россию народное правление, коснулся до необходимости смерти тогда царствующаго государя, против чего Долгорукий восстал, говоря, что он на сие никак не согласится, и вот от чего возник между ними спор»⁶⁷.

Эти показания Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола были крайне опасными для всех поименованных в них участников тайных организаций: принятое формально, большинством голосов решение о введении республиканского правления означало явное стремление к уничтожению существовавшего в России строя. Участие же в разговорах о цареубийстве для любого из заговорщиков могло завершиться смертным приговором.

Никто из поименованных следствием участников этих совещаний, кроме Сергея Муравьева, не подтвердил в полной мере данную Пестелем информацию. Наиболее решительно ее опровергал Ф.Н.Глинка: «На вопрос же о каком-то как бы торжественном и важном заседании, где трактовали о правлении для России, я ничего другого сказать не могу, как только то, что такого заседания не было»⁶⁸.

10 апреля между Пестелем и Глинкой была устроена очная ставка, на которой Пестель продолжал настаивать на своей версии событий. Глинка же стоял на том, что «показанного Пестелем совещания вовсе не было и что вообще, сколько он помнит, ни определительных собраний, ни правильных заседаний нигде не было, но что, когда он и некоторые из членов слушали курсы наук (означенных в ответах его) с намерением приуготовить себя к службе на пользу отечества, то, по удобности квартиры его, действительно заезжали к нему не более трех раз когда трое, когда четверо из членов так называемого отделения политических наук»⁶⁹. На очной ставке и Глинка, и Пестель остались при своих показаниях.

О том, что подобного собрания никогда не было, поведал в своих ответах и И.А.Долгоруков⁷⁰. «Что же касается до решения Коренной думы ввести в России таковое правление, то мне показалось бы нелепым и здравому смыслу противным, если бы в присутствии моем сия дума, составленная из нескольких молодых людей, не имеющих ни значи-

⁶⁷ Там же. С.290–291.

⁶⁸ ВД. Т.20. М., 2001. С.30.

⁶⁹ Там же. С.130.

⁷⁰ Там же. С.421–422.

тельной власти, ни влияния политического, приняла на себя делать определения или решения о введении в государстве обширном и сильном какого-либо нового образа правления», – показывал И.П.Шипов⁷¹.

Осторожнее других высказался Никита Муравьев: «Совещание сие, не имевшее никакого влияния на последующия соображения членов, бывшее во время самого изнеможения Союза благоденствия и незадолго до его разрушения, по тому самому и изгладилось было из моей памяти». Предложение же о царевубийстве, сделанное Пестелем, «все присутствующие члены, кроме меня, отвергли яко преступное, и, кроме того, все они доказывали, что злодейство сие неминуемым последствием иметь будет анархию и гибель России»⁷².

Если пытаться на основании всех этих показаний выяснить истину, представить, что же происходило в 1820 году на квартирах Глинки и Шипова, то, очевидно, следует признать: никаких формальных совещаний Коренной Думы там не происходило. Скорее всего, беседы насчет «выгод» и «невыгод» монархического и республиканского правлений и о царевубийстве как возможном методе введения республики происходили в неформальном, дружеском ключе; никаких обязательных для всего Союза решений при этом не принималось. Пестель же, работая над концепцией истории тайных организаций, всячески стремился придать подобным разговорам форму правильно организованных заседаний, закончившихся голосованием.

Подводя итоги своей работы, следствие в вопросе о Петербургских совещаниях примет именно точку зрения Пестеля. Для советских же историков показания руководителя Южного общества, подтвержденные к тому же руководителем одного из двух декабристских выступлений, окажутся вполне достаточными для того, чтобы никакие иные показания не брать в расчет. М.В.Нечкина в своем двухтомнике посвятила этим совещаниям особую главу под названием «Петербургское совещание 1820 г. и борьба за республиканскую программу», занявшую в книге более 30 страниц⁷³.

29 января 1826 года в печати появляется еще одно правительственное сообщение о ходе следствия, и автором его, по мнению А.Г.Готовцевой, снова был Дмитрий Блудов⁷⁴. Итогов расследования

⁷¹ Там же. С.247.

⁷² ВД. Т.1. С.312.

⁷³ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.1. М., 1955. С.270–302.

⁷⁴ Готовцева А.Г. Указ. соч. С.79.

«петербургских совещаний» в нем пока нет. Однако в статье излагается история тайных обществ, даются их названия, говорится о царевбийственных планах мятежников (особенно подробно излагались детали «Московского заговора») и об их попытках сочинить для России конституцию – все эти сведения следствие впервые получило именно из показаний Пестеля. Версия Пестеля причудливо переплеталась в этой статье со «схемой Блудова».

Следствие и далее шло по пути, предложенному Пестелем. Выяснялись хронология событий, политические взгляды заговорщиков и истоки этих взглядов, особенности конституционных проектов, тщательно исследовались споры, которые заговорщики вели между собою. От подследственных требовали – и получали – подробный рассказ обо всех царевбийственных проектах, которые обсуждались в тайных обществах за почти 10-летнюю их историю. Движение декабристов постепенно превращалось в идеологическое движение, осложненное только лишь кровожадными, но бесплодными попытками убить императора Александра I. 14 декабря все больше отрывалось от этого движения и все больше превращалось в нечто отдельное, из истории тайных обществ никак не вытекающее.

ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ И ДМИТРИЙ БЛУДОВ

Среди множества документов, так или иначе связанных со следствием над декабристами, существует один, на наш взгляд, самый важный. Это «Донесение следственной комиссии», составленное по итогам работы следствия все тем же главным правительственным пропагандистом – Д.Н.Блудовым⁷⁵.

«Донесение» много раз подвергалось критике советскими историками. С.Гессен называл его «тенденциозным и лживым до последнего знака препинания» документом⁷⁶. В декабристоведении этот тезис активно поддерживался и развивался. Так, например, В.А.Федоров усматривал «лживость» «Донесения» в том, что его составитель «замолчал либо грубо извратил» «благородные цели декабристов»⁷⁷. Однако историки забывали о том, что Блудов исполнял прямой заказ императора

⁷⁵ *Его императорскому величеству высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад // ВД. Т.17. М., 1980.*

⁷⁶ *Гессен С. Декабристы перед судом истории. Л.; М., 1926. С.12, 15.*

⁷⁷ *Федоров В.А. Предисловие // ВД. Т.17. С.8.*

Николая I. И этой своей установкой коренным образом отличался от них самих, живших в другое время и служивших иной власти. Трудно ждать от автора «Донесения» оценок сродни тем, которые давала декабристам, например, академик М.В.Нечкина. Там, где Блудов усматривал «злодеев», «людей незрелого ума» и сторонников «безначалия», Нечкина неминуемо должна была увидеть «первый этап освободительного движения».

Заседание Следственной комиссии (Рис. А.А.Ивановского)

Стоит учитывать также, что «Донесение» нельзя рассматривать как юридический документ. По меткому замечанию М.Н.Гернета, оно «ни в какой степени не отвечает требованиям следственного акта. В нем, как это ни удивительно, нет ни одной ссылки на какие-либо статьи закона»⁷⁸. Удивляться здесь не приходится: изначально предназначенное для открытой печати, «Донесение» было документом исключительно публицистическим.

Значение «Донесения следственной комиссии» – вовсе не в юридических или морально-нравственных оценках деятельности членов тайных обществ. Значение его в другом: на основании той самой схемы, которую Блудов разработал еще в своей первой статье, опубликованной на следующий день после восстания на Сенатской площади, а также версии, предложенной Пестелем, была сформулирована окончательная

⁷⁸ Гернет М.Н. *История царской тюрьмы. М., 1951. С.133.*

концепция событий, связанных с движением декабристов. И концепция эта закрепились как в общественном сознании, так и в последующей историографической традиции изучения деятельности тайных обществ.

Во-первых, «Донесение» утвердило хронологическую канву движения. Схема развития декабризма Союз спасения – Союз благоденствия – Северное и Южное общества – восстания в Петербурге и на юге была полностью принята исторической наукой. Во-вторых, вслед за Пестелем и Блудовым и современники, и историки повторяли и повторяют тезис о том, что движение декабристов было практически полностью идеологическим. О конституционных проектах в основном тексте не говорится, но в примечаниях утверждается: «Один проект Конституции написан Никитою Муравьевым. Он предполагал монархию, но оставляя императорскую власть весьма ограниченную... Другая конституция, с именем "Русской Правды" и совершенно в духе республиканском, есть сочинение Пестеля»⁷⁹.

В данном случае одним из главных фактов, подтверждающих преступность намерений заговорщиков, становятся петербургские совещания 1820 года. Обобщая показания заговорщиков насчет этих совещаний, Блудов признает, что не все они согласны с версией, предложенной Пестелем. Однако ход этих совещаний излагается «по Пестелю». «В начале 1820 года, как показывает полковник Пестель, было в Санкт-Петербурге собрание Коренной Думы... В сем собрании Пестель по вызову члена, исправлявшего должность блюстителя, исчислял выгоды и невыгоды правлений монархического и республиканского и после многих рассуждений собирали голоса; все, утверждает Пестель, объявили, что предпочитают республиканское правление: (между прочими Николай Тургенев следующими словами: «un Président sans phrases»), кроме одного полковника Глинки, который говорил в пользу монархического и предлагал вручить скипетр императрице Елизавете Алексеевне. Сие заключение Коренной управы, по уверению Пестеля, определено было сообщить всем другим, и он сообщил его Тульчинской; с тех пор, прибавляет он, республиканские мысли стали брать верх над монархическими»⁸⁰.

Окончательно формируя концепцию возникновения и развития тайных обществ, «Донесение следственной комиссии», конечно, несколько лукавило: ни из республиканских убеждений Пестеля, ни из конституционно-монархических воззрений Никиты Муравьева, ни даже из пе-

⁷⁹ ВД. Т.17. С.35.

⁸⁰ Там же. С.30.

тербургских совещаний 1820 года восстание на Сенатской площади напрямую не вытекало. И тот же Лунин иронически писал: «Достаточно, кажется, заметить, что заговор не длится десять лет сряду; что заговорщики не занимаются сочинением книг, дабы действовать словом и торжествовать убеждением... История народов всех времен не представляет сему примера»⁸¹. Но этого лукавства советские историки не поняли: большинство из них сводило «революционную тактику» декабристов именно к идеологии.

Еще один, третий тезис «Донесения», практически без изменений воспринятый советской исторической наукой, – тезис о царевубийстве как составной части этой самой декабристской «тактики». Описывая в подробностях все, даже случайные разговоры на эту тему, большинство из которых были почерпнуты именно из показаний Пестеля, автор «Донесения» старался представить членов общества «злодеями» и оправдать в глазах общественности тяжелые приговоры, в том числе и смертную казнь. И дать возможность царю отделить, наконец, «вожаков» и «зачинщиков» от «заблудших» и «непричастных».

Историки же, декабристам, конечно же, сочувствовавшие, рассуждали о царевубийственных проектах как о показателе «революционной зрелости» заговорщиков.

Декабрист (Художник В.В.Псарев)

⁸¹ Там же. С.73.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сказать: «классическое» декабристование, бравшее за основу изложенную в «Донесении» правительственную концепцию, зашло в тупик. Сегодня ясно, что разговоры историков о том, кто из декабристов и каким образом хотел убить царя – и в связи с этим те или иные морально-нравственные оценки, – совершенно бесплодны. Как бесплодно и продолжение впервые предпринятой в «Донесении» попытки сравнить «Русскую Правду» Пестеля с «Конституцией» Никиты Муравьева. Сегодня ясно, что, коль скоро декабристы хотели произвести в России революцию, они задумывались (просто не могли не задумываться!) над источниками ее финансирования. Что идеологические споры в декабристской среде играли гораздо более скромную роль, чем личные отношения участников тайных организаций. И что тайных обществ, в том числе и политических, в александровской России было очень много, а декабристские организации вовсе не исчерпываются Союзом спасения, Союзом благоденствия, Северным и Южным обществами и Обществом соединенных славян. И если бы Пестель состоял не в Союзе спасения, а, например, в Ордене русских рыцарей, то именно эта организация считалась бы первым декабристским тайным обществом.

Уже появляются статьи и монографии, пересматривающие многие частные аспекты деятельности декабристов⁸². Представляется, что настало время для обобщающей монографии, в которой старая концепция будет, конечно, учитываться, но только в качестве одной из версий, имеющей к реальности весьма опосредованное отношение.

⁸² См.: Бокова В.М. *Эпоха тайных обществ*. М., 2003; Киянская О.И. *Южное общество декабристов. Люди и события*. М., 2005; Эрлих С.Е. *История мифа*. СПб., 2006.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр», главный редактор
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Фридман Леонид Абрамович

доктор экономических наук, профессор, руководитель
Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии
и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ

Горохов Андрей Юрьевич

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского центра «Зарубежсхема»
Минэкономразвития РФ

Мяло Ксения Григорьевна

кандидат исторических наук, политолог, публицист

Найдыш Вячеслав Михайлович

доктор философских наук, профессор, академик Академии
гуманитарных наук, зав. кафедрой онтологии и теории
познания Российского университета дружбы народов

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной
критики факультета журналистики Российского
государственного гуманитарного университета

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences, President of the International Public Foundation «Experimental Creative Center»; editor-in-chief of «Russia XXI», Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Fridman Leonid Abramovich

D.Sci. in economics, Professor, the chief of the Laboratory for interdisciplinary studies of Central Asia and Caucasus, the Institute of Asian and African Countries at Moscow State University

Gorokhov Andrey Yur'evich

Ph.D. in economics, leading scientific specialist of the Scientific research center «Zarubezhskhema» in the Ministry of Economical Development RF

Mialo Ksenia Grigor'evna

Ph.D., historian, specialist in political sciences, publicist

Naydysh Viatcheslav Mikhailovich

D.Sci., Philosopher, Professor, Head of the Department of Ontology and Epistemology, Russia Peoples' Friendship University

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., philologist, Professor, Chair of literary criticism, Russian State University for the Humanities

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В.(зам.гл.ред.),
Мамиконян Е.Р.(зам.гл.ред.),
Каравашкина А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:
123001, Москва, Вспольный пер., 18

Редакция располагается по адресу:
Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2007

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 12.02.2007. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел.554-21-86

1.2007 january-february

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Children of a Non-commissioned
Officer's Widow _____ 4

Geopolitics and International Policy Issues

Leonid Fridman

China, Russia and the USA. Different
Calculations Bring about Different
Results (the end) _____ 52

Modern Utopia

Andrey Gorokhov

The Human Life: Self-sustained Value
or an Economic Notion? _____ 84

Russia in the World

Kseniya Myalo

Back to the Perennial Natural Circle:
in the Face of the Globalization
Challenge (the end) _____ 112

Labels and Myths

Viatcheslav Naydysh

The Subject of the Philosophy
of Mythology and Emergence
of the Discipline
in Russia (the end) _____ 134

Pages of History

Oksana Kiyanskaya

P. I. Pestel under Investigation __ 162